

П. Д. ВЕРЕЩАГИН

Крестьянские переселения из Белоруссии

(Вторая половина XIX в.)

Минск
Издательство БГУ им. В. И. Ленина
1978

Научный редактор К. И. Шабуня, член-корреспондент АН БССР, заслуженный деятель науки Белорусской ССР

Рецензенты: Л. П. Липинский, доктор исторических наук, профессор; А. И. Сидоренко, кандидат исторических наук, доцент.

Верещагин П. Д.

В 31 Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.).—Мн.: Изд-во Белорусского государственного ун-та, 1978.—144 с.

Автор исследует предпосылки крестьянских переселений на окраины России, особенности переселенческой политики царизма в западных губерниях, значение крестьянских переселений и др.

За 50 пореформенных лет из Белоруссии выехало не менее миллиона человек. Этот процесс оказал большое влияние на все стороны социально-экономической жизни как в районах вселения мигрантов, так и в районах их выхода.

Книга адресована научным работникам, преподавателям и студентам исторических факультетов вузов.

10604—075
В— 37—78
М316—78

9(С)16+312

Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1978

*Своему деду — переселенцу
Ивану Тимофеевичу Выпрыш-
кому посвящаю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Миграции населения как совокупность его пространственных сдвигов — явление, характерное для всех времен существования человечества. Однако несмотря на извечность, они глубоко историчны, поскольку причины, формы, результаты миграций в разные эпохи различны. «...Всякому исторически особенному способу производства... свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения»¹. Отвергнув базирующийся на мальтизянской философии тезис буржуазных антропогеографов об особых универсальных законах миграций, К. Маркс и Ф. Энгельс указали на основной фактор миграционных процессов в период капитализма. «...Рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»².

Возраставшее аграрное перенаселение в пореформенной России обусловило необходимость «отводных каналов». Так были созданы предпосылки для капиталистического «перекочевывания» населения.

В основном миграции населения в России в период капитализма проявлялись в виде: 1) сезонных перемещений крестьян в поисках заработка с регулярным возвращением к постоянному месту жительства (отхожие земледельческие и неземледельческие промыслы); 2) ухода сельского населения в города, обусловленного образованием рынка рабочей силы для промышленности; 3) перемещения крестьянского населения на окраины России с целью продолжения земледельческого хозяйства (аграрные миграции).

Внутренний характер был отличительной особенностью российских переселений. Именно на «внутреннюю колонизацию» указывал В. И. Ленин как на одну из «важных особенностей России сравнительно с Западной

Европой»³. Особенностью была и преимущественность перемещения земледельческого населения.

Настоящее исследование посвящено аграрным миграциям*. Крестьянские переселения повлекли за собой глубокие социально-экономические перемены. В. И. Ленинставил задачу изучения переселений, считая ее одной из актуальнейших проблем.¹ Критикуя легального марксиста П. Скворцова за недооценку, в частности, переселений, В. И. Ленин писал: «...разве может хоть один экономист... не придавать значения ежегодным переселениям», кто «...видит свою задачу в том, чтобы изучать особенности экономического строя и развития России... необходимо должен поставить вопрос: какое именно влияние оказывает переселения в России?»⁴.

Необходимость всестороннего исследования крестьянских переселений обусловлена многообразием связанных с ними явлений. В. И. Ленин указывал на связь многих важнейших процессов экономической и социальной эволюции пореформенной России с переселением крестьянства. Он особенно подчеркивал большое их значение для процесса социального расслоения деревни. «...Развитие переселенческого движения дает громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства»⁵.

Белоруссия была районом активных аграрных миграций крестьянства. В 1885—1914 гг., по неполным данным, пять западных губерний дали 550 тыс. переселенцев только в Сибирь. Это составило 54% выходцев из 24 губерний нечерноземной полосы России и более 11% общероссийского переселенческого движения⁶.

Между тем вопрос об аграрных миграциях крестьянства из Белоруссии остается малоизученным. В работах, посвященных этой теме по России, специально он не рассматривался, но эти работы имеют для нашего исследования определенное значение.

Впервые о переселенческой вспышке конца 60-х гг. в Белоруссии упоминается в статье Ю. Э. Янсона. В 1868—1869 гг. «всего сильнее стремление к выселению обнаружилось в Белоруссии», констатировал автор. Ю. Э. Янсон

* Наряду с термином «крестьянские переселения» нами употребляется термин «аграрные миграции крестьянства», поскольку целью крестьянских переселений на окраины России было сохранение и продолжение там земледельческого хозяйства.

указал на категории крестьян, среди которых началось переселенческое движение. Это была беднота из числа бывших государственных и бывших помещичьих крестьян. Причины переселений Ю. Э. Янсон усматривал в голодае и бедности крестьянских масс. Неурожай 1867 г. и желание более зажиточных крестьян «при круговой поруке избавиться от бедняков» отнесены им к числу факторов, ускоривших переселение⁷.

Упоминает события, связанные с началом крестьянских переселений из Белоруссии, а также указывает на отдельные причины их А. Ф. Риттих⁸.

В работе Ф. М. Уманца «Колонизация свободных земель России» (Спб., 1884) уже в самом названии подчеркнута точка зрения автора: аграрного вопроса в центре страны не существует. «Вопреки тому, что обыкновенно говорят и пишут» по вопросу обеспечения крестьян землей, «средняя величина существующего даже в настоящее время... (т. е. в начале 80-х гг.—П. В.) в Центральной России надела почти превышает рабочую силу средней крестьянской семьи», и потому увеличением наделов «можно скорее дойти до предела, когда надел будет разорять рабочего», нежели способствовать подъему крестьянского благосостояния⁹. Отсюда и основной вывод Ф. М. Уманца: переселенческий вопрос существует в России не как часть аграрного вопроса, а как колонизационный вопрос.

По мнению автора, бедность — не главная причина крестьянских переселений. «Губернаторские отчеты за десятилетие с 1870 по 1879 г., — подчеркивает он, — устанавливают на первый взгляд весьма странный факт. Те губернии, которые мы привыкли считать наиболее нуждающимися, дают наименьший процент переселений»¹⁰. К числу таких он отнес Витебскую, Могилевскую и Минскую. И Ф. М. Уманец делает следующий категорический вывод, в котором отразилась абсолютная несостоятельность коренного положения дворянской историографии, отрицавшей социально-экономические причины переселений: «Опытом нашей собственной колонизации вполне доказано, что при обыкновенном порядке вещей более состоятельные в экономическом и нравственном смысле местности дают больший процент переселенцев»¹¹.

О переселениях из Белоруссии заговорили представители и либерально-буржуазной историографии. Но их

данные носили скорее информативный, нежели научный характер. Исследуя сибирское переселение, А. А. Кауфман отмечал переселения из Белоруссии. Он писал о «неизменно высокой цифре выселений» из Витебской губ., начиная с 1896 г.¹² В последующих работах А. А. Кауфман неоднократно подчеркивал возрастающую роль белорусов в переселенческом потоке¹³.

О нарастании темпов переселений из Белоруссии писал В. В. Кирьяков: «Значительно увеличилось число переселенцев из западных губерний (Виленской, Гродненской, Kovенской, Могилевской, Витебской и Минской); число выходцев из этих губерний, составляя до 1896 г. менее 1% общего числа сибирских переселенцев, возросло к 1898 г. уже до 14,7%, составляя, таким образом, более половины всего числа выходцев из нечерноземной полосы»¹⁴.

Либерально-народническая историография, уделявшая большое внимание аграрному, а следовательно и переселенческому, вопросу, в свою очередь как-то затрагивала переселения из Белоруссии. В сборнике «Очерки по крестьянскому вопросу» в статье «Из хроники крестьянского дела. Переселенческое дело» В. Розенберг писал о возрастающей роли западных губерний в переселенческом движении. Причем подчеркивал, что по числу переселенцев Могилевская и Витебская губернии обогнали «даже большинство губерний черноземной полосы». Он делал вывод, противоположный выводу Ф. М. Уманца: «На северо-западе от главного переселенческого очага... образовался... новый сплошной район, для которого переселенческий вопрос получил первостепенную важность». Однако главные причины крестьянских переселений, как и всякий либеральный народник, В. Розенберг видел в приросте населения, приведшем к тому, что в деревне каждые «двою должны довольствоваться наделом, достаточным для обеспечения одного»¹⁵.

Н. Г. Простнев сконцентрировал внимание на периоде наибольшего выхода на окраины крестьян Могилевской губ.— 1897 г.— первая половина 1909 г. Автор считает, что толчком к переселению служили «исключительно» экономические условия, и особенно недостаток «удобной для культуры земли», который, как и для В. Розенberга, был результатом увеличивавшегося прироста населения¹⁶.

В белорусской советской историографии крестьянские переселения долгое время оставались вне поля зрения. Специальных исследований по данной проблеме нет до сих пор. Некоторые сведения можно почерпнуть в работах, посвященных другим сторонам социально-экономической, политической жизни западных губерний России.

Одним из первых обратил внимание на крестьянские переселения М. В. Довнар-Запольский. Указав, что переселенческое движение имело «глубокие экономические корни»¹⁷, он, однако, не попытался охарактеризовать их. Рассматривая развитие капитализма в Белоруссии только с 80-х гг., М. В. Довнар-Запольский неверно отнес и начало переселений из Белоруссии к концу 80-х—90-м гг., отмечал, что в 90-х гг. переселение «было еще незначительно по своим размерам». Перенося крестьянские переселения почти исключительно в область юридических норм столыпинского законодательства, автор ограничил рассмотрение проблемы экскурсом, «небольшой справкой», помещенной в главе «Население». Его положение о слабой «интенсивности земледелия» как причине переселений, высказанное позднее, не внесло ясности в вопрос¹⁸.

С. Агу르ский в своей работе «Революционное движение в Белоруссии. 1863—1917» (Минск, 1928) упоминает и переселения, но подает этот материал скорее как иллюстративный к положению крестьянства. «Желая вырваться из этого «ада кромешного», — пишет автор, — крестьяне начали массами уходить в город и переселяться в другие районы»¹⁹.

В. К. Щербаков, обращаясь к теме Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии и белопольской оккупации, также упоминает, наряду с эмиграцией, о крестьянских переселениях конца XIX — начала XX в. в связи с характеристикой положения крестьян²⁰.

Начало марксистско-ленинскому освещению аграрного вопроса в Белоруссии положили работы Д. А. Дудкова. Исследуя столыпинскую реформу в Витебской губ., Д. А. Дудков обращается к вопросу крестьянских переселений периода столыпинщины. Д. А. Дудков характеризует их отдельные причины, социальную принадлежность переселенцев. Определяет переселенческое движение как пассивную форму классовой борьбы²¹.

В следующей работе, посвященной изучению развития капитализма в Белоруссии во второй половине XIX — начале XX в., Д. А. Дудков уделил значительно меньше внимания крестьянским переселениям. Положения о том, что «в Белоруссии в 60-х гг. крестьянские переселения чувствовались еще слабо» и что только «с 80—90-х гг. ... начало прогрессивно расти движение переселенцев из Белоруссии в Сибирь»²², явились результатом того, что Д. А. Дудков связывал переселения крестьян исключительно со степенью развития капитализма, игнорируя роль других факторов.

Некоторые сведения о крестьянских переселениях можно почерпнуть в ряде историко-экономических работ. Так, Г. Бондарь и П. Паниматко в работе «Сельское хозяйство Белоруссии на путях социалистической реконструкции» (М.—Л., 1931) констатируют факт сильного переселенческого движения в Белоруссии²³. С. Н. Малинин и Я. Г. Раков в небольшом исследовании «Что дала Советская власть трудящимся БССР» (Минск, 1939) пишут, что «безземелье, нищета и голод гнали десятки и сотни тысяч деревенской бедноты из Белоруссии в Сибирь и в эмиграцию в Америку». Подчеркивают трагический исход переселений для многих бедняков: «Большая часть этих переселенцев, лишенных какой бы то ни было помощи, окончательно разорялась, часть из них возвращалась назад батраками и попадала снова в жестокую кабалу к помещикам и кулакам; значительная часть их умирала по дороге и на новых необжитых местах от болезней, холода и голода»²⁴.

В 50-е гг. начался новый этап в изучении аграрного вопроса в Белоруссии. В определенной мере это отразилось и на проблеме крестьянских переселений. И. И. Саладков, исследуя социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX — начало XX в.), формулирует и отдельные положения о крестьянских переселениях, подкрепляет их фактическим материалом. Автор обращает внимание на то, что в Сибири устраивались далеко не все переселившиеся, следствием чего было сильное «обратничество». Обратные же переселенцы на родине, как правило, окончательно разорялись. Правда, автор не разграничивает крестьянские переселения конца XIX в. и периода столыпинщины, сопоставляет численность пере-

селенцев 1906—1907 гг. с числом ушедших из Белоруссии в военные годы (1904—1905), когда переселение было приостановлено. В результате и неверный вывод, что до 1906 г. переселения из Белоруссии были незначительны²⁵.

Крупный вклад в изучение пореформенных аграрных отношений в Белоруссии внес К. И. Шабуня. В монографии, посвященной аграрному вопросу и крестьянскому движению в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., в ряде других работ К. И. Шабуня отмечает связь крестьянских переселений с аграрным вопросом, характеризует отношение к ним царского правительства, отвечавшее интересам помещиков, стремившихся «обеспечить свое хозяйство дешевыми работниками», рассматривает социальную принадлежность переселенцев²⁶.

Затронул переселения 60-х и 80-х гг. А. И. Кожушков²⁷. Он приводит статистические данные о прямых и обратных переселенцах за 1885—1904 гг. Из его положения о «вынужденности» крестьянских переселений можно заключить, что он относит переселенцев к разряду бедноты. А. И. Кожушков приводит ленинское положение о том, что «переселение усиливало расслоение деревни». Имеются и неточности. Так, например, говоря о переселенческой вспышке, имевшей место летом 1868 г. в Минской губ., А. И. Кожушков пишет о предъявленных будто бы 350 крестьянскими семьями Борисовского у. губернатору требованиях в связи с переселением. В действительности речь следует вести всего лишь об условиях, на каковых эти крестьяне изъявили готовность переселиться в Самарскую губ., считая, что циркуляр 13 апреля 1868 г. устанавливал обязательность переселения.

В монографии Т. Е. Солодкова «Борьба трудящихся Белоруссии против царизма (1907—1917)» при упоминании о крестьянских переселениях расширен круг источников, приведены данные архивов. Тем не менее и Т. Е. Солодков остался в рамках оценки крестьянских переселений преимущественно с позиций положения крестьян²⁸.

Л. П. Липинский, исследуя развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии во второй половине XIX в., в отличие от других авторов, говорит о юридическом положении переселенческого дела в России, правда, приводит только один закон — «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные зем-

ли...», — одобренный Александром III 13 июля 1889 г. Причины массовых переселений крестьян из Белоруссии Л. П. Липинский усматривает в «наступившем аграрном кризисе» и в «беспросветной жизни в деревне, нищете и голоде», которые гнали их «во все концы России», в том числе и на переселение в Сибирь. Он коснулся вопроса об имущественном положении переселенцев. И хотя категорически о социальной принадлежности переселенцев Л. П. Липинский не говорит, можно считать, что он относит их к низшим группам крестьянства²⁹.

Рассматривая отношение периодической печати Белоруссии к аграрному вопросу, крестьянским переселениям, С. М. Самбук подчеркивает, что печать реагировала вставший во весь рост переселенческий вопрос «в зависимости от политического направления каждого органа». Сопоставив позиции официозного «Виленского вестника» и либерального «Минского листка», автор пишет, что первый, в угоду помещикам, отрицал наличие объективных причин переселений, а для второго они «были следствием острого малоземелья»³⁰. Последний вывод не совсем точен. Либералы, как известно, отрицали наличие абсолютного малоземелья в пореформенной России, признавая лишь его относительность.

Мы не характеризуем материалы о крестьянских переселениях, содержащиеся в коллективных трудах — «История БССР (т. 1. Минск, 1954; т. 1. Минск, 1961) и «Гісторыя Беларускай ССР» (т. 2. Мінск, 1972). В создании этих работ принимали участие авторы, отдельные исследования которых рассматривались выше. Отметим только, что, если Д. А. Дудков писал о переселенческом движении как о «пассивной форме сопротивления эксплуатации», Л. П. Липинский квалифицировал этот процесс как «своеобразную форму крестьянской борьбы»³¹.

Аграрные миграции крестьянства нашли известное отражение в социально-экономической литературе. В коллективной работе «Экономическая история БССР» (Минск, 1965) Т. П. Трацевская, упоминая о крестьянских переселениях, пишет, что «дифференциация крестьянства создала условия для подвижности населения, в частности для переселения в Сибирь»³². В вышедшем позднее аналогичном издании («Экономическая история БССР. Минск, 1969), в статье, написанной в соавторстве Т. П. Трацевской и В. П. Панютичем, причина переселений ви-

дится в «малоземелье и частых неурожаях, помещичьей кабале и непосильных налогах»³³. В работе «Народное хозяйство Белоруссии за 40 лет» (Минск, 1957) определен социальный облик переселенцев, приведены некоторые статистические данные³⁴.

В исследованиях А. А. Ракова приведены данные о переселившихся из белорусских губерний в 1896—1909 гг., однако автор в их число включил и ходоков. В результате этого искусственно увеличилась цифра переселенцев почти на 94 тыс.³⁵ А. А. Раков утверждает, что уже на рубеже XIX—XX вв. население Уссурийского края на 5/6 было представлено выходцами из Белоруссии³⁶, хотя перепись населения 1897 г. отнесла все белорусские губернии к числу таких, которые в Приморской и Приамурской областях были представлены менее, чем 1000 чел. своих выходцев. Основными засельщиками Уссурийского края были крестьяне из Полтавской и Черниговской губерний³⁷. Тезис А. А. Ракова о том, что «из Белоруссии в Сибирь выехало населения больше, чем из других частей Европейской России»³⁸, верен только по отношению к губерниям нечерноземной полосы.

Некоторый материал о крестьянских переселениях из Белоруссии содержится в работах, посвященных исследованию данного вопроса по России. Так, Л. Ф. Скляров, говоря о причинах крестьянских переселений, упоминает и Могилевскую губ., которую он ошибочно отнес к району «преобладания капиталистической формы ведения помещичьего хозяйства»³⁹.

П. Н. Першин, исследуя вопрос об аграрной революции в России, подчеркнул противоречивость положения, существовавшего в Белоруссии: с одной стороны, высокий удельный вес латифундий, а с другой — крайне ограниченные возможности для приложения «излишнего» крестьянского труда, что было причиной массовых переселений крестьянства⁴⁰.

В статье Б. В. Тихонова «Переселенческая политика царского правительства в 1892—1897 гг.» как пример усиления переселений во второй половине 90-х гг. упоминаются и две белорусские губернии — Витебская и Могилевская. Автор пишет о «напряженности положения», сложившегося в Белоруссии в 1896 г. на почве переселенческого движения. Нельзя, однако, согласиться с ним в том, что до середины 90-х гг. крестьянство белорусских

губерний «почти не участвовало в сибирском переселении и не имело представления об условиях жизни в Сибири»⁴¹.

Таким образом, крестьянские переселения из Белоруссии в период капитализма, специально не исследовавшиеся, нашли определенное отражение в историографии. По отдельным вопросам проблемы высказаны интересные соображения. Однако в целом вопрос переселенческого движения в Белоруссии остается проблемным. Не решены центральные аспекты проблемы — как, например, связь крестьянских переселений с процессом развития капитализма, который происходил в условиях существования многочисленных остатков крепостничества. Не показано значение крестьянских переселений для развития капитализма вглубь — в районах выхода переселенцев. Неисследованной остается переселенческая политика самодержавия, ее особенности в западных губерниях.

Эти обстоятельства определили выбор темы исследования.

Нашей задачей является характеристика социально-экономических процессов, связанных с аграрными миграциями крестьянства на полюсе выселения — (переселения), а не на полюсе вселения — (колонизация). Хронологически исследование охватывает вторую половину XIX в., но в ряде случаев дается освещение проблемы до 1905 г.

Работа написана в основном по материалам архивов Ленинграда, Москвы, Минска, Гродно, Вильнюса, Куйбышева, Оренбурга, Ульяновска и Уфы. Использованы также и другие источники и исследования.

Автор признателен научным сотрудникам ЦГИА БССР Н. К. Лещенко, Н. К. Булыга, А. Г. Азаровой и др.

ПРЕДПОСЫЛКИ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Пореформенные аграрные отношения. Социальное расслоение крестьянства

Вопрос о предпосылках крестьянских переселений освещен в советской историографии в самом общем виде¹. В. И. Ленин подчеркивал, что «колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»². Характеристика пореформенных аграрных отношений в Белоруссии, показ их особенностей необходим для выяснения роли белорусского крестьянства в переселенческом движении.

Среди предпосылок, обусловивших крестьянские переселения, главная роль, несомненно, принадлежала земельным условиям, в которые крестьянство было поставлено реформой 1861 г. В землевладении западных губерний продолжал господствовать помещичий класс: по данным за 1877 г., половина земельной площади пяти губерний оставалась в его руках. В 49 губерниях Европейской России эти земли занимали только 24 %. Наибольшая площадь дворянских земель была сконцентрирована в Минской губ.— 60,7 %, наименьшая — в белорусских уездах Гродненской (41,7 %) в силу наличия там больших площадей земель казенных, церкви и удельного ведомства³.

К 1905 г. удельный вес дворянских земель в Белоруссии упал до 41 %, но зато выросли частновладельческие земли (с 55,3 до 57,0 %), главным образом за счет расширения буржуазного землевладения⁴.

Частное землевладение носило сословный характер. В 1877 г. дворянам принадлежало 91,1 % всех частных земель. К 1905 г. этот процент сократился до 80,2. И тем не менее сословный, средневековый характер землевладения оставался господствующим, поскольку дворянам по-прежнему принадлежало 4/5 частных земель; во всей Европейской России — лишь немногим более 3/5 (61,9 %).

По удельному весу дворянского землевладения Белоруссия уступала только Прибалтийскому краю. В землевладении пореформенной Белоруссии ярко проявлялось господство латифундий. Об этом свидетельствуют данные о распределении частной земельной собственности по группам владений. Так, в 1877 г. на долю землевладения до 20 дес. на двор, представленного преимущественно купчими крестьянскими землями, в пяти губерниях приходилось 1,9% всех частных земель. Владения же размером 500 дес. и более сосредоточили 84,3% земли. Между тем первые владельцы составляли 56,2%, а вторые — лишь 7,8%. Мало что изменилось в этом отношении и к 1905 г.⁵

Сравнивая удельный вес крупного землевладения в Белоруссии с общероссийским, увидим, что в Белоруссии он был значительно большим, составляя 46,7% всего землевладения в 1877 г. и 39,6% — в 1905 г. В Европейской России на долю владений свыше 500 дес. в 1905 г. приходилось лишь 25%⁶. По распространенности латифундий Белоруссия опережала даже такой район латифундиального землевладения, как Южная степная Украина.

В. И. Ленин писал: «Нелегко найти в Европе и даже во всем мире страну, где сохранилось в таких чудовищных размерах крупное крепостническое землевладение»⁷. Высокая степень концентрации земель в руках незначительного числа магнатов означала безземелие огромных крестьянских масс.

Процесс распада сословного и роста бессословного землевладения в Белоруссии проходил медленнее, чем в нечерноземной полосе. Так, с 1862 по 1904 г. дворяне нечерноземной полосы потеряли 42,0% своих земель, в Белоруссии — до 21,7%⁸. Еще большей была разница в сравнении Белоруссии с Европейской Россией в целом, хотя и в последней этот процесс шел сравнительно медленно, так как крестьянское надельное землепользование было приспособлено реформой 1861 г. к обслуживанию помещичьего хозяйства.

Являясь наследием феодализма, помещичье землевладение выступало «носителем традиций и пороков крепостничества»⁹. Перестраивая свое хозяйство на капиталистических началах, помещики прибегали в то же время к кабальным, феодальным формам эксплуатации

крестьян, 4/5 дворов которых не могли вести самостоятельного хозяйства из-за ничтожности наделов.

Развитие капитализма в крестьянском хозяйстве выражалось прежде всего в разложении крестьянства, в процессе формирования «новых типов сельского населения»¹⁰. Одним из свидетельств глубины разложения крестьянства служат данные о распределении надельной земли. Крестьянство пяти губерний в итоге реформы 1861 г. получило только 35,5% всей земельной площади. По губерниям надельные земли распределялись неравномерно. От 39,8% в Виленской их удельный вес опускался до 25,8% — в Минской¹¹. Такое «освобождение» оставляло крестьян в кабале у помещиков. К тому же в ходе социального расслоения крестьянства средний размер надела на двор систематически сокращался. Этому способствовал рост населения в пореформенный период. В 1877 г. в Белоруссии крестьянский двор владел в среднем 14,8 дес., а через 28 лет, в 1905 г., — 10,8 дес.¹²

Хуже прочих надельной землей были обеспечены крестьяне восточных губерний Белоруссии. В Могилевской губ. в отдельных уездах средний размер надела на двор падал до 6,8 дес. Более высокий размер среднего надела на крестьянский двор в Витебской губ. был результатом дополнительной прирезки земли в 1863 г. по инфляндским уездам. В остальных же уездах средний размер надела составлял 75% к среднему наделу по губернии¹³.

Анализ данных за 1893 г. об обезземеливании крестьян Белоруссии показывает следующее¹⁴:

Губерния	Количество дворов	В том числе безземельных	%
Виленская (4 уезда)	51 185	4 867	9,5
Витебская (5 уездов)	56 455	3 954	7,0
Гродненская (6 уездов)	96 406	7 437	7,7
Минская	136 338	11 370	8,3
Могилевская	176 861	11 774	6,7
Всего	517 245	39 402	7,7

В Могилевской губ., крестьянство которой было хуже обеспечено землей, процент безземельных дворов был

самым низким. Наименьшим было и отклонение по уездам от среднегубернского уровня безземельных дворов (максимальный процент был в Быховском у.— 9,0). Это говорит о замедленности здесь темпов расслоения, о сдерживающем влиянии феодальных пережитков. Напротив, при лучшей обеспеченности землей крестьян Виленской и Гродненской губерний удельный вес безземельных дворов здесь — соответственно 9,5% и 7,7% и отклонения от среднего процента таковых по губернии в них большие. Более интенсивная капиталистическая эволюция деревни в этих губерниях была следствием меньшей роли здесь пережитков крепостничества. Об обогащении меньшей части, за счет разорения большинства крестьян еще нагляднее свидетельствуют данные за 1877—1905 гг. об изменении в крестьянском землепользовании¹⁵:

Губернии	Годы	% дворов по размерам надела		
		до 15 дес.	15—20 дес.	свыше 20 дес.
Виленская (4 уезда)	1877	48,5	41,3	10,2
	1905	58,7	29,7	11,6
Витебская (5 уездов)	1877	68,5	30,7	0,8
	1905	73,6	6,0	20,4
Гродненская (6 уездов)	1877	49,0	34,3	16,7
	1905	42,6	30,2	27,2
	1877	44,5	33,2	22,3
Минская	1905	88,7	6,8	4,5
	1877	85,1	14,0	0,9
Могилевская	1905	97,5	2,1	0,4
<hr/>		<hr/>		
В с е г о	1877	61,9	27,7	10,4
	1905	82,5	9,7	7,8
В среднем надел 1 двора, дес.	1877	10,0	16,7	26,5
	1905	8,0	16,9	23,1

За 29 лет число низшей группы хозяйств увеличилось более чем в 2 раза (с 234 242 до 487 175). Удельный вес их возрос на 20,6%, а средний размер надела на двор сократился на 25,0%. Увеличилась и группа состоятельного крестьянства с 39 636 до 46 349 дворов. Число хозяйств средней группы за это время уменьшилось со 104 605 до 57 007, т. е. тоже почти в 2 раза¹⁶.

Однако распределение надельной земли не отражает полностью действительных масштабов расслоения, так как в крестьянском землевладении и землепользовании

большую роль играли купчие и арендованные земли. «У бедноты роль надельной земли падает, потому что растущая нужда и разорение заставляют сдавать ее, бросать землю, уменьшать земельное хозяйство в силу недостатка скота, инвентаря, семян, денежных средств... В высших группах крестьянства надельная земля падает в своем значении, ибо расширяющееся хозяйство вынуждено выходить далеко за ее пределы, вынуждено строиться на землевладении новом, не тягловом, а свободном, не исконно-родовом, а покупаемом на рынке: купля и аренда»¹⁷.

За 1877—1905 гг. купчие крестьянские земли увеличились в Белоруссии с 205,9 тыс. дес. до 1612,9, т. е. в 7,8 раза¹⁸. Распределение их между крестьянскими дворами было очень неравномерным. Об этом свидетельствуют данные за 1907 г. по Витебской губ.¹⁹:

Группы хозяйств	Всего хозяйств	% ..	У них земли, %		Удельный вес земли в группах хозяйств	
			надельной	купленной	надельной	купленной
Без посева	16 944	9,9	3,7	3,8	80,7	19,3
С посевом						
от 1 до 8 дес.	142 612	83,5	82,3	52,3	87,1	12,9
от 8 до 15 дес.	9 811	5,7	12,2	25,8	67,3	32,7
свыше 15 дес.	1 459	0,9	1,8	18,4	29,9	70,1
В с е г о		170 856	100,0	100,0	100,0	81,1
						18,9

Купчие земли к концу XIX в. занимали большое место в землепользовании всех групп крестьянских хозяйств. Если в хозяйствах с посевом до 8 дес. купчие земли составляли к надельным от 11,4 до 23,2%, то в высшей группе—от 146,2 до 702,2%²⁰. Высшие группы хозяйств в большей мере были связаны с торговым земледелием.

В отличие от покупки земель аренда несла в себе крепостнические черты, часто выступала «крепостническим способом приобретения рабочих рук для барина»²¹.

Сопоставимых данных по Белоруссии о площади арендованной земли не имеется. Из имеющихся по Витебской и Минской губерниям неполных сведений о крестьянских арендах в начале XX в. видно, что крестьяне этих губерний арендовали 258,5 тыс. дес.²² Эта цифра заниже-

на, так как неучтенными остались мелкие нерегистрированные аренды.

Распределение арендованных земель свидетельствует о их преимущественной концентрации в руках зажиточных крестьян. Это явствует из данных за 1907 г. о распределении арендованных земель между группами крестьянских хозяйств Витебской губ.²³:

Группы хозяйств	Арендующие хозяйства		Их доля в категориях хозяйств, %	У них арендованной земли, %	В среднем арендованной земли на двор, дес.
	Число	%			
Без посева и с посевом до 8 дес.	25 288	89,2	17,0	73,1	4,3
С посевом от 8 до 10 дес.	1 420	4,4	20,8	8,4	9,0
свыше 10 дес.	1 811	6,4	44,6	18,5	15,3
Всего	28 319	100,0	18,2	100,0	5,3

Обращает внимание высокий процент дворов, не участвовавших в аренде, представленных наиболее нуждавшейся частью деревни. Бедноте «перепадают жалкие крупицы», — писал по этому поводу В. И. Ленин²⁴. В то же время состоятельное, зажиточное крестьянство имело в числе арендаторов в два с половиной раза больше своих представителей. Еще ощутимее разница в размерах аренды на двор: в высшей группе — 15,3 дес., в низшей — 4,3 дес., т. е. в 3,4 раза меньше.

У низшей группы хозяйств арендованные земли не превышали 13,4% по отношению к надельным. В группе же с посевом от 10 до 50 дес. на двор они поднимались до 95,4%²⁵.

«Арендование вненадельных земель,— писали «Витебские губернские ведомости»,— непременно требует присутствия у арендатора... большого сравнительно количества скота, т. е. доступно весьма немногим из крестьян»²⁶. Беднота мало арендовала не только по этой причине. «Аренду могли брать только более зажиточные,— объяснял крестьянин Езеристской вол. Себежского у. А. Демешко,— у которых земли и без того довольно, а беднейшему взять, так нужно занять деньги или лишиться необходимого в хозяйстве скота. В первом случае не каждый имеет возможность, и... краткосрочный кредит для этого немыслим и непосилен, хотя бы за 10 или даже за 8%»²⁷.

Для того чтобы определить действительное землевладение групп крестьянства, необходимо выяснить также роль аренды надельных земель, особенно наглядно подчеркивавшей противоречивое значение аренды в разных категориях крестьянских дворов. Представление об этом дают материалы за 1907 г. о сдаче в аренду земли по Витебской губ.²⁸:

Группы хозяйств	Число дворов, сдававших в аренду надельную землю	Их доля в категориях хозяйств, %
Без посева и с посевом до 8 дес.	8657	6,0
С посевом от 8 до 10 дес.	109	2,2
свыше 10 дес.	184	4,1
Всего	8950	5,7

Ранее было показано, что высшая группа крестьянских дворов преимущественно арендовала, низшая, как видно из настоящих данных, преимущественно сдавала в аренду. Незначительное число зажиточных крестьян также отдавали часть своих земель в аренду, но это уже была спекулятивная капиталистическая переаренда. В среде крестьянства формировался класс «ростовщиков... покупщиков и съемщиков крестьянских и помещичьих земель — мужицкая аристократия»²⁹. Так, из Павловичской вол. Могилевского у. писали, что «арендаторы, арендая в селениях неограниченное число наделов... сдают нуждающимся в земле крестьянам по тем ценам и на тех условиях, какие устанавливают сами, которые часто бывают обременительны и трудно исполнимы». О такой аренде крестьяне говорили, что «она выжимает последние соки»³⁰.

Таким образом, как неодинаковы были причины сдачи надельных земель в аренду различными группами крестьянских дворов, так различны были и ее последствия: бедняцкое хозяйство разорялось, зажиточно-кулацкая верхушка еще больше увеличивала свои капиталы. Итак, и у высшей группы крестьянства, и у бедноты — действительное землепользование становилось «все менее и менее соответствующим официальному, казенному, надельному землевладению крестьянства»³¹.

Важным показателем разложения крестьянства является распределение лошадей по группам хозяйств³²:

Группы хозяйств	1888 г.				1900 г.			
	Число дворов	%	Число лошадей	%	Число дворов	%	Число лошадей	%
Безлошадные	97 810	18,1	—	—	118 299	18,0	—	—
1-лошадные	201 177	37,1	201 177	22,5	281 688	42,9	281 688	29,1
2-лошадные	128 680	23,8	257 360	28,8	152 845	23,3	305 690	31,6
3-лошадные	62 612	11,6	187 836	21,0	63 296	9,6	189 888	19,6
4- и более лошадные	51 264	9,4	248 009	27,7	40 871	6,2	190 819	19,7
Всего	541 543	100,0	894 382	100,0	656 999	100,0	968 085	100,0

Как видно, за 13-летний период число крестьянских дворов увеличилось более чем на 1/5 (21,3%). Вся эта масса, так как только безлошадные дворы возросли на 20,0%, пополнила в основном ряды бедноты, которая еще больше отделилась от малочисленной, но экономически крепкой деревенской верхушки. Оказавшись без рабочего скота, крестьянин, как правило, лишался и земли, которую нечем было обрабатывать. Теперь его существование определялось наличием заработков у помещика или кулака, или на стороне. Увеличились на 40,0% однолошадные дворы. В 1900 г. безлошадные и однолошадные дворы составляли 60,9%. «Это все либо совсем разоренные, либо неимущие крестьяне»³³.

На долю белорусских уездов Виленской и Гродненской губерний, а также Минской в 1900 г. приходилось 75,6% всех безлошадных дворов. В менее «капитализированных» Витебской и Могилевской эти дворы составляли около 1/4 хозяйств. Одновременно в Гродненской и Минской губерниях численно возросла группа зажиточных и богатых дворов, в то время как по всей Белоруссии, как и по Европейской России в целом, она уменьшилась и относительно и абсолютно³⁴. Это значит, что в более развитых в капиталистическом отношении районах центра и запада Белоруссии процесс разложения крестьянства шел быстрее.

Итак, на противоположных полюсах находились, с одной стороны, 400 тыс. безлошадных и однолошадных

дворов (60,9%), а с другой — в 10 раз меньше четырех- и более лошадных — деревенские буржуа (6,2%).

Таким образом, глубина социального расслоения крестьянства находилась в прямой зависимости от уровня капиталистической эволюции деревни.

Пережитки крепостничества

Развитие капитализма в сельском хозяйстве проходило в условиях сохранения многочисленных остатков крепостничества, выступавших «тормозом хозяйственной эволюции, источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни»³⁵. Главнейшим из пережитков феодализма являлось помещичье землевладение, которое обусловило крестьянское малоземелье, нищету, отработки, кабалу. Роль средневековой перегородки, разобщавшей крестьян, точно прикованных к мелким союзам и к потерявшим всякий «смысл существования» разрядам, играла «пресловутая» община.

Обусловленные общиной юридические ограничения, фактическое прикрепление крестьянина к наделу и в то же время лишение его права распоряжаться землей были причиной многих бед крестьянского хозяйства. Связав крестьян по рукам и ногам, удерживая разорявшуюся часть деревни на наделе, община содействовала пауперизации крестьянства, его обнищанию, образованию избыточной рабочей силы.

Крестьянство, «освобожденное» от крепостной зависимости самими помещиками, оказалось в тисках хронического голода. Нужда в земле, нужда в хлебе, нужда в корме для скота, нужда в лесе и топливе, нужда во всех ее видах была причиной отработок, которые являлись прямым и «непосредственным» пережитком барщины.

Западные губернии были поставлены в худшие, сравнительно с Европейской Россией, арендные условия. Помещики, владея огромным количеством земли, предпочитали оптового, устойчивого и состоятельного арендатора в лице мелкой шляхты, бывших управляющих, за житочных крестьян. Между размерами помещичьих имений и составом арендаторов установилась обратная связь: чем крупнее латифундия, тем меньше у нее было мелких арендаторов, и наоборот.

Западные губернии по распространению «аренды на года» уступали только трем юго-западным черноземным губерниям, трем прибалтийским, одной украинской и двум южным степным. Остальные 36 губерний Европейской России шли в этом отношении далеко позади Белоруссии. На долю же краткосрочной аренды в западных губерниях приходилось лишь 15%³⁶.

Борьба за аренду была под силу наиболее зажиточным крестьянам. Так, «Витебские губернские ведомости» писали, что «большинство владельцев ведут или собственное батрачное хозяйство, или отдают имения в аренду (оптовым арендаторам и шляхте.—П. В.), и потому только весьма ограниченное число крестьян может улучшить свое положение работой исполну, притом это занятие доступно преимущественно более состоятельным и семьянистым крестьянам, так как таковым, конечно, отдается предпочтение каждым владельцем»³⁷.

Распространенной формой мелкой аренды была испольная, от которой к концу XIX в. практически сохранилось одно название. Как правило, через арендную плату помещики отнимали у арендаторов и значительную часть заработка. «Арендная плата, взимаемая с нас землевладельцами... настолько велика,— писали крестьяне Рудобельской вол. Бобруйского у.,— что при обработке таковой земли получаем одни лишь убытки»³⁸. В. И. Ленин отмечал, что «помещик выступает при отработках в качестве ростовщика, пользующегося нуждой соседнего крестьянина и приобретающего его труд втридешева»³⁹.

Особенно на невыгодных условиях арендовались помещичьи пастбища и сенокосы, нужда в которых была у крестьян крайне острой. Помещик Оболенский, писали в 1896 г. крестьяне Климовичского у., «отдает совсем неудобные моховые болота, и то платим по 17 р. за каждую десятину и отработку три четверти картофеля и три воза навозу... За пастьбу убираем 60 дес. хлеба»⁴⁰.

В. И. Ленин указывал, что «для громадного большинства крестьян аренда есть кабала», подчеркивая средневековый характер подобных арендных отношений. «В Могилевской губ. ... — приводил пример В. И. Ленин из материалов А. А. Кауфмана, — „всякое улучшение в хозяйстве тормозится неудобствами испольного хозяйства“»⁴¹.

Лишние крестьян еще в дореформенный период леса, нужда в лугах и пастбищах были причиной широкого

распространения сервитутов, существовавших во всех западных губерниях, кроме Могилевской. По данным за 1889 г., в 20 уездах этих губерний сервитутами пользовалось 56% крестьянских дворов⁴².

Помещики использовали сервитуты как рычаг в закабалении крестьян. Они ограничили распространение сервитутов лишь на пастбища. В конце XIX в. лишили крестьян и этой возможности. Тем не менее в 1911 г. сервитутами было охвачено 35,7% помещичьих имений названных выше четырех губерний и 4221 крестьянское общество⁴³.

Существовала целая система фискальных, административных и т. п. мер давления на крестьян. Крестьяне исполняли многочисленные обязанности тяглого характера, которые «сохранили на себе громадные следы средневековья». Только выкупных платежей, которые В. И. Ленин рассматривал как «прямое продолжение средневекового оброка», как «дань крепостникам за освобождение их рабов»⁴⁴, крестьяне одной Витебской губ. платили 910 637 р. ежегодно⁴⁵.

Так же было и в других губерниях империи. «В западных губерниях,— писал К. Маркс,— масса крестьян... несмотря на помощь, оказанную им указами 1863 г., не может уплатить тяготеющих на их наделах податей и повинностей»⁴⁶.

Сохранились всевозможные сословные ограничения. После реформы 1861 г. продолжал существовать или был создан заново целый ряд институтов, призванных закрепить положение крестьянства как низшего сословия⁴⁷. Ограничение свободного ухода не только из общины, но и из сельского общества, административная полицейская опека через институт мировых посредников, непременных членов крестьянских присутствий, а затем земских начальников, регламентация всех прочих сторон деревенской жизни вплоть до семьи, телесные наказания,— все это «остатки старого крепостнического порядка», которые, отмечал В. И. Ленин, «страшно еще велики в нашей деревне»⁴⁸.

Таким образом, отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, разорительные подати и повинности задерживали развитие производительных сил в деревне, доводили до крайне бедственного положения крестьянские массы.

Обнищание крестьянских масс

Являясь прямым продолжением средневекового ведения хозяйства, выражением крестьянской нищеты, рутинная техника оставалась базой крестьянского хозяйства. «В крестьянском быту орудия земледелия употребляются самые простые и легкие: соха... деревянная борона и смык, серп, короткий цеп, коса», — почти неизменно констатировали в своих ежегодных отчетах губернаторы⁴⁹. В Могилевской и Витебской губерниях не изжила себя даже примитивная борона — «смык» — связанные еловые плахи с длинно обрубленными сучьями, заменявшие зубья. Несколько большее распространение в Центральной и Западной Белоруссии железных плугов и борон с металлическими зубьями не вытеснило архаические орудия крестьянского труда. В крестьянском земледелии господствовало трехполье, а местами и двуполье. Не изжили себя перелог и даже подсечка⁵⁰.

Плохо обработанные, слабо или совсем не удобренные крохотные земельные участки давали низкие урожаи. Крестьяне вынуждены были идти по пути расширения запашки. За 1874—1876 гг. крестьянская запашка увеличилась в западных губерниях, в сравнении с предшествующим трехлетием, на 11,7% при ее росте на 0,3% в Европейской России и на 2,2% — в нечерноземной полосе⁵¹.

Нужда в земле заставляла крестьян превращать в пашню все что только можно. Так, в Могилевской губ. крестьянская пахотная земля расширялась за счет запашки зарослей, пастбищ и лесов⁵². Да и в остальных губерниях выгоны и луга уцелели только там, где в силу тех или иных местных условий не было возможности запахать их. Сенокосы сохранились лишь на самых низменных заливных лугах и «подморинах», где почти никогда не высыхала вода. Распахивались даже «неудобия» — яры, овраги, иногда очень крутые. В результате в западных губерниях уже спустя двадцатилетие после реформы 1861 г. пашня составляла в крестьянских угодьях 59,3% при 25,1% у помещиков⁵³.

Являясь выражением крестьянской нужды, этот процесс еще более усиливал ее, так как расширение запашки осуществлялось за счет таких угодий, без которых затруднялось самое существование крестьянского хозяйств-

ва. В частности, сокращение площиади пастбищ и сенокосов отрицательно сказывалось на крестьянском животноводстве — «некуда выпустить даже теленка»⁵⁴. В отчете минского губернатора за 1875 г. отмечалось, что крестьянские хозяйства губернии имели от 1/7 до 1/5 потребного скота⁵⁵.

В результате гнета крепостнических пережитков, усиления эксплуатации развивающегося капитализма крестьянские массы были доведены до грани крайней нищеты. По данным Н. В. Шелгунова, уже в середине 70-х гг. продовольственного хлеба в расчете на душу населения не хватало в Минской губ. 1,25 четверти, в Гродненской — 1,15, в Витебской губ. — 0,55 четверти⁵⁶.

В последнем десятилетии XIX в. продовольственного хлеба не хватало уже во всех губерниях, в том числе в Могилевской — у 98,2% крестьянских дворов, Витебской — 97,8, Виленской — 95,8, Минской — 85,6, в Гродненской — у 85,5%⁵⁷. «Масса крестьян и в западных губерниях... не может... доставить средства существования своих семейств», — подчеркивал К. Маркс⁵⁸.

«Земля наша очень пустая, застарелая, на которой если посеять хлебные семена, то зерно зерна не рождает, не то чтобы вознаградить за труд хлебопашца и обеспечить его на год хлебом. Кроме того, мы ее больше не имеем, как по полдесятины на каждую наличную душу мужского пола. Поэтому мы и вкуса не знаем в чистом хлебе, который у нас бывает только короткое время года, а именно на святую пасху Христову... Остальное же время года мы принуждены питаться мякинным хлебом, который у более зажиточных крестьян никакой скот не взял бы есть, да и такого... на 1/3 года не хватает... Хлеб наш состоит почти из 1/6 ржи, смешанной с гречихой, и 5/6 частей разной мякины», — так объясняли в 1890 г. крестьяне свое положение⁵⁹.

«Нам на родине худо и бедно и непричем жить», — писали в декабре 1896 г. крестьяне из общества Пропойска Быховского у.⁶⁰ И так почти в каждом из десятков тысяч крестьянских прошений о разрешении на переселение.

В 80—90-х гг. прогрессирующее обнищание деревни усилилось затянувшимся аграрным кризисом. Следствием его было падение цен на сельскохозяйственные про-

дукты. Так, в Минской губ. с 1881 по 1887 г. цены на рожь упали на 50,0%, ячмень — 38,6, на овес — на 11,8%⁶¹. В 1888 г., относительно урожайном, цены в губернии вновь резко упали: на рожь — на 10,5%, муку — 10,6, крупу ячневую — 8,4, овес — 15,0, солому — 10,0, на сено — на 3,5%⁶². В отчете гродненского губернатора за 1894 г. указывалось на «начавшееся несколько лет тому назад и упорно продолжавшееся падение цен на зерновые хлеба»⁶³.

Это приводило к обесцениванию и без того дешевого крестьянского труда. Данные о плате помещиками Витебской губ. следующие (в рублях)⁶⁴:

Годы	В месяц	В день, на хозяйственном пайке		В день, на своем пайке		За обработку 1 дест. с засевом та-ковой	
		рабо- чему	работнице	рабо- чему	работнице		
1887	8,75	5,17	0,47	0,26	0,64	0,30	7,62
1888	7,95	4,63	0,43	0,23	0,49	0,26	6,56

Таким образом, только за один год плата поденщикам и сроковым рабочим снизилась на 7,6—23,5%, что следует признать резким ее падением.

Остановившееся в конце XIX в. падение цен на хлеб несколько стабилизировало положение в области оплаты сельскохозяйственного труда. Однако это мало меняло положение. Даже в страдную пору рабочий (мужчина) зарабатывал в день (в рублях)⁶⁵:

Губерния	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.
Виленская	0,58	0,48	0,45	0,52
Гродненская	0,45	0,46	0,47	0,50

Генерал-губернатор Северо-Западного края был вынужден признать, что, «получая такую цену за свой труд, рабочий... не в состоянии не только уделить что-либо из заработной платы на улучшение своего хозяйства, но даже и выплатить долги, лежащие на земельном участке»⁶⁶.

Заработки батраков в западных губерниях были ниже, чем в Европейской России (в рублях)⁶⁷:

Губернии	рабочему в год	рабочему в день на своем пайке
Виленская	45,0	0,43
Витебская	50,0	0,51
Гродненская	37,0	0,37
Минская	45,0	0,43
Могилевская	47,0	0,47
По 5 западным губерниям	44,8	0,44
По 43 губерниям Европейской		
России	62,3	0,55
По 24 губерниям нечерноземной		
полосы	64,2	0,56

Данные показывают, что в западных губерниях поденный заработка составлял 4/5 от такового же в Европейской России в целом. Годовая же заработка плата была еще ниже — 71,5% к таковой же в Европейской России и 69,8% — в нечерноземной полосе.

В действительности батраки не получали и такой суммы. В помещичьих имениях, сообщали крестьяне Гомельского у. в 1900 г., «за многолюдием (т. е. из-за превосходства предложения на рабочую силу над спросом на нее. — П. В.) получаем... ничтожное дневное вознаграждение: не более, как по 15 или даже по 10 к. в день на своих харчах, а помесячно служащие получают не более, как по 2 с половиной или... по... 2 р.»⁶⁸. Чиновник центрального ведомства Калачев в 1897 г. писал из Витебской губ. в Петербург: «Когда мы говорили с толпой, то некоторые определили свой доход от работы у помещика в 25 р. в год на всю семью»⁶⁹. Это составляет по 1,5 к. на работающего в день.

Однако тех, кому «посчастливилось» найти работу хотя бы за такую ничтожную плату, было немного. Большинство нуждавшегося крестьянства не имели и этих скучных заработков. По подсчетам В. П. Панютича, к началу XX в. все земледельческое производство Белоруссии могло поглотить не более половины работоспособного населения деревни⁷⁰. Поэтому многие из бедноты могли бы сказать подобно крестьянам д. Шелуховки Гомельского у.: «Все мы рады трудиться... но, к сожалению, не имеем на чем трудиться». Крестьяне д. Малая Пересла Сенненского у. также писали о том, что они вынуждены «скитаться по деревням, прося каждого ради бога

принять на какую бы то ни было работу ради пропитания»⁷¹.

Положение крестьянской бедноты осложнялось тем, что местная промышленность могла поглотить лишь незначительную часть избыточных сельских рабочих. Остальные искали заработки в местных и отхожих промыслах.

На занятости рабочей силы сказывались кризисы, свойственные капиталистическому способу производства. Так, в 1889 г. в промышленности Гродненской губ. уменьшился объем производства в сравнении с предшествующим годом на 10%. «Упадок этот обусловливается... общим замечаемым за последние годы торжественно-промышленным застоем», — писал в своем отчете гродненский губернатор⁷².

Вследствие кризиса, в полную силу проявившегося в лесной промышленности в 1900 и 1901 гг., на внешнем рынке резко сократился спрос на лесную продукцию. В связи с этим витебский губернатор сообщал, что «население лишилось обычных заработков, которые при малоземелье крестьян имеют весьма важное значение для их благосостояния»⁷³.

Невысокими сравнительно с Европейской Россией были размеры отхода⁷⁴.

Таким образом, с одной стороны, все более увеличивавшееся число крестьян, терявших связь с землей, было вынуждено «искать заработки для... покупки (хлеба) и на уплату казенных и общественных повинностей», а с другой — для огромной массы крестьянства создалась обстановка невозможности «отыскать средства к жизни на родине»⁷⁵.

Отсюда неизбежность обращения крестьян к последнему средству — переселениям. Именно «теперь, более чем когда-либо», крестьяне «искали исход из того неудовлетворительного относительно земельного владения положения, которое лежало в основе переселенческого движения», — признавался в 1897 г. витебский губернатор⁷⁶. «Большинство из 30 тыс. семейств, пожелавших уехать в Сибирь из разных уездов Могилевской губ. (по состоянию на весну 1897 г.— П. В.), имеют так мало земли, что удивительно, как они живут на этом наделе», — писал в Петербург Калачев, направленный министерством внутренних дел в Белоруссию для изучения причин массового

переселенческого движения. И чиновник вынужден был заключить: «Не легкомыслie и страсть к бродячей жизни подвинули крестьян на такой рискованный шаг, как переселение в Сибирь... ведь... у... бедняка-белоруса только и надежды на Сибирь и потому страшно расстаться с этой надеждой, обещающей конец всем бедствиям. Вот почему Сибирь так опоэтизована белорусами»⁷⁷.

У крестьянина «тотчас после того, как он претерпел тяготы крепостного права», оказалось очень «мало средств к труду, а стало быть, и к жизни»⁷⁸. Это вынуждало его искать выход из создавшегося положения. Крестьянин обращался к аренде земли, пытался приобрести какой-нибудь клочок ее в собственность, «разбрехался всей семьей по кабальным местам, по фабрикам, заводам, (уходил) на Дон, на юг, куда только ноги могли донести. Десятилетние ребята... уже стояли за сохой, были наняты, законтрактованы. Растративши все свои силы, все свои достатки, надорвавши силы молодого поколения с самого раннего возраста и окончательно потерявши малейшую возможность к чему-нибудь приложить свои руки (на родине)», он поднимался на переселение⁷⁹, решался на «последнее дело»⁸⁰. «Нет сомнения,—указывал В. И. Ленин,— что только крайняя нищета заставляет людей покидать родину»⁸¹.

■ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Отношение к крестьянским переселениям в 60—70-е гг.

Переселенческая политика определялась аграрным вопросом, являясь его составной частью, а также социальными, политическими, национальными и военно-стратегическими целями самодержавия. Это накладывало на нее отпечаток, обусловливало ее особенность в том или ином регионе.

Свобода переселений затрагивала интересы помещиков, боявшихся лишиться выгодных арендаторов их земель и дешевой рабочей силы — этой верной статьи дохода. С наглостью крепостников возражали они против

переселений, ибо «для чего же, в самом деле, существуют крестьяне, как не для того, чтобы своим трудом кормить тунеядцев-помещиков»¹.

Самодержавие боролось «с вредной подвижностью и бродяжничеством» сельского населения не только потому, что «слишком широкое развитие переселенческого движения могло бы поколебать установившиеся хозяйственныe условия целых районов», как писалось в циркуляре министерства внутренних дел², свободное перемещение значительных крестьянских масс многим казалось предвестником новой пугачевщины³. Наконец, переселения, писал министр государственных имуществ П. А. Валуев, могли возбудить среди крестьян «несбыточные ожидания общего дополнительного их наделения землей»⁴.

В период подготовки реформы 1861 г. вопрос о переселениях крестьян занимал и правительство, и помещиков. Многие губернские комитеты предлагали одну часть крестьян наделить более или менее достаточными земельными наделами, а остальным предоставить право свободного переселения на казенные земли.

Правительство, со своей стороны, отдавало отчет в том, что неодинаковость обеспечения крестьян землей неизбежно потребует «такой меры, которая бы дала возможность разместиться сообразнее с поземельными условиями, чем при крепостном праве»⁵, и считало такой мерой переселения.

В первоначальной редакции проекта реформы содержалась ст. 6, гласившая, что «к отрезке крестьянского надела (для оставления за помещиками 1/3 земельных угодий) приступается только в то время, когда уменьшается, в той же соразмерности, число поселенных в имении крестьян»⁶.

Итак, крестьянские переселения ставились в прямую связь с интересами помещиков. Во втором периоде работы редакционных комиссий восторжествовала точка зрения, согласно которой безземельные и малоземельные крестьяне должны были находить заработки у помещиков и в промышленной деятельности. Вопрос о переселениях был снят с повестки дня, а ст. 6 исключена.

В Положениях 19 февраля содержалась ст. 130, допускавшая единичные увольнения крестьян из своих общин. Но возможность такого увольнения была обстав-

лена практически невыполнимыми условиями*. Положение о выкупе содержало статьи, еще более усложнявшие выход крестьян из своих обществ. Так, вместо прикрепления к помещикам крестьяне оказались прочно прикрепленными к земельным наделам.

В связи с передачей в 1866 г. государственных крестьян из ведения министерства государственных имуществ в распоряжение министерства внутренних дел были прекращены переселения и этой категории крестьянства.

Как часть аграрного вопроса переселенческий вопрос в Белоруссии перекликался с таковым же в Центральной России. Однако в отличие от великорусских губерний на западные распространялась «особая ветвь» политики самодержавия, что отразилось и на вопросе переселений. С одной стороны, необходимость периодически приоткрывать клапан и выпускать «излишки» крестьянского населения, а с другой — стремление царизма сохранить в крае «русский элемент». Борьба этих двух тенденций и отражалась на содержании переселенческой политики в Белоруссии.

Положение о нежелательности переселений «коренного русского населения» из западных губерний вытекало из национальной политики самодержавия, его политических, стратегических целей в западных губерниях империи. Самодержавие руководствовалось интересами русских помещиков и буржуазии. «Конечно,— отмечал В. И. Ленин,— прямо говорить о защите интересов помещиков нельзя», поэтому «...делаются усилия изо всех сил разжечь недоверие к инородцам...»⁷.

Восстание 1863 г. обострило так называемый польский вопрос. Наряду с идеологическим оружием власти стремились подорвать экономические позиции дворян-поляков посредством создания льготных условий для перехода их земель в руки русского поместного и служилого дворянства. Таким путем они намеревались привить в этом крае «русский язык, обычай и вообще русские начала»,— отмечалось в официальной справке⁸. Одновремен-

* Статья содержала девять пунктов. Они требовали от уходящего из общества безвозмездного оставления надела, исправности в платежах и расчета по ним по 1 января следующего года, отсутствия частных долгов, наличия приемного приговора общества, в которое переходит крестьянин, и пр.

но самодержавие стремилось не допускать переселений крестьян-белорусов за пределы Северо-Западного края.

Лишив крестьянство возможности переселиться, устранив переселения юридически, правительство не могло исключить их фактически. Поэтому чуть ли не с момента объявления крестьянам «воли» от них начали поступать прошения о дозволении на переселение. Началось и неофициальное, самовольное переселенческое движение. На том этапе ему содействовал указ Александра II от 10 мая 1862 г. о заселении предгорий западной части Кавказа семейными добровольцами «всех сословий»⁹. В 1866 г. последовал закон о заселении Амурской обл. Все это беспокоило правительство, заставляя думать о необходимости упорядочения стихийно протекавшего процесса.

Стремление ликвидировать последствия восстания 1863 г. и исключить возможность новой вспышки вынудило самодержавие сделать первый шаг в направлении разрешения частных переселений крестьян из Северо-Западного края. Оно поддержало генерал-губернатора Северо-Западного края М. Н. Муравьева в его попытке обеспечить хотя бы минимальными земельными участками за выкуп батраков и бобылей инфляндских уездов Витебской губ. 14 февраля 1864 г. соединенное присутствие Главного комитета об устройстве сельского состояния и Западного комитета одобрило предложения М. Н. Муравьева. 29 февраля того же года Александр II утвердил это мнение департаментов соединенного присутствия. Другой мерой было утверждение 5 ноября 1864 г. Александром II мнения Главного комитета об устройстве сельского состояния о дозволении этой категории крестьян переселения на казенные земли Сибири.

Особой вехой на начальном пути уступок правительства делу переселений явился циркуляр министра внутренних дел от 13 апреля 1868 г. «О порядке переселения крестьян на свободные казенные земли»¹⁰.

Вместо строго определенных крайне ограниченных категорий крестьян, пользовавшихся правом переселения на основе частных узаконений, циркуляр указывал на все крестьянские разряды. При этом наряду с единичными семьями теперь разрешалось переселение целым обществам, хотя групповое переселение и допускалось не иначе как по предварительному разрешению правительства¹¹.

Циркуляр 13 апреля 1868 г. был обнародован. Это дало неожиданные результаты. В справке министерства внутренних дел говорится, что, взяв годичные паспорта, крестьяне многих губерний «целыми партиями» двинулись искать новых мест для «водворения»¹². В июне 1868 г. в Самару явились ходоки из восьми губерний. Проникли ходоки и в Оренбургскую губ.¹³ Из расспросов этих поверенных, писал самарский губернатор 1 июля 1868 г. в министерство внутренних дел, «можно вывести одно заключение, что везде кинулась в глаза крестьянам только та часть циркуляра... которая допускает переселения... но ни условия этого переселения, ни обязанности по выселению... им положительно были неизвестны»¹⁴. Сильное переселенческое движение в связи с этим циркуляром проявилось и в Белоруссии.

4 мая 1868 г. министр внутренних дел разослал губернаторам новый циркуляр, в значительной мере ограничивший законоположение 13 апреля. В нем указывалось, что переселения крестьян приняли характер «неопределенного» и «незаконного» передвижения. Поскольку такие, «совершенно» противоречившие «условиям, установленным... законом», явления в переселенческом деле стали замечаться повсеместно, губернаторам предлагалось активно противодействовать «кочевому настроению крестьян»¹⁵.

В 1870 г. истекал 9-летний срок, по окончании которого возможности на выход из сельского общества расширялись. Крестьяне, недовольные реформой 1861 г., ожидали «второй воли», связывая ее с окончанием переходного периода. В народе нарастало брожение. Ходили слухи о каком-то законе, разрешавшем переселения на свободные земли. Появились даже подложные «высочайшие» повеления относительно переселений. Одно из таких «высочайших» повелений было распространено в Витебской губ.¹⁶

С другой стороны, в Оренбургской и Уфимской губерниях оседало все больше переселенцев из числа законно направлявшихся в Амурский край и сибирские губернии. Формально губернские власти должны были удалить их как не имевших разрешения на поселение в Приуралье. Но малонаселенность этого района, экономические трудности переселения заставляли изыскивать пути закрепления крестьян. 18 февраля 1868 г. оренбургский генерал-

губернатор Крыжановский писал в министерство внутренних дел, что «водворение всех этих людей... в Оренбургском крае в особенности желательно». Еще раньше, 17 декабря 1867 г., оренбургское губернское по крестьянским делам присутствие приняло постановление о дозволении крестьянам, получившим разрешение на переселение в Амурскую обл., «но... по разным причинам... оставившимся в Оренбургской губ.», поселиться на землях, купленных у местных помещиков и башкир¹⁷.

Таким образом, местная администрация добивалась от правительства уступок в заселении Оренбуржья. 9 апреля 1869 г. Александром II было утверждено «Положение о мерах к водворению в Оренбургской губ. издавна проживающих там переселенцев из других губерний»¹⁸. По этому «Положению», право окончательного устройства в Оренбургском крае предоставлялось тем из бывших государственных крестьян, которые, получив разрешение переселиться в сибирские губернии или Амурскую обл., не дошли до места назначения главным образом из-за недостатка средств. Бывшие государственные крестьяне, пришедшие в эту губернию по паспортам и поселившиеся на казенных или частных землях, также могли быть наделены землей. Но для этого требовался их отказ от земельных наделов в прежних местах прописки и согласие обществ, из которых они вышли.

Из самовольно переселившихся бывших крепостных крестьян разрешалось устроить только дарственников как не связанных с помещиками и не являвшихся должниками казны по выкупной операции¹⁹.

Таким образом, законоположение 9 апреля отдавало предпочтение бывшим государственным крестьянам. В этом проявлялось упорное нежелание правительства затронуть интересы помещичьего класса.

Положение 9 апреля не разрешало переселенческого вопроса даже относительно тех крестьян, представителям которых теперь было дозволено устройство в Оренбургской губ., поскольку оно имело разовый характер. Тем не менее это «Положение» следует рассматривать как известную уступку самовольному переселению, хотя уступку вынужденную.

В конце 60-х гг. правительство сделало первую попытку взглянуть на переселенческий вопрос как на государственную проблему. В 1868 г. при министерстве

внутренних дел под председательством М. А. Дондукова-Корсакова была создана комиссия из представителей трех министерств. Ее задачей являлось не только «устранение затруднений, возникающих от неточности и неполноты правил по переселению крестьян», но и «пересмотр действующих узаконений... составление определительных на сей предмет правил». Но разработанный комиссией «Проект правил для переселений крестьян» фактически представлял всего лишь унификацию уже действовавших отдельных законоположений по этому вопросу²⁰.

И тем не менее законопроект не был рассмотрен правительством. Официальной причиной отклонения проекта было предстоящее окончание 9-летнего переходного периода. Опасаясь возможных крестьянских выступлений, правительство полагало, что закон, понятый крестьянами как поощрение к переселениям, мог бы «породить недоразумения»²¹.

5 ноября 1868 г. появилось циркулярное письмо министерства внутренних дел, касавшееся только Северо-Западного края. Им приостанавливалось действие циркуляра 13 апреля 1868 г.²² Виленским генерал-губернатором А. Л. Потаповым оно было разослано во все шесть губерний Северо-Западного края. Так как в циркуляре 5 ноября не указывалось, на какой срок приостанавливалось действие законоположения 13 апреля, вытекала мысль об отмене этого последнего для Северо-Западного края. А отсюда и формулы А. Л. Потапова: «Всякое переселение приостановлено»; «Зорко следить за всяким проявлением стремления к переселению и своевременно предупреждать оное»; «Употребить все... зависящие меры к прекращению вредного передвижения крестьян» — и другие категорические требования генерал-губернатора²³.

В 1869 г. тезис о нежелательности выселения крестьян из Северо-Западного края прозвучал уже официально в связи с законоположением 19 февраля о предоставлении права переселения однодворцам. Необеспеченность этой категории крестьянства вынудила правительство разрешить ей переселение на казенные земли. С другой стороны, власти отдавали отчет в том, что однодворцы были сконцентрированы преимущественно в западных губерниях и предоставление им льгот и пособий при переселении могло бы иметь последствием «значительное выселение их из Западного края». Было решено ограничить

помощь установлением 6-летних льгот по платежу подушной и оброчной податей, а также земского сбора²⁴.

Не умаляя тревожных ожиданий правительства в связи с приближением 1870 г., следует сказать в первую очередь о несостоительности переселенческой политики самодержавия. Еще целое десятилетие власти пользовались в основном старыми методами в вопросах переселения, каждый раз в законодательном порядке особо разрешая дела, касавшиеся крестьянских переселений, идя на частные уступки.

К концу 1870 г. в Оренбургской и Уфимской губерниях скопилось большое число неустроенных переселенцев. Это заставило правительство 6 февраля 1871 г. принять еще одно положение о переселенцах²⁵. По замыслу тех, кто его разрабатывал, оно должно было стать, так сказать, вторым, дополненным, изданием положения 9 апреля 1869 г. Но, подчеркивая свою приверженность принципу недопущения переселений, по существу, самодержавие шло на новые уступки. Во-первых, прибавились категории самовольных переселенцев, подлежащих устройству. Ими являлись бывшие удельные крестьяне и горнозаводские мастеровые казенных и частных заводов, не связанные долгами со своими недавними хозяевами. Во-вторых, был расширен район водворения переселенцев. В-третьих, появление узаконения 6 февраля 1871 г. означало фактически молчаливую отмену статьи положения 9 апреля, запрещавшей устройство тех переселенцев, которые придут в Оренбургский край после выхода этого закона, хотя она и была перенесена в положение 6 февраля.

Следующие шаги в серии уступок переселению правительством были предприняты в середине 70-х гг. Как и предыдущие, они были обусловлены постоянным ростом числа самовольных переселенцев. В 1873 г. при министерстве внутренних дел была создана комиссия под председательством П. А. Шульца. Разработанный ею законопроект о переселениях в конце 1875 г. был передан в Главный комитет об устройстве сельского состояния. Там он был переработан, после чего 28 января 1876 г. утвержден Александром II.

Закон содержал два новых положения. Он разрешал оренбургской администрации устраивать переселенцев в будущем без дополнительного исходатайствования соответствующих разрешений и расширял разряды крестьян,

подлежавших устройству в Оренбургской губ. Помимо тех, кто имел право устройства по существовавшим законам, на казенные земли допускались крестьяне-дарственники, за которыми это право постоянно отрицалось. Водворению подлежали также бывшие государственные крестьяне, уволенные из старых обществ до выдачи им владенных записей, и все те, кто пришел в Оренбургский край до издания этого циркуляра, будучи уволен из своего общества в законном порядке²⁶. Наконец, водворению подлежали все, кто осел в Предуралье, из числа получивших разрешение на переселение в сибирские губернии. Закон обязывал их в 6-месячный срок приписаться к сельским или городским обществам²⁷.

В отличие от прежних законоположений новый закон не носил единовременного, разового характера. А это значит, что он стал юридическим основанием для устройства переселенцев, которые могли прибывать в этот район в будущем.

В том же, 1876, году был расширен район действия закона 28 января. Причиной послужило постоянно увеличивавшееся число переселенцев в Западную Сибирь. В результате этого там складывалось такое же положение, как и в Предуралье.

Летом 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири обратился в министерство внутренних дел с ходатайством об устройстве переселенцев. Он обосновывал свою позицию известными уже мотивами: невозможностью принудительного возвращения их на родину и нуждой края «в рабочих силах». 28 октября 1876 г. генерал-губернатор вновь обратился в Петербург с запиской «Об оставлении всех поселившихся и оседло водворившихся в селениях Барнаульского и Бийского округов Томской губ. крестьян, разных губерний»²⁸, содержавшей аналогичные предложения.

Следствием этого явилась разработка в Главном комитете об устройстве сельского состояния положения «О переселенцах Тобольской и Томской губерний, водворившихся там с давних времен». 9 ноября 1876 г. Александр II утвердил его²⁹.

Положение обязывало казенные палаты губерний Европейской России перечислить в Тобольскую и Томскую губернии осевших в них переселенцев из числа «законно отпущеных» в Амурскую обл. Из прежних об-

ществ на них переводились недоимки по платежам и сбарам, для уплаты которых предоставлялась рассрочка на четыре года.

Переселенцы, пришедшие в эти губернии без увольнительных приговоров или заменяющих их документов, могли рассчитывать на возвращение лишь после получения на то согласия администрации губерний выхода. Этот пункт положения характерен для понимания колебаний правительства. С одной стороны, оно продолжало стоять на прежних позициях недопущения переселений и потому не хотело устраивать самовольцев, с другой — понимало невозможность да и нецелесообразность возвращения из Сибири переселенцев и потому давало им возможность исходатайствовать себе увольнительные приговоры.

Так фактически отменялся циркуляр министерства внутренних дел от 4 мая 1868 г. Однако обстановка, сложившаяся в империи, заставила правительство вновь вспомнить об этом циркуляре. Черниговский губернатор 7 марта 1878 г. вошел в министерство внутренних дел с ходатайством «Об облегчении способов переселения крестьян Черниговской губ.» Аналогичные ходатайства начали поступать и из других губерний³⁰. Их появление было вызвано страхом перед новой революционной ситуацией, складывавшейся в России.

Правительство, однако, выход из положения видело в другом. Министр государственных имуществ П. А. Валуев писал, что к таким ходатайствам «надлежит относиться с величайшей осторожностью... Я придаю этому особенное значение при настоящих обстоятельствах, вследствие повсеместно наблюдающегося настроения сельского населения... ожидающего новой нарезки земель в видах дополнительного надела»³¹.

Позицию П. А. Валуева поддержал министр внутренних дел Л. С. Маков. Ходатайство черниговского губернатора было рассмотрено в комитете министров. Отклонение его сопровождалось указанием на то, что разрешение переселений по-прежнему должно быть «исключительной мерой»³².

Постановление комитета министров являлось не просто обычным повторением устоявшейся позиции по вопросу о переселениях. Это была реакция самодержавия на ширившееся крестьянское движение, что подтверждается и циркулярным письмом министра внутренних дел Л. С.

Макова от 15 сентября 1879 г. Ссылаясь на циркуляр 4 мая 1868 г., он потребовал от губернаторов «принять все необходимые меры к предупреждению самовольных переселений крестьян»³³.

Итак, новый кризис самодержавия вновь сказался на его политике в переселенческом вопросе. Однако самодержавие уже не могло столь категорически выступать против переселений. Не случайно тот же Л. С. Маков за полтора месяца до появления вышеназванного циркуляра дал согласие на изменение «общих правил о переселении»³⁴. Власти возродили фактически давно утративший силу циркуляр 4 мая 1868 г., так как опасались, что в период складывания революционной ситуации переселения еще более осложнили бы обстановку в империи.

Таким образом, за два пореформенных десятилетия переселенческий вопрос, обусловленный преимущественно интересами помещиков, превратился в государственную задачу, отражая социально-экономическую эволюцию пореформенной деревни.

Законодательство по переселенческому вопросу 80—90-х гг.

Развитие капитализма в 60—70-е гг. обусловило сдвиги в социально-экономическом строе России, обострило борьбу крестьян за землю, а вместе с тем и за переселение. С 1876 по 1881 г. только в правительственные учреждения поступили прошения о переселении от 11 тыс. человек³⁵. Даже официальные власти были вынуждены признать, что «размеры переселенческого движения все увеличивались» и что в 1879—1880 гг. оно «обнаружилось с особой силой»³⁶.

Большинство этих прошений было отклонено «за отсутствием законных оснований»³⁷, под которыми имелось в виду не столько экономическое положение просителей, сколько юридическая сторона дела. Не получая разрешения на переселение, крестьяне уходили на восток самовольно. В 1880 г. за Урал ушло примерно 40 тыс. человек³⁸. В местах водворения быстро росло число неустроенных и обездоленных крестьян, а в районах выхода увеличивалась армия безземельных и малоземельных, видев-

ших в переселениях, которые им не разрешали, чуть ли не единственное спасение от всех бед.

Переселенческая политика все явственнее обнаруживала свою несостоительность. Развитие капитализма в южных и юго-восточных районах империи предъявляло требование на пришлый труд. Помещики этих районов все определенное ставили вопрос об обеспечении их рабочей силой «посредством облегчения условий для переселения крестьян из густонаселенных губерний», как писало в октябре 1878 г. екатеринославское земское собрание³⁹. В конце того же, 1878, года состоялся съезд сельских хозяев Южной России. Констатировав факт недостатка местных рабочих рук, съезд наметил программу обеспечения этого района пришлыми рабочими. Среди прочего предусматривалась необходимость облегчения выхода крестьян из обществ⁴⁰.

В свою очередь, рост резервной армии рабочей силы в губерниях выхода переселенцев содействовал некоторому ослаблению противодействия крестьянским переселениям со стороны помещиков. Более того, в результате усилившейся борьбы крестьян за землю помещики начинали приходить к выводу, что переселения есть тот отводный канал, с помощью которого можно устраниć угрозу их землям.

С марта 1881 г. правительство вновь занялось переселенческим вопросом. В министерстве государственных имуществ в спешном порядке приступили к разработке соответствующего законопроекта. Опасаясь роста стихийных переселений, власти решили «немедленно внести надлежащий порядок... в крестьянские переселения». По совету министра внутренних дел Н. П. Игнатьева 18 июня 1881 г. в комитет министров поступили «Временные правила» о переселении, утвержденные Александром III 10 июля того же года⁴¹.

По «Временным правилам», те из крестьян, кому было разрешено переселиться, освобождались от необходимости представления приемных приговоров обществ, в которые они переходили. Упразднялся также пункт прежних законодательных актов, предусматривавший как условие получения разрешения на переселение отсутствие недоимок. Теперь недоимки должны были перечисляться на новые места жительства переселявшихся на окраины⁴².

В то же время вынужденный характер разрешения правительством переселений обусловил систему мер по их сдерживанию. Заявив, что на переселение могут рассчитывать лишь те, «кого экономическое положение к тому вынуждает»⁴³, «Временные правила» свели этот тезис на нет его крайне расплывчатым толкованием. Помимо малоземелья необходимы еще и другие экономические факторы: отсутствие возможностей аренды помещичьих земель или заработка на стороне и пр. К тому же право окончательного решения судьбы каждой крестьянской семьи, ходатайствовавшей о переселении, сохранялось за двумя министерствами — внутренних дел и государственных имуществ.

Заботы о переселенцах ограничивались предусмотренной «Временными правилами» организацией специальных контор на главнейших трактах их следования. Первая такая контора, организованная у места переправы через Волгу в с. Батраки Симбирской губ., начала свою деятельность 12 августа 1882 г. В обязанности контор входило содействие более быстрому продвижению переселенцев, информирование их о наличии свободных земель для поселения и пр.⁴⁴

У контор были и другие негласные задачи, обусловленные постоянным страхом перед народными массами. 29 сентября 1881 г. министр внутренних дел Н. П. Игнатьев писал губернаторам: «Чинам уездной полиции должно быть преподано, чтобы при проходе партий переселенцев, направлявшихся в восточные губернии и в Сибирь, они... немедленно уведомляли контору в Батраках о всех проходящих переселенцах, о их числе и принятом ими направлении»⁴⁵.

Этими же соображениями правительства объясняется секретность «Временных правил». В циркуляре Д. Толстого от 5 января 1883 г. читаем: «При издании «Правил» о переселении... оглашение их было признано неудобным из опасения возбудить среди крестьян чрезмерное стремление к переселению, вследствие чего «Правила» эти и были сообщены конфиденциально»⁴⁶.

Однако и изданием нового циркуляра правительство не смогло исключить стихийного переселенческого движения. В комитете министров были вынуждены признать, что переселение крестьян с разрешения составляло «сравнительно незначительную часть общей массы пере-

селенцев»⁴⁷. «Временные правила» 1881 г. были мерой, предпринятой в условиях кризиса самодержавия.

Разработка общего закона о переселениях осуществлялась межведомственной комиссией, состоявшей из представителей министерств внутренних дел, государственных имуществ, финансов и юстиции. Возглавлял комиссию председатель центрального статистического комитета П. П. Семенов.

Комиссия П. П. Семенова признала переселения явлением естественным, порожденным российской действительностью и потому единствующим получить естественный ход, но высказалась за строго регулируемые и руководимые переселения, так как «правильная организация колонизационного движения равносильна устройству предохранительного клапана», — писал позднее П. П. Семенов⁴⁸. Поэтому комиссия разделила губернии Европейской России на черноземные, нечерноземные и степные. Для последних двух, не испытывавших, по мнению комиссии, малоземелья, планировалось осуществить расселение крестьян внутри губерний. Из черноземных, особенно густонаселенных центральных, губерний комиссия допускала переселение.

Право переселяться предоставлялось всем категориям крестьян, получившим по реформе 1861 г. менее 1/3 высшей или указной нормы, допускались переселения и той части крестьян, у которой земельные наделы достигали половину высшей или указной нормы, но при других неблагоприятных факторах: плохом качестве почв, большом составе семьи и пр.⁴⁹

Выход крестьян-переселенцев из своих обществ облегчался теми же мерами, которые были предусмотрены «Временными правилами»: освобождением от предоставления приемных приговоров обществ вселения и перечислением недоимок на новое место жительства переселенца⁵⁰.

Вопросы земельного обеспечения переселенцев решались в третьей части проекта. Комиссия предлагала в Западной Сибири давать от 8 до 15 дес. на душу мужского пола, а в губерниях Европейской России — Саратовской, Самарской, Оренбургской, Уфимской, Таврической и др.— в размере высшего надела, предусмотренного Положением 19 февраля 1861 г. для местности водворения переселенцев⁵¹.

Комиссия затронула проблему пособий для переселенцев. В принципе затраты по переселению должны были покрываться самими переселенцами за счет так называемой выводной платы — денежной компенсации за оставляемые в местах выхода земельные наделы. Правда, уездным учреждениям разрешалось ходатайствовать об оказании помощи тем переселенцам, которые «решительно не имеют собственных наличных средств». Кроме того, все переселенцы могли рассчитывать на льготный тариф при проезде по железным дорогам и на пароходах. На новых же местах жительства они подлежали освобождению на три года от уплаты подушной и оброчной поштатной, а также поземельного налога, а следующие три — должны были платить подати в половинном размере⁵².

Таким образом, комиссия П. П. Семенова разработала не переселенческий закон, а всего лишь предложения по планомерному выселению части крестьян из густонаселенных губерний Европейской России. Правительство, как и прежде, не допускало свободы крестьянских переселений.

Разработанный комиссией П. П. Семенова проект был передан на рассмотрение совещания «сведущих лиц», учрежденного при министерстве внутренних дел. Открывая 24 сентября 1881 г. совещание, министр внутренних дел Н. П. Игнатьев вновь указал на связь переселений с российской действительностью, добавив, что переселенческая проблема «не получила до настоящего времени правильного исхода»⁵³.

Очередное заявление подобного характера и теперь не означало перехода к радикальным переменам в переселенческой политике. Позиция «сведущих лиц» во многом определялась второй революционной ситуацией. Признав переселенческое движение само собой разумеющимся, «сведущие лица» провозгласили тезис о свободе переселений. «Всякая попытка подчинения этого явления каким-нибудь нормам,— заявили они,— превратила бы закон... в мертвую букву»⁵⁴.

Этим декларированием и ограничились «сведущие лица». Разделение переселений на определяемые интересами государства и предпринимаемые «на свой счет и страх», предоставление государственной власти права регулирования масштабов переселения, требование уплаты

переселенцами недоимок по мирским и земским сборам и другие подобные меры подрывали тезис о свободе переселений⁵⁵.

Более того, «сведущие лица» ушли назад с позиций, занятых комиссией П. П. Семенова. Последняя, вводя понятие «выводная плата», фактически высказалась за отчуждаемость крестьянских наделов за известную плату. «Сведущие лица», под предлогом обременительности «выводной платы» для остающихся на месте общинников обязывали выбывающих из сельского общества оставлять свой надел безвозмездно, поскольку он являлся, по мнению «сведущих лиц», неотчуждаемой частью мирской земли⁵⁶.

Проект закона, разработанный «сведущими лицами», был разослан губернаторам для заключений с целью прозондировать позиции помещиков в связи с готовившимся законом. В циркуляре министра внутренних дел от 13 августа 1882 г., препровождавшем проект, содержалось 11 вопросов, характерных для позиции самодержавия относительно переселений.

Ответы губернаторов на вопросы циркуляра выражали их отношение не только к проекту закона «сведущих лиц», но вообще к переселениям. Это видно по тому, что две трети губернаторов отрицали наличие экономических причин переселений, а стало быть, и необходимость их⁵⁷. В период второй революционной ситуации губернаторы требовали исключить из проекта все то, что способствовало бы «брожению умов». Особенно они возражали против проектировавшегося содействия переселенцам. Например, симбирский губернатор писал: «Я выскаживаюсь положительно против льготного переселения. Я полагаю, что переселение с пособием от правительства и его узаконение... может усилить переселенческое движение и вызвать нежелательное брожение среди крестьян»⁵⁸.

Губернаторы западных губерний, за исключением виленского, также совершенно ясно высказывались против переселения крестьян «из вверенных им губерний». В частности, минский, витебский и гродненский были против проектировавшегося предоставления переселенцам льгот, поскольку это могло вызвать «нежелательное» усиление переселений. Не спасет положения и «несомненная привязанность к родине, которой отличаются белорусы», — уточнял витебский губернатор. А это принесет краю

«вред в политическом отношении», будет «препятствовать его обрушению»⁵⁹, — заключали губернаторы.

Не ограничиваясь ответами на циркуляр-вопросник, губернаторы западных губерний предупреждали центральные власти, что даже слухи о переселениях, проникающие в среду сельского населения, производили на это население «самое зловредное влияние, поддерживали дух своеvolия и ложного понимания вещей». Так писал в своем отчете могилевский губернатор А. С. Дембовецкий и на основании этого делал вывод о необходимости принятия решительных мер с целью запрета переселений⁶⁰.

Политические цели самодержавия, преследуемые им в разрешении переселенческого вопроса, высказал в письме 18 февраля 1888 г. товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново киевскому генерал-губернатору. Он прямо писал о «политическом характере... переселенческого вопроса в западных окраинах», испрашивал мнение генерал-губернатора относительно возможных пределов выселения крестьян из этого района «без ущерба для политических целей... в крае»⁶¹.

В верхах существовало две тенденции по переселенческому вопросу: сторонникам полного запрещения переселений из западных губерний противостояли те, кто считал возможным допустить известный отток православного населения из этого края. Точку зрения первых выразил Д. Толстой.

В докладе Д. Толстого царю, представленном весной 1884 г., был провозглашен следующий принцип: «Допущение... свободы переселения представлялось бы не только вредным, но и прямо невозможным». Взамен этого Д. Толстой наметил программу регулируемого выселения части крестьян из 12 губерний*, в которых земельная теснота была особенно ощутимой. О 9 западных губерниях** в докладе отмечалось: «Выселение из них части крестьян не должно быть допущено по политическим соображениям, чтобы не ослабить в них русского элемента». Для 19 западных, юго-западных, южных и

* Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Воронежская, Курская, Орловская, Черниговская, Харьковская, Полтавская, Симбирская, Казанская.

** Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Киевская, Волынская, Подольская.

нижневолжских губерний Д. Толстой рекомендовал расселение крестьян в пределах самих губерний⁶².

К переселению на казенные земли допускались наиболее нуждавшиеся крестьяне по выбору администрации. Для них предусматривались, как было сказано в докладе, «возможно широкие» льготы в платежах податей и отбывании повинностей, в том числе и воинской, и предоставлялись ссуды на переезд и хозяйственное обзаведение на новом месте.

Предлагалось в министерстве внутренних дел учредить специальный орган, призванный ведать переселениями. В него должны были войти представители других заинтересованных ведомств.

26 апреля 1884 г. проект Д. Толстого был рассмотрен Особым совещанием из представителей министерств — внутренних дел, государственных имуществ, финансов и путей сообщения. Совещание внесло в крайне консервативный проект ряд еще более консервативных поправок. Оно находило нужным из формулы «возможно широкие льготы переселенцам» исключить слова «возможно широкие». Идея организации переселенческих контор была заменена предложением посылки в определенные пункты особых доверенных лиц, снабженных надлежащими инструкциями. Наконец, было решено не публиковать закон о переселениях, ибо «опубликование закона... поднимет массу сельских обывателей... и подобное движение может причинить чрезвычайные затруднения»⁶³.

17 мая 1884 г. Александр III утвердил этот проект общих принципов переселенческого закона, подчеркнув, чтобы «переселение всецело было направляемо правительством»⁶⁴.

Дальнейшая разработка закона о переселениях велась межведомственной комиссией под председательством В. К. Плеве. К этому времени возникла новая проблема: увеличилось число «обратников», т. е. возвращавшихся на родину разорившихся переселенцев. Чтобы предупредить это явление, было решено разрешать переселение крестьянам, еще не утратившим связи с землей, «ведущим хозяйство на своих или арендованных землях». Безземельные и те, для кого хлебопашество не являлось главным источником существования, к переселению не допускались. К тому же безземельные рассматривались комиссией Плеве как рабочая сила для помещиков. В то

же время комиссия рекомендовала усилить борьбу против самовольных переселений⁶⁵.

Поскольку предполагалось, что крестьяне будут переселяться не по собственной инициативе, а по указанию администрации, то для них комиссия планировала пособия и льготы. Речь шла о льготном проезде к месту водворения, натуральных, а для наиболее нуждающихся переселенцев и денежных ссудах, об освобождении на известное время от казенных податей и воинской повинности. Для переселенцев, направлявшихся в Западную Сибирь, ссуды исключались. Обе категории переселенцев освобождались от уплаты недоимок, которые переводились на надел, оставшийся в обществе⁶⁶.

Проект закона был передан на заключение министров — внутренних дел, государственных имуществ и финансов. Существенные корректизы в него внес Д. Толстой. Он не согласился с комиссией В. К. Плеве в вопросе об условиях земельного обеспечения переселенцев, поселяемых в пределах Европейской России. Вместо наделения их земельными участками в постоянное пользование Д. Толстой предлагал установить 6—12-летний переходный период, в течение которого переселенцы должны были пользоваться землей на условиях аренды. Политический смысл этой меры заключался в стремлении правительства развенчать слухи о дополнительных земельных наделах.

Изменилась позиция Д. Толстого по вопросу целесообразности обнародования закона. Руководствуясь прежними целями — сдержать переселение, он считал, что сохранение закона в тайне от крестьян приведет к кривотолкам в народе и как следствие — к усилению переселений. На это же указывалось заседанием Соединенных департаментов законов и государственной экономии, обсуждавшем законопроект. «Все старания правительства остановить и урегулировать переселенческое движение административными мерами оказались тщетными», — заявили 8 мая 1889 г. Соединенные департаменты. «Бессилие их побудило министерство внутренних дел обратиться к иному средству борьбы с означенным злом» — к закону и с его помощью «попытаться упорядочить переселенческое движение»⁶⁷.

9 мая 1889 г. Александр III дал согласие на рассмотрение законопроекта в Государственном совете. Крупные

помещики-землевладельцы, заседавшие в этом учреждении, изложили свою позицию в виде тезиса: «На правительстве лежит обязанность скорее сдерживать переселение, нежели поощрять его. Это соображение надлежит принять за исходную точку всяких предначертаний по упомянутому предмету»⁶⁸.

Исходя из этого, в Государственном совете было признано необходимым исключить льготный железнодорожный тариф для переселенцев, а также опустить из проекта указание на возможность предоставления высшего душевого надела переселенцам, устраивавшимся в пределах Европейской России. Не желая допустить чрезмерной огласки закона, члены Государственного совета признали необходимым «заботиться приданием... закону такой формы, при которой он не мог бы возбудить преувеличенных надежд и неосновательных ожиданий». В проект закона был внесен ряд редакционных поправок⁶⁹.

После утверждения проекта 13 июля 1889 г. Александром III он стал законом «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время»⁷⁰.

На переселенческих мероприятиях самодержавия в отношении западных губерний оказались рост крестьянского движения, дальнейшие сдвиги в капиталистической эволюции этих губерний, а также и то, что 1888-й год оказался «исключительным» в деле переселения в Сибирь⁷¹. В этом году в сравнении с предшествующим число переселенцев возросло в 2 раза, а из белорусских губерний — более чем в 5 раз⁷². Потому самодержавие не пошло на формальный запрет переселений из западных губерний. Тем не менее в своем отношении к проблеме выселения крестьян из Северо-Западного края правительство продолжало действовать в соответствии с позицией Д. Толстого.

Вернулось самодержавие и к идеи привлечения в Северо-Западный край русских поселенцев. 18 ноября 1888 г. Александр III одобрил представление комитета министров, предусматривавшее меры по переселению в этот край крестьян из великорусских губерний⁷³. В этих условиях власти усилили борьбу против переселения на окраины империи белорусов, несмотря на отсутствие юри-

дического запрета таких переселений. На этой позиции самодержавие оставалось вплоть до середины 90-х гг. В эти годы, заявил в феврале 1893 г. И. Н. Дурново, «было сделано все возможное для удержания местного населения (т. е. белорусов.— *П. В.*) от оставления родины»⁷⁴. Позднее это было повторено министерством внутренних дел в справке к помете Николая II на отчете гродненского губернатора за 1894 г. «В действующих узаконениях,— писалось в этой справке,— не заключается никаких постановлений, запрещающих или ограничивающих применение правил 13 июля 1889 г. в отдельных губерниях Европейской России». Но, продолжали составители справки, «распространение закона 13 июля 1889 г. на западные губернии вызывало сомнения... принципиального свойства, вытекавшие из соображения о нежелательности ослабления русского элемента в западных окраинах»⁷⁵.

В поисках выхода правительство обратило внимание на Крестьянский банк. Вообще в 80-х гг. самодержавие стремилось решить проблему крестьянского малоземелья не столько переселением, сколько выгодной для помещиков продажей их земель⁷⁶. Это тоже подчеркивало крепостнический дух переселенческой политики самодержавия. Так, в связи с прощением крестьян Грезской вол. Слуцкого у. о переселении министр внутренних дел писал 9 августа 1884 г.: «Справедливым было бы предоставить им самим устраивать свой быт при равном для всех содействии Крестьянского банка»⁷⁷.

Расчеты правительства и местной администрации на Крестьянский банк не оправдались, поскольку он был удобен только для зажиточных крестьян. Попытки же наиболее нуждавшейся части деревни утолить земельный голод с помощью Банка оказались несостоительными. Даже консервативный «Виленский вестник», бывший горячим сторонником идеи организации Банка, признал, что «лишь немногие» из бедняков «удержат за собой окончательно земли, приобретенные за банковские ссуды, станут полными собственниками этих земель»⁷⁸.

На разработку переселенческого закона было затрачено 9 лет. Затяжки и проволочки отражали несостоительность самодержавия, противоречия между развивающимся капитализмом и огромными остатками крепостничества.

Закон 13 июля 1889 г. не внес в переселенческое дело существенных перемен. Крайне ограниченное количество разрешений на переселение, выданных министерством внутренних дел *, не отвечало жизненным потребностям в переселениях. Поэтому самовольное переселение составляло от 60 до 80 %⁷⁹. Понимая нереальность статьи закона 13 июля, требовавшей возвращать самовольцев на родину административным путем, министерство внутренних дел уже в 1892 г. дважды — 23 апреля и 22 октября — спрашивало согласие Александра III на водворение крестьян, осевших в Тобольской и Томской губерниях⁸⁰. Но подобные уступки переселениям лишь усиливали их.

С 1893 г. история крестьянских переселений тесно связана с деятельностью комитета Сибирской железной дороги, ведавшего строительством Транссибирской магистрали. Необходимость заселения района железной дороги потребовала увеличения расходов на переселение и активизации землеотводных работ. Однако в целом это учреждение действовало в рамках закона 13 июля 1889 г., что сохраняло на повестке дня старые проблемы.

В феврале 1893 г. обсуждался вопрос о заселении района Сибирской железной дороги выходцами из Европейской России. В связи с этим С. Ю. Витте высказался за частичное допущение переселений и «из некоторых губерний Западного края», где, по его мнению, также имелась значительная часть бедноты. Министерство внутренних дел заняло иную позицию. И. Н. Дурново считал, что «переселение из западных... губерний не может быть поощряем», что до сих пор «правительство прилагало... все усилия к укреплению здесь коренной народности». Поэтому он категорически заявил: «Отступать от этого порядка в настоящее время не представляется достаточных оснований»⁸¹.

Местная администрация разошлась во мнениях. Губернаторы менее развитых в капиталистическом отношении губерний остались на старых позициях. Их выразил витебский губернатор, который по-прежнему исключал возможность переселения части крестьян. С этой целью 15 октября 1894 г. он просил министра внутренних дел не распространять на Витебскую губ. циркуляр 2 июля

* В 1889 г. разрешение получили 2102 семьи, в 1890 г. — 7594, в 1891 г. — 7593 семьи. 6 марта 1892 г. выдача разрешений на переселение была временно прекращена.

1894 г., которым восстанавливалось переселение за Урал, приостановленное в 1892 г. Свою позицию губернатор мотивировал «исключительностью условий», в которых находится Северо-Западный край.⁸²

На иных позициях стояли власти губерний, в которых капитализм глубже проник в область аграрных отношений. Большое количество безземельных и малоземельных крестьян создавало, по словам виленского губернатора, достаточный контингент сельского населения, которое будет нуждаться в улучшении своего экономического положения путем переселений. С течением же времени, продолжал губернатор, эта категория крестьянства «будет все более увеличиваться». Поэтому он предлагал выселить часть таких крестьян, отчего, по его мнению, губерния только выиграет.⁸³

В 1894 г. гродненский губернатор поднял вопрос о распространении на западные губернии де-факто действия закона о переселениях 13 июля 1889 г.⁸⁴

Министерство внутренних дел, оставаясь противником переселения крестьян из западных губерний, в то же время не сочло возможным поддержать позицию витебского губернатора. Оно ограничилось лишь согласием на то, чтобы циркуляр 2 июля 1894 г., восстанавливавший выдачу разрешений на переселение, не был опубликован в Витебской губ.⁸⁵

Несмотря, однако, на эту меру, с 1895 г. в Белоруссии началась, по словам официального источника, настоящая «переселенческая лихорадка»⁸⁶.

Самовольные переселения в империи не прекращались. Комитет Сибирской железной дороги оказался перед нелегкой задачей: необходимо было устраивать десятки тысяч переселенцев, среди которых свирепствовали эпидемические болезни, несшие массовую смертность, которая, по образному сравнению П. П. Семенова, была «едва ли менее значительной, чем теряют войска, идущие на приступ»⁸⁷. Изысканию путей борьбы со стихийными переселениями и было посвящено особое совещание под председательством Д. С. Сипягина, работавшее в феврале—марте 1894 г.

Совещание пришло к заключению о необходимости более гибкого сочетания мер борьбы с «самовольцами» с мероприятиями по упорядочению переселений. В частности, оно считало необходимым придать переселенческому

движению более организованный характер, для чего рекомендовало узаконить стихийно возникший институт ходоков. Ознакомление с Сибирью, писал управляющий делами комитета Сибирской железной дороги А. Н. Куломzin, «позволит многим воочию убедиться в своей слабости для заведения [там] нового хозяйства», что будет содействовать ослаблению переселенческого движения. Одновременно совещание считало необходимым перейти к более широкой выдаче разрешений на переселение⁸⁸.

Предложения совещания в известной мере отражали сдвиги, которые произошли в капиталистическом развитии России. В условиях, когда капитализм все глубже проникал как в помещичье, так и в крестьянское хозяйство, когда росло социальное расслоение деревни, аграрное перенаселение, помещики сами начинают ходатайствовать «о переселении крестьян из местностей, страдающих избытком населения», как, например, было записано 9 июня 1892 г. в постановлении симбирской губернской земской управы⁸⁹.

2 июля 1894 г. на основе рекомендаций совещания Д. С. Сипягина была возобновлена выдача разрешений на переселение в Западную Сибирь и Степной край. Но тут же подчеркивалось, что, как и прежде, «переселение не поощряется, а лишь допускается». Поэтому местным властям предлагалось бороться с самовольными переселениями как с «несомненным и весьма... существенным злом»⁹⁰.

И тем не менее буквально перед появлением этого циркуляра, 5 июня 1894 г., Николай II был вынужден утвердить представление комитета Сибирской железной дороги об устройстве всех «самовольцев», прибывших в Сибирь и Степной край в период с 6 марта 1892 г. по 2 июля 1894 г., — когда выдача разрешений на переселение не производилась⁹¹. Это явилось очередным проявлением беспомощности самодержавия в решении им переселенческого вопроса.

В 1894 г. с возобновлением выдачи разрешений на переселение за Урал прошло 75 685 чел., а в следующем году впервые за всю историю переселенческого движения цифра ушедших из Европейской России перевалила за 100 тыс.⁹² Основная масса их была представлена «самовольцами». Так, в 1896 г. число самовольных переселен-

цев достигло небывалой цифры—почти 75 тыс. человек⁹³.

Начало нового, пролетарского этапа освободительного движения в России вызвало и новые потуги самодержавия в решении переселенческого вопроса. Об этом свидетельствует заявление Николая II, сделанное 8 марта 1895 г. на заседании комитета Сибирской железной дороги. К крестьянским переселениям, сказал император, следует относиться без особых опасений⁹⁴. После заявления 8 марта Николаю II попал в руки вышеупоминавшийся отчет гродненского губернатора, в котором поднимался вопрос о распространении на западные губернии де-факто действия закона 13 июля 1889 г. И царь сделал на нем помету «А когда именно?»⁹⁵ То есть когда именно закон 13 июля будет распространен на западные губернии. Эти уступки, однако, скорее выражали страх господствующих классов перед растущим крестьянским движением.

Формальным результатом этого заявления Николая II явилось, в числе прочих мер, создание в 1896 г. нового органа—Переселенческого управления, основной задачей которого стало устройство переселенцев. В дальнейшем компетенция Переселенческого управления расширялась. Ему было передано право выдачи разрешений на переселение и разработки законодательных предложений по переселенческому вопросу. На практике же новое учреждение было бессильно что-либо изменить в переселенческом движении.

В 1896 г. за Урал ушло 176 775 переселенцев, а вместе с ходоками — 202 713⁹⁶. Между тем по Сибири и Казахстану бродили тысячи неустроенных переселенцев прежних лет. Самодержавие вновь приостановило выдачу разрешений на переселение.

В 1895 г. резко возросло «обратничество». Разорившиеся переселенцы, потерявшие надежду на устройство за Уралом, составили около 7% от проследовавших в этом году за Урал; в 1896 г.—уже 13%⁹⁷.

На основе рекомендаций совещания Д. С. Сипягина правительство узаконило институт ходоков. 15 апреля 1896 г. Николай II подписал законоположение, вводившее ходачество. Положение комитета Сибирской железной дороги, утвержденное царем 7 декабря 1896 г., придало ходачеству более широкое значение, предоставив отдельным семьям право посылки ходоков в дополнение к групповому ходачеству, разрешенному положением 15 апреля.

Кроме этого, теперь всякая семья, ходок которой избрал и зачислил участок, освобождалась от хлопот проходного свидетельства: ходаческое свидетельство подлежало формальной замене на проходное. Так на протяжении одного года изменилась роль ходоков.

Положения 15 апреля и 7 декабря 1896 г. упрощали процедуру по оформлению разрешений на переселение. До сих пор длительные хлопоты и неуверенность в получении разрешения толкали многих крестьян на самовольный уход. Было решено также расширить льготы для законных переселенцев, соответственно лишив этих льгот «самовольцев». Расчет строился на том, что нуждавшиеся крестьяне предпочтут переселение с льготами, т. е. с разрешения, переходу за Урал «на свой счет и риск».

Положение 7 декабря 1896 г. предусматривало меры по предупреждению «обратничества». В частности, было признано необходимым усилить «распространение среди сельского населения... достоверных сведений о Сибири»⁹⁸.

Итак, на протяжении одного, 1896-го, года последовало три новых шага самодержавия в отношении переселений: законоположения 15 апреля и 7 декабря и циркуляр министерства внутренних дел от 15 июня. Они отражали не только бессилие самодержавия, но и острую борьбу в верхах по вопросу о переселениях.

Позиция тех, кто требовал более свободных переселений, с весьма убедительной мотивировкой изложена в письме А. Н. Куломзина из Сибири в Петербург, которую он посетил в 1896 г. Среди прочего Куломзин писал: «Скажу вам еще несколько слов о том, что здесь свободно говорится крестьянами... и чего в России и не услышишь... Не глухой... а открытый ропот на земельные отношения на родине... общая жалоба на безземелье и малоземелье... Нередко мне случалось видеть здесь крайнее озлобление на житъе-бытье в России...

На тяжелые мысли наводят эти размышления: если только правительство серьезно не примется за крестьянское дело в смысле некоторых общих мер, если вздумают пугаться переселений (выделено нами.— П. В.), то быть еще через 50 лет крупной беде; ...движение может принять социально-аграрный характер»⁹⁹.

Письмо Куломзина ускорило действия правительства по расширению района колонизации за счет таежных пло-

щадей Тобольской и Томской губерний, а также Иркутского генерал-губернаторства. В этих же целях в 1896 г. началось хозяйственно-статистическое исследование Степного края.

Наряду с попытками самодержавия придать переселенческому движению большую «основательность» путем запрета переселений для крестьянских семей, которые не имели достаточных средств для устройства в Сибири, оно вернулось к прежним методам борьбы. Этот курс нашел отражение в циркуляре министерства внутренних дел от 20 января 1897 г. Циркуляром правительство намеревалось решить все проблемы сразу: уменьшить размеры ежегодных переселений, сократить расходы государства на них, привести в соответствие число переселенцев с заготовляемым земельным фондом для них, исключить «обратничество» и сохранить в Европейской России достаточно большое количество рабочих рук, необходимых помещикам, в лице бедноты, оставляемой на родине.

На практике же все свелось к активной борьбе с переселенцами-«самовольцами». В 1897 г. выход переселенцев и ходоков из Европейской России был сокращен в сравнении с 1896 г. более чем наполовину. Но это было достигнуто ценой определенных усилий. Переселенцев-«самовольцев» ловили по дорогам, наказывали розгами, возвращали этапным порядком из Сибири на родину, вскрывали письма, посылавшиеся сибирскими крестьянами своим родственникам в Европейской России. А начальникам полицейских управлений железных дорог даже был разослан секретный циркуляр «О порядке действий по пресечению самовольных переселений крестьян из губерний Европейской России на казенные земли Сибири и степных областей»¹⁰⁰. Переселенцев арестовывали и судили. Причем в верхах обсуждался вопрос об усилении ответственности за самовольное переселение и за содействие ему¹⁰¹.

Однако даже такие меры не могли остановить крестьян, доведенных до крайней нищеты. В поисках выхода они нередко решались на любые крайности. В Орловской губ., писал в 1897 г. чиновник центрального ведомства, был даже случай, когда крестьяне, «чтобы побудить начальство отпустить их [на переселение], сожгли свою деревню»¹⁰².

Попытки самодержавия выйти из кризиса в переселен-

ческом вопросе отразились и на политике переселений из западных губерний. Готовя справку в связи с посетой царя на вышеупоминавшемся отчете гродненского губернатора, министерство внутренних дел провело консультации с администрацией Северо-Западного края. Не довольствуясь этим, оно в феврале 1897 г. командировало в губернии наибольшего выхода переселенцев — Витебскую, Минскую и Могилевскую — чиновника Калачева, поручив ему на месте ознакомиться с причинами начавшегося в крае интенсивного переселенческого движения.

В результате изучения положения дел Калачев пришел к следующим выводам: 1) причины массового стремления крестьян к переселению имеют глубокие экономические корни; 2) политика недопущения переселений крестьян из Северо-Западного края стала больше невозможной; 3) утечка из западных губерний части крестьян больше не чревата опасностями для политических интересов самодержавия; 4) переселение части крестьян не нанесет ущерба и помещичьим интересам¹⁰³.

В связи с этим в справке министерства внутренних дел от 18 марта 1897 г., в частности, писалось: «Если западные губернии и не могут быть причислены к местностям, откуда необходимо и желательно переселение в сколько-нибудь широких размерах, то, с другой стороны, они, бесспорно, не могут быть закрыты для выселений»¹⁰⁴. Это означало, что правительство совершило переход от политики недопущения переселений, проводившейся на основе предложения Д. А. Толстого, к половинчатой политике уступок переселениям: не запрещать, но всемерно сдерживать.

Будучи вынужденным в принципе допустить переселения крестьян из Западного края, самодержавие не намеревалось менять основ своей переселенческой политики в этом регионе. Но поскольку «остановить совершенно» переселение здесь было «невозможно», то, писал виленский генерал-губернатор, необходимо «привести переселение в согласие с интересами правительства в здешнем крае»¹⁰⁵. Это значит, что переселения нежелательны уже не из Западного края как такового, а лишь из определенных местностей, в зависимости от преобладания в них православного или католического населения. Из районов со смешанным населением, а тем более, где «православный элемент» был в меньшинстве, к уходу крестьян по-

прежнему предлагалось относиться «с крайней осторожностью», как подчеркивало минское губернское по крестьянским делам присутствие¹⁰⁶.

Переселение же части крестьян из местностей с преобладающим белорусским населением не могло «иметь особо важного значения» даже для Виленской губ., как это было записано в марте 1898 г. в специальном постановлении виленского губернского по крестьянским делам присутствия. Это постановление гласило: «В Виленской губ. должно считаться еще и с политическими соображениями, в силу коих переселение не должно выходить из тех пределов, в каких уход с родины православных крестьян перестал бы оправдывать постоянную с 1863 г. заботу правительства об усилении в Западном крае православия и русской народности». Но сообразуясь со временем, то же постановление заключало: «Из сего не следует, что сдерживание православного населения губернии в его стремлении к уходу в Сибирь должно быть равносильно воспрещению»¹⁰⁷.

Итак, не «воспрещение», а лишь «сдерживание» утеки «православного населения». Цель сдерживания достигалась разными путями, в том числе и посредством сохранения в тайне от крестьян переселенческих законов.

Так же как министерство внутренних дел одобрило решение не публиковать в «Губернских ведомостях» западных губерний циркуляр 1894 г., восстанавливавший выдачу разрешений на переселение, так не были обнародованы здесь и другие правительственные распоряжения о переселениях. Например, могилевский губернатор писал уездной администрации в связи с появлением циркуляра министерства внутренних дел от 20 января 1897 г., что даже волостные правления не должны знать содержание циркуляра, а тем более он должен оставаться неизвестным «самим лицам, заявляющим просьбы о переселении»¹⁰⁸.

Самым радикальным средством был отказ просителям в удовлетворении их ходатайств о переселении. «К переселению крестьян,— писал гродненский губернатор в своем отчете за 1897 г.,— губернское присутствие и мировые посредники относятся с крайней осторожностью, разрешая таковые только при полной необходимости»¹⁰⁹.

Но противников переселений не устраивало даже незначительное послабление в переселенческой политике.

Ими подаются всевозможные «записки», в которых вносятся предложения, рассчитанные если не на полное исключение крестьянских переселений из Северо-Западного края, то, во всяком случае, на сокращение их до минимума. Так, 4 июня 1897 г. витебский губернатор направил министру внутренних дел «Записку о переселенческом движении крестьян Витебской губ. и об устройстве быта малоземельных крестьян при содействии Крестьянского банка»¹¹⁰. 17 мая 1898 г. непременный член лепельского уездного по крестьянским делам присутствия представил находившемуся в то время в Витебске чиновнику особых поручений Переселенческого управления Д. Г. Розалион-Сошальскому «Записку по поводу переселений в Сибирь»¹¹¹.

Содержание этих и всех других подобных «записок» было предельно просто. Поскольку «русская власть всего более опиралась... на коренное белорусское население», писалось в «Записке» витебского губернатора, то его стремление массой уйти за Урал было «явлением чрезвычайно опасным, злом непоправимым». Из чего делались выводы о необходимости исключения широкого переселенческого движения путем более активного вторжения государственной власти в область купли-продажи земель. «Если в одной и той же губернии есть руки, ищащие земли, а с другой стороны, много земли, требующей рук, то... необходимо... установить возможное между ними сближение». Посредничество в этом отношении должно взять на себя правительство, «тем более, что у него есть для этого готовые органы в лице крестьянских банков»¹¹².

Переселенческое управление в своем ответе 26 июля 1897 г. на записку витебского губернатора подчеркивало, что нельзя допускать «чрезмерного выселения... коренного белорусского населения»¹¹³.

Всякий раз, когда переселенческое движение переходило «дозволенные» границы, правительство тут же обращалось к мерам противодействия. Такой шаг был предпринят в конце 1897 г. Осеню этого года в «Русских ведомостях» появилась статья, в которой констатировался факт усиленного стремления к переселению в Виленской губ. Автор статьи бил тревогу в связи с тем, что губернские власти, по его мнению, беспрепятственно допускали выселение «русского элемента». В Виленскую, Минскую и Витебскую губернии был командирован чиновник осо-

бых поручений Д. Г. Розалион-Сошальский с целью не только «ознакомления с положением переселенческого дела», а также разъяснения порядка переселения крестьян на основе циркуляра 20 января 1897 г., но и принятия мер к сдерживанию переселений крестьянства из западных губерний¹¹⁴.

10 февраля 1899 г. министр финансов С. Ю. Витте внес в Государственный совет представление «О дополнении состава совета и местных отделений Крестьянского поземельного банка членами от Переселенческого управления министерства внутренних дел». Одобренные в Государственном совете предложения С. Ю. Витте 31 мая 1899 г. были утверждены Николаем II. Позднее Государственный совет рекомендовал включить чиновников особых поручений Переселенческого управления, командированных на основании закона 31 мая 1899 г. в отделения Крестьянского банка, в состав губернских присутствий в качестве непременных членов по переселенческому делу. 10 июня 1900 г. Николай II утвердил и этот законопроект¹¹⁵.

Эти законоположения были продиктованы стремлением правительства сдержать с помощью Крестьянского поземельного банка уход крестьян на окраины. Вновь учрежденное должностное лицо одновременно представляло и губернское по крестьянским делам присутствие и отделение Крестьянского банка, что было сделано для координации их деятельности. Являясь непременным членом губернского присутствия, этот чиновник практически единолично принимал решения по ходатайствам крестьян о переселении. Как член правления отделения Крестьянского банка он был обязан содействовать нуждающимся крестьянам в приобретении земли. Для этого он занимался поисками земель, предлагаемых помещиками к продаже, подбирал наиболее нуждающихся покупателей, содействовал получению ими ссуды у банка и пр.¹¹⁶

Уже первые годы осуществления «нового» курса переселенческой политики показали его несостоятельность. Воспрещение переселений для западных губерний объективно вело к тому, что губернии, в которых было сконцентрировано католическое население, ставили вопрос о равных правах при переселении для крестьян всех вероисповеданий. Гродненское губернское по крестьянским делам присутствие, выступившее с этой инициативой, даже пред-

лагало компенсировать неизбежную при этом утечку православного населения воспрещением перехода земель переселявшихся в руки католиков.

В то же время виленский генерал-губернатор Троцкий настаивал на сохранении принципа строгого разграничения переселенцев. Он строил планы переселения многочисленной шляхты, явившейся, по его мнению, «самым неблагонадежным элементом». «Насколько... вредно... ослабление путем переселения русского православного элемента здешнего края,— писал 19 марта 1898 г. губернаторам Троцкий,— настолько полезно было бы для интересов правительства уменьшение неблагонадежного элемента, представляемого мелкой шляхтой»¹¹⁷.

Однако всем этим планам было суждено повиснуть в воздухе. Вопреки всем потугам властей исключить переселение белорусов, они шли на восток, причем темпы переселений все время нарастали. В 1900 г. из пяти западных губерний переселились 32 121 чел., или в 3 раза больше, чем в 1897 г., и в 2 раза,— чем в 1899 г.

Итак, проблема аграрных миграций крестьянства, сложившаяся в пореформенное время на новой, капиталистической основе, решалась господствующими классами по-старому, по-крепостнически. Переселенческая политика самодержавия была «...насквозь проникнута азиатским вмешательством заскорузлого чиновничества, мешавшего свободно устроиться переселенцам», нося характер «особой милости», проявленной все теми же «благородными помещиками» по отношению к «свободному» крестьянству. Крепостники-помещики и в конце XIX в. не упускали случая наглядно показать «...каковы эти другие наши общественные отношения, помимо буржуазных...»,— писал В. И. Ленин¹¹⁸.

Самодержавию было не под силу решить переселенческий вопрос. Его уступки определялись действием объективных законов, ибо «все правительства, даже самые абсолютистские,— писал Ф. Энгельс,— в конечном счете только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они... ускоряют или замедляют экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими следствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием»¹¹⁹. Это подтверждает и переход самодержавия от политики запрета крестьянских переселений к попыткам решения

переселенческой проблемы, обусловленной сложными социально-экономическими и политическими условиями по-реформенной России и спецификой их проявления в отдельных регионах страны.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ 60—90-х гг.

У истоков аграрных миграций крестьянства

В развитии крестьянских переселений прослеживается определенная периодизация. 60—70-е гг. характеризовались слабым проявлением переселенческих импульсов. С началом утверждения капитализма для крестьян открылись возможности аренды помещичьей земли и постороннего заработка. Основными иммиграционными районами в эти годы становятся южные и юго-восточные окраины, В Новороссию и Предкавказье, Южное Приуралье и Оренбургский край устремились первые представители белорусского крестьянства. Одновременно отдельные семьи начали проникать в Сибирь.

Отдельные прошения о переселении стали поступать сразу же после объявления «воли», как, например, 12 марта 1861 г. от крестьянской семьи из д. Нижковки Слуцкого у., ходатайствовавшей по причине бедности о переселении в Ставропольскую губ. В последующие годы число уходивших из западных губерний возрастало. Так, в 1865 г. казенная палата перечислила из Могилевской в другие губернии Европейской России 89 чел.¹

Во второй половине десятилетия переселение сталошириться, особенно в 1867 и 1868 гг. В 1867 г. «весьма много» желающих переселиться в Тобольскую губ. оказалось в числе крестьян Люцинского и Себежского уездов Витебской губ. Для исходатайствования разрешения на переселение крестьяне отправили в Петербург своего уполномоченного Б. Лазарева².

Эти события встревожили власти. Витебский губернатор донес о происходящем в министерство внутренних дел и виленскому генерал-губернатору. Одновременно губернские власти обратились к петербургскому полицмейстеру с просьбой о задержании Б. Лазарева, против которого было возбуждено судебное дело. В свою очередь,

«для внушения крестьянам всей неосновательности распущенных Б. Лазаревым слухов» в волости, в которых оказалось «довольно значительное количество» желающих переселиться, отправились мировой посредник и исправник³.

На переселенческой вспышке конца 60-х гг. в Белоруссии оказались неурожайные 1865—1868 гг. Немаловажную роль сыграло обнародование циркуляра 13 апреля 1868 г., по опубликовании которого, писал минский губернатор, «стремление крестьян к переселению в настоящее время обнаруживается в больших размерах». Витебский губернатор сообщал в министерство внутренних дел, что обнародование циркуляра 13 апреля «было истолковано крестьянами в смысле вызова их на переселение» или, во всяком случае, как право на свободу переселения⁴.

Это подтверждается крестьянскими прошениями о переселении, которые, как правило, начинались ссылкой на циркуляр или даже цитировали его. Так, в прошении 1300 бывших государственных крестьян Витебской губ., поданном министру внутренних дел 24 июля 1868 г., писалось: «На основании циркулярного предписания мы изъявили желание переселиться в Оренбургскую или Самарскую губернию...»⁵.

Не изменил настроения крестьянства и циркуляр 4 мая 1868 г. Это наиболее наглядно видно на примере Белоруссии. Среди крестьян распространялись подложные всевозможные «высочайшие» повеления о переселениях, скрываемые будто бы от них местными властями, как писал витебский губернатор. Из этих повелений следовало, что правительство принимает на свой счет расходы по переселению, сложит с крестьян недоимки и текущие платежи, а на новых местах жительства предоставит им различные льготы⁶. Тот же витебский губернатор сообщал о самовольных сходках крестьян для обсуждения вопроса о переселении, о сборе денег для посылки ходоков в Самарскую губ. с целью осмотра земель и других подобных действиях крестьян⁷.

Аналогичное положение имело место и в других белорусских губерниях, на что указывал министр внутренних дел А. Е. Тимашев. 11 октября 1868 г. он писал виленскому генерал-губернатору, что вопреки циркуляру министерства от крестьян Витебской, Минской и Гродненской

губерний поступает «весьма значительное количество просьб» о переселении в Самарскую губ.⁸ Прошения подавались и в местные инстанции. В Могилевской губ. переселенческое движение после вспышки 1867 г. вновь началось в мае 1868 г. Из-за «недостатка в продовольствии» на юг тайком отправились несколько семей бывших государственных крестьян Горской и Городецкой волостей Чаусского у., 30 семей из деревень Малыничи, Бердеж и Мокрени Рогачевского у., 4 семьи крестьян-собственников Шамовской вол. Мстиславского у. и 27 семей Горецкой, Савской и Шавневской волостей Горецкого у. В течение первой половины мая 1868 г. переселенческое движение охватило пять уездов этой губернии⁹.

Это встревожило губернскую администрацию. По распоряжению могилевского губернатора в Гомеле были задержаны переселенцы из Чаусского и Мстиславского уездов. У тех же крестьян, которые еще не успели покинуть свои села, было приказано отобрать паспорта. Мировым посредникам и уездным исправникам предписывалось ни под каким предлогом не разрешать крестьянам продажи имущества. Было также признано необходимым крестьян, которым удалось уйти за пределы губернии, возвратить на родину по этапу¹⁰.

Однако майские события стали лишь прологом мощной переселенческой волны 1868 г., охватившей в Могилевской губ. восемь уездов из одиннадцати.

Летом 1868 г. имело место стремление «к переселению массами» среди крестьян Минской губ. Особенно характерны в этом отношении события, которые произошли в Борисовском и Игуменском уездах¹¹. В Борисовском у. «настоятельно домогались записи... к переселению» причем не единичными семьями, а «слишком значительными партиями и даже целыми обществами» крестьяне Велятичской, Дмитровичской и Ухвальской волостей. Крестьяне Холопеничской вол. этого же уезда 20 июля 1868 г. самовольно собрали сход, на котором назначили ходоков для осмотра земель в Самарской и Оренбургской губерниях¹².

В связи с этими событиями минское губернское по крестьянским делам присутствие в спешном порядке рассмотрело вопрос «О переселении крестьян Борисовского у. в Самарскую губ.». В постановлении, разосланном ми-

ровым посредникам губернии, действия крестьян квалифицировались как попытки «противозаконного» ухода с места их жительства, подлежащие преследованию. Крестьянам, которым удалось бы переселиться, постановление грозило принудительным возвращением на родину, «несмотря на пройденное расстояние». Губернатор лично сам объехал Борисовский, Бобруйский, Речицкий, Пинский, Мозырский и Игуменский уезды, требуя не прекращать полевых работ и «не расстраивать своего хозяйства в видах переселения под опасением в противном случае строгой ответственности по закону»¹³.

21 сентября 1868 г. минский губернатор донес министру внутренних дел «о принятых мерах к прекращению стремлений крестьян к переселению», еще ранее уведомив об этом генерал-губернатора Северо-Западного края¹⁴.

В северо-восточных уездах Виленской губ. движение за переселение вылилось в еще более решительные формы. Крестьяне Луцкой вол. Дисненского у., узнав о том, что в волостном правлении будут читать циркуляр 13 апреля, явились туда вместе со своими выборными. Зал волостного правления, вмещавший до 200 чел., «битком набился». Тишина, «окутавшая толпу» при чтении циркуляра, а затем активное обсуждение его, со своей стороны, подтверждали исключительную заинтересованность крестьянства в перспективе переселения. А менее чем через две недели жители волостного центра снарядили ходока в Самарскую губ.¹⁵

Тем временем развертывались события в смежных с Луцкой волостях — Верхнянской, Глубокской, Богинской и особенно Поставской. На базарах в Глубоком замечалось необычное оживление, «выходившее из рамок обычной жизни». Втайне от властей по деревням собирались деньги, продавалось «лишнее» имущество. «Селения победнее стали осаждать волость просьбами, запросами». Поставские крестьяне целыми обществами «повалили» в свою волость, «требуя царские бумаги» о переселении. Собрав деньги, они отправили в Петербург Прасковью Зубович «хлопотать у самого министра». А по ее возвращении из столицы крестьяне продолжали собираться в лесах и других местах, причем к ним примкнули даже некоторые сельские старосты, вступив «в неприязненные отношения к волости»¹⁶.

Недоумевая по поводу резкой перемены позиции мест-

ных властей в отношении переселений, крестьяне спрашивали: «Не паны ли просят не пускать народ, не панщину ли опять затевают?» Поставские же крестьяне даже поручили Прасковье Зубович получить от царя бумагу, «чтобы землю у панов отобрать и передать крестьянам», а затем явились в волость, требуя сообщить, «будут ли нарезать им панские земли»¹⁷.

Широко распространился слух о том, что те крестьяне, которые не переселяются, «будут по-прежнему отбывать барщину помещикам»¹⁸.

Встревоженная администрация начала принимать меры. Был отдан приказ об аресте и высылке за пределы «мятежных» волостей Прасковьи Зубович. Волостным властям вменялось в обязанность незамедлительно сообщать «как о переселенческом движении, так и о всех беспорядках и волнениях среди крестьян». Кроме того, с целью «успокоения» взбунтовавшихся крестьян в Поставах было решено созвать волостной сход с участием мирового посредника и станового пристава с сотскими¹⁹.

В назначенный день в Поставах собралось «такое большое число народа», что его не могла вместить площадь перед зданием волостного правления. Толпа ждала объявления «царской бумаги». Крестьяне требовали «царской милости». В ответ на угрозы пристава толпа набросилась на старост, сотских и волостного старшину. Мировой посредник и становой пристав скрылись. Волнения крестьян Поставской вол. не прекращались, и для усмирения «расходившегося народа» власти вызвали войска. Солдаты были расквартированы по деревням и оставались там несколько недель²⁰.

О подобных событиях, происходивших в это же время в Богинской вол. Дисненского у., хотя и не столь бурных, сообщалось в материалах жандармского ведомства Виленской губ.²¹

Меры, предпринятые властями, привели к некоторому затишью в переселенческом движении. Об успокоении «брожения умов в крестьянском населении» 13 августа 1868 г. сообщал министру внутренних дел витебский губернатор. Через месяц — 15 сентября — о том же, только с большей определенностью, писал в министерство внутренних дел виленский генерал-губернатор. «В настоящее время... — заявил он, — крестьяне, в большинстве случаев, осознали свое заблуждение и успокоились». И точно так

же думал минский губернатор, как, впрочем, и вся администрация края: «За всеми принятыми мерами я позволю себе оставаться вполне уверенным, что дальнейшее стремление крестьян к переселению едва ли может проявиться в серьезном виде»²².

В действительности же в Северо-Западном крае переселенческое движение лишь набирало силу. Крестьяне, настойчиво подававшие прошения о переселении во все местные инстанции и, как правило, получавшие отказы, решили, что власти сознательно задерживают их на месте, скрывают «высочайшее повеление», желая заставить вновь «отбывать барщину помещикам». Тогда прошения стали адресовываться в различные правительственные учреждения и на «высочайшее имя». Так, доверенные от 193 крестьян-собственников Витебской губ. Яков Максимов и Егор Иванов писали министру внутренних дел: «Мы... просили разрешения витебского по крестьянским делам присутствия о переселении...» но вместо положительного ответа волостное правление стало чинить им всяческие препятствия и даже отказалось выдать паспорта «на отлучку». В силу этого они оказались вынужденными обращаться к министру внутренних дел²³.

Группа крестьян из пяти деревень Чериковского у. Могилевской губ., исчерпав все возможности получения разрешения на переселение на месте, связывала надежды «избавить своих детей от голода» с министерством внутренних дел, куда обращалась дважды — в июне и в августе 1868 г.²⁴

Как правило, в прошениях, подаваемых в высшие инстанции, крестьяне рассказывали о своих «ходждениях по мукам». Так, 31 июля 1869 г. 20 семей из с. Марковичи Гомельского у. писали, что они «просили местное сельское начальство, могилевского губернатора и комитет министров дозволения переселиться на жительство в Самарскую губ., но просьбы остались неудовлетворены». Жаловались 7 ноября 1869 г. министру внутренних дел 36 бывших государственных крестьян д. Шелуховки Рогачевского у., что местные власти не только не разрешили переселиться, но приказали «не сметь вовсе по сему ходатайствовать»²⁵.

Крестьяне не только подавали прошения о переселении в высшие инстанции, но и посыпали уполномоченных в Петербург. Так, летом 1868 г. 112 семей бывших госу-

дарственных крестьян Городокского у. Витебской губ. отправили в столицу своих доверенных Петра и Архипа Яковлевых. Группа крестьян из 23 деревень Мхиницкой вол. Чериковского у., помимо местных инстанций, дважды обращалась к министру внутренних дел, причем в первый раз через своего доверенного Устина Кондратьева. Крестьяне ряда деревень Оршанского у. летом 1868 г. уполномочили в Петербург отставного солдата Ефима Федорова. Однако, как писали они Александру II в своем следующем прошении, Ефим Федоров, «который решился было, видя сие наше состояние, поднести к тебе... государь, наше всеподданнейшее прошение... посажен был в тюремное заключение и ныне находится в оном». Крестьяне ряда сел и деревень Борисовского у. также были вынуждены обратиться к царю через своего уполномоченного Якова Кособуку. И снова власти «употребили меры, чтобы его, Якова Кособуку, схватить и препроводить по этапу с Санкт-Петербурга в наше общество»²⁶.

Получая от местного начальства отказы на настойчивые прошения о переселении, крестьяне «приходили в крайнее недоумение», как писали царю из д. Грабовки Гомельского у. «Все наши просьбы о разрешении переселения,— сообщалось в прошении на «высочайшее имя» 33 бывшими помещичьими крестьянами д. Волынец Чериковского у.,— остаются без всякого внимания, и мы, в обширном смысле слова, бедствуем на земле, не возвращающей даже семян»²⁷.

Крестьяне начинали понимать, на страже чьих интересов стоит правительство. Группа бывших помещичьих крестьян Себежского у. Витебской губ. в сентябре 1868 г. писала царю, что из-за плохого качества надельных земель они впали в нищету и не в состоянии отбывать повинностей. Это произошло «по вине помещиков» и мирового посредника, действовавшего заодно с ними: «Имея у себя циркуляр монаршей воли... о предложении желающим выселиться в Самарскую губ., прочитав его на общем сходе, и когда на означенное переселение изъявили почти все согласие, то он... уже на другой день отменил это постановление в угоду помещиков, страшая при этом каждого вызвавшегося на переселение подвергнуть наказанию»²⁸.

В ходе переселенческого движения конца 60-х гг. стихийно возник институт ходоков — крестьянских уполномо-

моченных, направляющихся в предполагаемые районы переселения с целью предварительного ознакомления с качеством земель и условиями жизни. Первыми ходоками были представители крестьянства Витебской и Могилевской губерний, которые, как писал в июне 1868 г. самарский губернатор министру внутренних дел, явились в Самару «с просьбами о допущении их к осмотру земель». Осмотреть казенные земли в Новоузенском у. Самарской губ. ходили уполномоченные от 112 семей ряда сел Войханской вол. Городокского у. Петр и Архип Яковлевы. В 1868 г. Самарскую губ. посетил ходок от общества крестьян с. Луцкое Дисненского у. Виленской губ. Лукаш Кудушка. Получив землю в Новоузенском у., он «выписал» туда свою семью. В 1869 г. от 44 семей д. Перелевки Рогачевского у. Самару посетил Прохор Апанаев. Ходоки из Белоруссии бывали и в Оренбургской губ.²⁹

Переселенческое движение 60-х гг. приобрело затяжной и упорный характер. Это свидетельствовало о глубине крестьянских стремлений покончить с кабальной зависимостью от помещиков. К концу 1868 г. «брожение умов» в среде крестьянства, охваченного переселенческим движением, «по большей части [было] уже прекращено», — писал 14 октября 1868 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев виленскому генерал-губернатору. И лишь «в некоторых местностях» оно продолжалось. К числу таковых принадлежал Северо-Западный край, указывал министр. От крестьян Витебской, Минской и Гродненской губерний, писал А. Е. Тимашев, в правительственные учреждения продолжает поступать «весма значительное количество просьб» о переселении. Более того, это движение в Белоруссии начинало выливаться, по заявлению того же министра, в новую форму: в Петербург «в довольно значительном числе» прибывали крестьяне, ожидая от правительства «каких-то новых льгот при переселении»³⁰.

Таким образом, в конце 60-х гг. в Белоруссии, как и во всей Европейской России, имела место первая переселенческая волна. Переселенческое движение этих лет, писал 15 сентября 1868 г. виленский генерал-губернатор министру внутренних дел, «проявилось во всех шести северо-западных губерниях и в особенности сильно в губерниях Минской, Могилевской и Ковенской»³¹.

В 70-х гг. подача прошений о переселении продолжалась. Так, 31 марта 1870 г. с прощением о переселении в Самарскую или Оренбургскую губ. обратились 44 семьи д. Перелевки Рогачевского у., уже успевшие через своего ходока Прохора Апанасова познакомиться с самарскими землями. Но министерство внутренних дел признало их ходатайство не подлежащим удовлетворению. 12 октября 1870 г. обратились в министерство внутренних дел с новым прошением о переселении 36 семей из д. Шелуховки Рогачевского у., пришедшие «в крайне бедное и нищее состояние». Даже могилевский губернатор признал, что причиной стремления этих крестьян к переселению являлась недоброкачественность земель их местности. Поэтому он ходатайствовал о приезже им «известного количества земель хорошего качества». Несмотря, однако, на признание губернатором уважительности причин, вызвавших настойчивые ходатайства о переселении, министерство внутренних дел отказалось этим крестьянам как не являвшимся безземельными³².

Вновь подали прошение о переселении крестьяне д. Вульки Пинского у. Харитон Клевцевич и Мирон Лобко. Зная, что имеющим землю правительство отказывает в переселении, они возбудили ходатайство об освобождении их от наделов. Очередной отказ министерства удовлетворить просьбу не прекратил их попыток переселиться. В период с осени 1871 г. до весны 1873 г. они еще несколько раз обращались в министерство внутренних дел с ходатайством. Убедившись, наконец, что ничего, кроме отказа, не добываются, эти крестьяне, хлопотавшие о переселении целых пять лет, решились на самовольное переселение в Екатеринославскую губ.³³.

4 апреля 1872 г. министру внутренних дел было подано очередное прошение о переселении группы крестьян из трех волостей Борисовского у. До этого они несколько раз обращались с аналогичными ходатайствами в различные инстанции. Но и на этот раз министерство отказалось крестьянам³⁴.

Из отчетов губернаторов, которые содержат некоторые сведения о крестьянах, перечисленных в другие губернии, явствует, что преимущественно переселенцы выходили из Могилевской губ., дававшей в этом десятилетии в среднем по 199 чел. в год, и Витебской, из которой уходило по 50 чел. в год³⁵. Н. Г. Простнев называет не-

которые пункты выхода могилевских переселенцев. Так, в 1870 г. группа крестьян Баевской вол. Горецкого у. переселилась в Томскую губ., где и были зарегистрированы томской казенной палатой. А несколько семей Мошковской вол. Оршанского у. ушли весной 1875 г. в Оренбургскую и Пермскую губернии³⁶.

Выход переселенцев из Минской, Виленской и Гродненской губерний был еще незначительнее. Например, из Минской губ. в 1875 г. переселилось 26 крестьян-собственников. Вряд ли более чем по 200 переселенцев дали за десятилетие Виленская и Гродненская губернии. К такому выводу приводит факт единичных ходатайств крестьян этих губерний о переселении. Например, в Гродненской губ. в 1875 г. о переселении было заявлено только 9 семьями³⁷.

В официальном обзоре переселенческого движения в 1870—1879 гг. о западных губерниях сказано: Виленская губ.— «в переселениях большой роли не играет»; Гродненская — «в переселениях не играет роли более значительной, чем соседние с ней Ковенская и Виленская». Роль «Могилевской губ. в переселениях оказывается также довольно ничтожной». Минская губ. «значительной роли в переселениях не играет». И то же говорится о Витебской губ.³⁸.

Таким образом, в 70-х гг. наступило затишье в переселенческом движении. Это подтверждается незначительностью выходцев из белорусских губерний, перечисленных в этом десятилетии на жительство в Томскую губ.: за 1870—1879 гг. 30 семей³⁹. Правда, эти данные ниже действительного числа переселившихся. Возможность перечисления на новое место жительства уже переселившихся крестьян была сопряжена с массой юридических затруднений. Поэтому многие переселенцы нередко годами жили на своей новой родине, продолжая числиться за прежними обществами.

С другой стороны, сибирские губернии как район вселения играли в этот период крайне незначительную роль. Переселенцы-крестьяне из западных губерний, как и изо всей Европейской России, преимущественно по-прежнему направлялись в такие губернии, как Екатеринославская, Херсонская, Таврическая и Бессарабская, а также в другие южные и юго-восточные районы Российской империи.

Затишье в переселенческом движении в Белоруссии не являлось исключением. Это подтверждают данные о размере переселенческого движения в эти годы из Европейской России за Урал ⁴⁰:

Годы	Число переселенцев, тыс.	Годы	Число переселенцев, тыс.
1861—1870	114	1881—1890	279
1871—1880	68	1891—1900	1 078
		1901—1910	2 257

Как видно, переселенцы 70-х гг. составили около 60% выходцев из Европейской России предшествующего десятилетия и всего лишь 1/4 часть переселившихся в следующие, 80-е, годы. Несмотря на то, что в 60-х — первой половине 80-х гг. сибирское направление в переселенческом движении играло второстепенную роль, эти данные в целом верно отражают общие тенденции аграрных миграций российского крестьянства.

Сведения о Кубанском районе — одном из основных приемников переселенцев в южном иммиграционном направлении — отражают ту же тенденцию ⁴¹:

Годы	Число переселенцев из других губерний	Годы	Число переселенцев из других губерний
1872	54 106	1876	— 5 065
1873	6 405	1877	— 710
1874	27 696	1878	18 753
1875	10 815	1879	40 805
		1880	28 395

Как показывают данные, 54 тыс. переселенцев, прибывших в Кубанский район в 1872 г., были заключительным аккордом переселенческой вспышки конца 60-х гг. Затем приток пришлого населения резко уменьшился. В 1876 и 1877 гг. имел место даже отток переселенцев. И только в конце десятилетия в переселенческом движении наметился новый подъем.

Подтверждением спада в переселенческом движении в 70-е гг. служат сведения о площади земли, отводившейся для переселенцев в Самарской и Оренбургской губерниях ⁴²:

Годы	Отведено десятин земли в губерниях		Итого
	Оренбургской	Самарской	
1868	19 103	336	19 439
1869	10 066	3 752	13 818
1870	10 879	9 953	20 832
1871	6 080	2 513	8 602
1872	6 203	3 074	9 277
1873	11 120	3 975	15 095
1874	6 287	6 621	12 908
1875	701	3 091	3 792
1876	250	2 168	2 418
1877	483	133	616
Всего	71 185	35 676	106 861

Таким образом, если в конце 60-х гг. правительство было вынуждено отводить для переселенцев довольно значительные площади, то в 70-е гг. сильно сокращает. Правда, Ю. Э. Янсон, у которого позаимствованы эти сведения, пишет о том, что по этому показателю вряд ли можно судить о действительных масштабах переселений, ибо «отвод земель поселенцам делался вообще в далеко меньших размерах, чем полагалось». Но он же приводит пример о Самарской губ., где в 1869—1877 гг. было отведено для переселенцев 31 238 дес., в то время как действительная потребность в эти годы ограничивалась 20 439 дес.⁴³

И все-таки данные таблицы можно считать верно отражающими масштабы переселенческого движения 70-х гг. Циркуляр 13 апреля 1868 г. разрешал переселения лишь в Самарскую и Оренбургскую губернии. Поэтому даже в южных степных губерниях, бывших в 60—70-х гг. районом активной инфильтрации пореформенного крестьянства, в эти годы отводилось незначительное количество земель для переселенцев. Так, в 1868—1878 гг. в Таврической губ. было отведено только 4226 дес., а в остальных, за исключением Херсонской,— еще меньше⁴⁴.

Таким образом, реакция самодержавия на активные попытки переселения конца 60-х гг. сказалась на переселениях 70-х гг. Однако очевидно, что прежде всего причины переселенческого спада крылись в социально-экономическом развитии империи. Крестьяне начали покупать и арендовать помечичьи земли, перед ними открылись возможности промысловой деятельности. Это должно было задержать их в Европейской России, на некоторое

время отвлечь от вынужденного и для многих ничего хорошего не обещавшего перехода за Урал.

Сдерживающим образом сказалось на переселениях некоторое улучшение экономической конъюнктуры в крае, так как на смену ряду неурожайных лет пришли годы удовлетворительных урожаев, особенно картофеля. Наконец, отразился начавшийся рост цен на сельскохозяйственные продукты. Это стало одной из причин расширения крестьянских запашек: возвращались в оборот заброшенные в годы неурожаев земли, распахивались новые⁴⁵.

В преддверии второй революционной ситуации распространялись слухи о предстоящем разделе помещичьих земель, что обусловило «выжидательные» позиции крестьянства, как писал 23 июля 1879 г. гродненскому губернатору исправник Пружанского у. Крестьяне не только не переселялись, но даже приостановили покупки земли у помещиков, считая, что «вся помещичья земля будет отдана крестьянам»⁴⁶.

И лишь в последние годы второго пореформенного десятилетия переселенческое движение вступало в новый период. Ив. Овсянкин, в частности, писал, что в конце 70-х гг. переселенцы «двинулись с родины на Алтай сплошной массой»⁴⁷. Это подтверждают и официальные источники. «В последнее время,—подчеркивалось в представлении Главного управления Западной Сибири министру внутренних дел,—сделалось особенно заметным появление в пределах Западной Сибири переселенцев из внутренних губерний»⁴⁸. Это писалось 3 августа 1879 г. А 15 сентября 1879 г. появился циркуляр министра внутренних дел Макова, требовавший от губернаторов «принять все необходимые меры к предупреждению самовольных переселений»⁴⁹. Второй запретительный циркуляр министерства внутренних дел также был обусловлен началом нового оживления в переселенческом движении, наступившего после целой полосы затишья.

Переселенческое движение 80 — первой половины 90-х гг.

Революционная ситуация 1879—1881 гг. положила начало второму периоду в развитии переселенческого движения в Белоруссии. Он характеризуется появлением

первых переселенческих законов, постоянством в крестьянском стремлении к переселению в отличие от эпизодичности его в 60—70-е гг., превращением Сибири в основной район иммиграции, первыми мерами по организации учета переселенцев.

Картина переселений (только за Урал) из западных губерний в этот период видна из следующих данных⁵⁰:

Губерния	Число переселившихся				
	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.
Витебская	—	37	209	1082	13
Виленская	8	1	6	—	—
Гродненская	14	13	19	15	—
Минская	5	—	—	74	124
Могилевская	—	6	—	41	263
Всего	27	57	234	1212	400

В эти данные не вошли сведения о переселенцах, которые осели в приволжских и приуральских губерниях, уходили в южные степи и Предкавказье, а также о тех крестьянах, которые переселились на Амур, поскольку они уезжали туда из Одессы морем. Правда, это было относительно небольшое число, так как с 80-х гг. главным направлением переселений стало сибирское.

Итак, по официальным, хотя и не полным данным, из пяти западных губерний за указанный период за Урал переселилось около 4 тыс. чел. Разумеется, выход по годам был неодинаков: с незначительной цифры в 27 чел. в 1885 г. переселение резко возрастает в течение последующих трех лет. В 1889 г. оно стремительно падает, убывая, за исключением 1892 г., почти до конца характеризуемого периода. И только в 1895 г. наметилось новое оживление.

О скачкообразности в переселенческом движении говорят и погубернские данные. Наиболее наглядно это видно на примере Витебской губ.: вместо 37 переселенцев, вышедших в 1886 г., 1082 чел.— в 1888 г., а еще через год переселения здесь вообще прекратились.

Для Могилевской губ. временем наивысшего подъема переселенческой волны был 1889-й год, для Минской — 1890-й, для Гродненской — лишь 1892-й г. Но после это-

го в каждой из губерний переселения затихали, практически доходя до нуля. Не случайно «Алтайский сборник», заметивший эти скачки, называл Могилевскую губ. «хорошим образчиком» тех губерний, в которых переселенческое движение, «начавшись сразу довольно сильно, вдруг через год-два падает до нескольких семей в год или даже совсем прекращается»⁵¹.

(душ обоего пола)

1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	Итого
7	—	—	50	28	162	1588
28	6	11	59	15	191	325
—	56	289	63	28	187	674
188	153	63	1	4	32	644
17	11	26	26	80	243	698
240	226	374	199	155	815	3 939

Для уяснения общего характера развития переселений сгруппируем данные «Материалов комиссии 16 ноября...» приблизительно по пятилетиям:

Годы	Переселились из пяти западных губерний	%	Переселились из 50 губерний Европейской России	%
1885—1890	2 170	55,1	116 192	24,7
1891—1895	1 769	44,9	353 089	75,3
Всего	3 939	100,0	469 281	100,0

Как видно, переселение из Белоруссии шло по убывающей линии. Падение кривой переселенческого движения во втором пятилетии при ее резком подъеме в общероссийском переселении свидетельствует о проявлении «особой ветви» в политике самодержавия.

Это же показывают и данные об удельном весе переселенцев из пяти западных губерний⁵²:

Переселились в 1885—1895 гг. (душ обоего пола)	% переселенцев из пяти западных губерний	Зарегистрировано семей переселенцев в 1887—1893 гг. на границах Сибири	% переселенцев из 50 губерний Европейской России
из 50 губерний Европейской России	из пяти западных губерний	из 50 губерний Европейской России	из пяти западных губерний
469 281	3 939	67 041	572
			0,85

Таким образом, два различных источника называют одну и ту же долю переселенцев из пяти западных губерний. До середины 90-х гг. на их долю приходилось не более 1 %.

Однако, несмотря на ограничения переселений из западных губерний, последние входили в группу 23 губерний Европейской России, давших 87,7% переселенцев этого периода, хотя и были в этой группе в числе последних⁵³.

Пробел, созданный отсутствием полной статистики переселений, может быть в какой-то мере восполнен характеристикой переселенческого движения в этот период. В условиях юридического исключения, а затем сильного сдерживания переселений из западных губерний переселение здесь протекало как самовольческое и потому являлось «противозаконным», т. е. «политическим» действием. Переселенческое движение — это не только стихийные попытки крестьян уйти в Сибирь втайне от властей, т. е. в обход закона, но и борьба против кабалы помещиков, эксплуатации кулаков, нищенского существования.

Распространение среди крестьян ложных слухов о предполагаемом разделе помещичьих земель, о которых писал 23 июля 1879 г. пружанский уездный исправник, поддерживалось не «злонамеренными лицами», к борьбе с которыми призывал местную администрацию циркуляр министра внутренних дел от 17 августа 1878 г., а крестьянской нуждой, заставлявшей, как признавал один из мировых посредников Бельского у., «прислушиваться к каждому говору о земле»⁵⁴.

Не действовало на крестьян и «Объявление» министра внутренних дел Л. С. Макова, которым разъяснялась несостоятельность распространявшихся слухов. Это «Объявление» на одних волостных сходах было встречено «глубоким молчанием и удивлением» крестьян, на других — «привело крестьян к крайнему неудовольствию», как это было на боркинском волостном сходе Слонимского у.⁵⁵ Большинство же крестьян пришло к заключению, что «Объявление» — всего лишь «выдумка начальства», о которой ничего «не известно» царю. Напротив, они были убеждены, что «вся помещичья земля будет отдана крестьянам», как отмечал 2 августа 1879 г. мировой посредник второго участка Брестского у.⁵⁶

Характерно, что натиск на помещичьи земли был

предпринят беднейшим крестьянством — имевшим неполные наделы, огородниками и уже лишившимися земли. Состоятельное же крестьянство «строго относилось к своему праву собственности»⁵⁷.

Подобные события происходили в эти годы и в остальных западных губерниях. Могилевский губернатор писал в отчете за 1882 г. о «самом зловредном влиянии», оказывавшемся на крестьян слухом «о переделе земли и даровых приезках». Витебский губернатор называл «грустным фактом» «сильно» укоренившуюся в эти годы среди крестьян «мысль о том, что правительство вновь наделит их землей, которую отберет у помещиков». Причем крестьянство Витебской губ., писал тот же губернатор, прибегало «довольно часто... к самоуправству» по отношению к помещичьим землям⁵⁸.

Борьба властей с крестьянским движением обусловила спад в нем. Так, мировой посредник второго участка Брестского у. писал гродненскому губернатору: «В последнее время замечается явное недоверие к этим слухам (о разделе помещичьих земель.— П. В.)». Он отмечал более частые покупки крестьянами земли у помещиков, чем это случалось прежде, пока «крестьяне надеялись на получение земли посредством надела»⁵⁹.

Для тех же крестьян, которые не имели средств для приобретения земли, переселения оставались по-прежнему единственной надеждой на избавление от нищеты.

«Временные правила» 10 июля 1881 г. не содержали пункта, запрещавшего переселения крестьян из Северо-Западного края. Однако их секретный характер представлял местной администрации возможность не допускать ухода крестьянства на восток. В первые пять лет действия «Временных правил» в Витебской, Гродненской и Минской губерниях разрешения на переселение не получила ни одна семья. В Виленской губ. этим законом воспользовалось только 29 семей, а в Могилевской разрешение было дано 34 семьям, которые затем отказались от переселения⁶⁰. Не разрешались переселения и в последующие годы. Так, из справки земского отдела министерства внутренних дел за 1890 г. видно, что, как и прежде, в Минской губ. никто из крестьян разрешения на переселение не получил⁶¹. Аналогичной была картина и в других губерниях.

Однако нищета вынуждала крестьян упорно добывать-

ся переселений. Так, если еще в 1881 г. могилевский губернатор писал о переселении крестьян как о неприметном факторе в жизни губернии, то уже в следующем, 1882, году переселенческое движение представлялось тому же губернатору явлением, оказывавшим на крестьянское население «самое зловредное влияние»⁶². В 1882 г. в одном лишь Бельском у. Гродненской губ. желание о переселении было заявлено 1500 чел.⁶³

В 1883 г. более частыми стали прошения, подаваемые крестьянами в высшие инстанции. Так, осенью этого года в министерство внутренних дел обратились с прошением о переселении 44 семьи из Игуменского у. и 5 семей из Автютевичской вол. Речицкого у. Группа крестьян из Цитвянской вол. Игуменского у. 5 декабря 1883 г. отправила своего уполномоченного в Одессу, поручив ему выяснить возможности отъезда на Амур морем. 31 декабря 1883 г. к минскому губернатору обратились доверенные «более чем от ста семейств» д. Лесной Новогрудского у. с просьбой о дозволении переселения в Батумскую обл.⁶⁴

Основные же события этого года начались в Могилевской губ. Поводом послужило переселение правительством в Южно-Уссурийский край нескольких сотен крестьянских семей Черниговской губ.⁶⁵ Это всколыхнуло крестьян смежного с Черниговской губ. Гомельского у. Движение за переселение на Амур быстро распространилось еще на пять уездов Могилевской губ. Крестьяне от толков о переселении перешли к составлению списков желающих переселиться и к сбору денег для посылки ходоков в Могилев и Петербург. Отправились уполномоченные и в Одессу. Некоторые крестьяне начали продавать свое имущество. Попытки противодействия движению привели, по признанию губернатора, лишь к «внешнему успокоению», крестьяне стали реже собираться группами. Но они еще настойчивее подавали прошения, поскольку были убеждены, что «разрешенное правительством переселение скрывается местными властями»⁶⁶.

В конце 1883 г. центр тяжести в переселенческом движении переместился в Минскую губ. В одном из сентябрьских номеров газеты «Новости» сообщение о планируемом правительством переселении на Амур крестьян Черниговской губ. прочитали Данил Таранкевич и Воин Леонович из пос. Теса Кочеричской вол. Бобруйского у.

Распростанился слух, что это «высочайшее» повеление касается и Северо-Западного края и правительство якобы принимает на свой счет расходы по переселению, в местах же водворения переселенцам полагаются разные льготы и пособия⁶⁷.

В желающих переселиться «на хорошие и бесплатно выдаваемые правительством земли» недостатка не было. Особенно активно записывались на переселение безземельные и малоземельные крестьяне. Антон Дашкович из д. Смык-Слободы Бобруйского у. не только записался сам, но и стал агитировать за переселение, говоря, что «власти умышленно... скрывают этот высочайший указ от населения в угоду помещикам и духовенству, которые, в случае если бы переселение осуществилось, остались бы без рабочих рук и прихожан». И крестьяне «начали стекаться к нему толпами со всех сторон». В результате «дашковичская переселенческая пропаганда... всколыхнула в числе прочих и Игуменский у. из края в край», — писал исправник этого уезда⁶⁸.

24 декабря 1883 г. Дашковича арестовали, но вскоре он был освобожден, что еще больше подняло его престиж в глазах крестьян. Теперь крестьяне «стали ходить к нему еще большими толпами», нередко за 70 в. На 20 января 1884 г. Дашкович назначил в Игумене сбор крестьян с целью оформления у нотариуса доверенности на право представления их интересов перед властью. В этот день в Игумене собралось не менее 300 чел. Когда же по распоряжению игуменского уездного исправника Дашковича препроводили в полицейское управление, вся эта крестьянская масса последовала за ним, заполнив собой двор управления. Крестьяне начали угрожать «разнести полицейское управление и освободить Дашковича силой». В материалах следствия подчеркивается, что «вообще настроение толпы становилось особенно грозным каждый раз, как только возникало предположение, что Дашкович будет арестован»⁶⁹.

Была вызвана рота солдат. Но и это не помогло. «Бери нас всех, когда его сажаешь...» «...силой отобъем Дашковича», — раздавалось в толпе, которая начала ломиться в дверь арестантской. «Никакие уверещания со стороны исправника не действовали на толпу. Крестьяне решительно не хотели расходиться и кричали: "Не пойдем, пока не дадут нам нашего Дашковича"», — читаем в мате-

риалах следствия виленской судебной палаты. В этих условиях, «ввиду крайне возбужденного настроения толпы и неимения средств к усмирению ее в ночное время», исправник освободил Дашкевича, взяв с него подпись о невыезде из Игумена. Толпа подхватила Дашкевича и с криками «Ура, наша взяла» устремилась от полицейского управления⁷⁰.

Переселенческое движение настолько глубоко захватило крестьян, что они, по свидетельству одного из полицейских чинов Бобруйского у., «забыли... о домашних делах... и интересуются только одним переселением на Амур»⁷¹.

30 января в Игумене собралась еще большая толпа, надеясь встретить Дашкевича, который уже был арестован и заключен в минскую тюрьму. Некоторые крестьяне «пришли... за 100 в.», подчеркивается в материалах следствия. В ответ на вопрос игуменского исправника Мозголовского «Что заставило крестьян поверить «обманщику» Дашкевичу?», один из крестьян, тыча ему в нос хлебом с мякиной, ответил: «Посмотри, какой мы хлеб едим»⁷².

20 февраля 1884 г. в Игумене разыгрались самые яркие события в истории переселенческого движения в Белоруссии. В этот день там собралось до 500 крестьян. Подойдя к полицейскому управлению, они начали требовать указ о переселении на Амур. Попытки властей уговорить крестьян разойтись по домам встретили дружный отпор. Безуспешными оказались и попытки полиции арестовать наиболее активных участников событий, так как толпа начала атаковать здание полицейского управления с криками: «Не давайте арестовывать, зачем их ведут, взять назад, не выдавать»⁷³.

Местные власти запросили помощи у губернатора. В ответ на это губернатор телеграфировал: «Сегодня высылаю в Игумен роту. Завтра и в следующие дни пришлю еще войска». 21 февраля в Игумен явился минский губернатор в сопровождении солдат. Войска рассеяли толпу крестьян и арестовали активистов движения. Они еще в течение недели оставались в Игумене, а по деревням разъезжали жандармы из Минского, Борисовского и Игуменского уездов, «успокаивая» крестьян. 28 февраля минский губернатор уведомил министра внутренних дел о том, что «в городе все спокойно»⁷⁴.

И тем не менее переселенческое движение в Игумен-

ском у. продолжалось, хотя и не столь решительно, как в начале 1884 г. Уже через два месяца после описанных событий группа крестьян из деревень Городище, Осмоловки, Вязовницы и других возбудила ходатайство о переселении на Амур. Их представитель Гаврил Рудько отправился в Петербург для подачи прошения министру внутренних дел. 12 апреля 1884 г. несколько крестьян явились в с. Новоселки к полицейскому уряднику и потребовали «бумагу», разрешавшую переселение на Амур. 12 августа возбудили ходатайство о переселении на Амур 5 семей из д. Малая Гора Погорельской вол.⁷⁵

То же происходило в соседнем с Игуменским Бобруйском у. В августе, сентябре и ноябре 1884 г. по причине «бедственного положения» ходатайствовали о переселении в Уссурийский край крестьяне д. Кромки Житинской вол. Туда же стремились 4 семьи из Новодорожской вол., возбудившие ходатайство 19 сентября 1884 г.⁷⁶ «Подобное стремление к переселению,— писал 16 октября 1884 г. Минский губернатор уездным исправникам и предводителям дворянства,— повторяющееся в последнее время довольно часто в Игуменском и Бобруйском уездах и не замечаемое в других местностях губернии, не может не обратить на себя внимания... Следует полагать, что явились преемники Дашкевича, подговаривающие крестьян на переселение»⁷⁷.

Губернатор, однако, умышленно отрицал существование переселенческого движения в других уездах губернии: он ориентировал власти Игуменского и Бобруйского уездов на принятие решительных мер к прекращению движения в этих уездах. В действительности стремление крестьян переселиться на Амур проявилось в то время в ряде уездов. Например, в Речицком в мае группа семей из деревень Замостье и Малое Село возбудила ходатайство о переселении также на Амур⁷⁸.

К концу 1884 г. губернским властям удалось приглушить переселенческое движение. И все же брожение не прекращалось. Об этом говорят губернские отчеты и архивные материалы. Так, в Минской губ., наряду с уездами, за которыми закрепилась слава переселенческих (Игуменский, Борисовский, Бобруйский), движение начинало охватывать крестьян других уездов — Новогрудского, Минского. Не прекращалось оно в Речицком. Здесь в марте 1885 г. 4 семьи из Больших и Малых Автютович

самовольно отправились в Ставропольскую губ. В июне туда же ушли еще 3 семьи из сел Гулевичи и Большие Автютиевичи⁷⁹.

В октябре 1886 г. минскому губернатору поступило прошение о переселении от 13 семей из д. Делятичи Любчанской вол. Новогрудского у. 13 января 1887 г. группа крестьян из Новоселковской вол. этого уезда просила дозволения на переселение в Южно-Уссурийский край. В апреле 1887 г. вновь возбудили ходатайство о переселении «на счет казны» 100 семей из двадцати сел и деревень Негневичской, Любчанской и Щорсовской волостей этого же уезда. В марте 1887 г. 107 семей из Столпецкой вол. Минского у. просили разрешения переселиться в Тобольскую губ.⁸⁰

В Восточной Белоруссии наиболее активным оказалось крестьянство Витебской губ. В 1885 г. в Сибирь самовольно ушло несколько семей из Себежского у. «С тех пор и началось... негласное и нерегистрируемое переселение», — писал податной инспектор этого уезда. В 1886 г. в губернии вновь проявились «попытки переселений», — пишет губернатор⁸¹.

Противодействие переселенческому движению было причиной незначительности его в эти годы в Могилевской губ. Это, однако, не означало, что крестьяне отказались от попыток переселения. В условиях категорического запрета и репрессивных мер они были вынуждены больше действовать в рамках «законности».

В отчете за 1885 г. виленский губернатор писал о том, что ухудшающееся экономическое положение крестьян побуждало их «ходатайствовать о переселении... в другие губернии», причем нередко крестьяне уходили на восток самовольно. Так, «Правительственный вестник» писал в январе 1886 г.: «Из числа переселенцев, проследовавших в прошлом году, обращали на себя особенное внимание крестьяне Виленской губ., которых было 400 душ». Все они отправились в Самару в надежде получить разрешение поселиться на казенных землях. В документах начала 1886 г. называется уже значительно большая цифра виленских переселенцев — 122 семьи (примерно 660—750 чел.). Все они ушли за Волгу без разрешения, которого не добились и в последующие годы⁸².

В Гродненской губ. весной 1885 г. несколько семей из д. Заставье просили разрешения на переселение в То-

больскую губ. 9 февраля 1886 г. о переселении в Бийский у. Томской губ. ходатайствовали 9 семей из Малой Крокотки Слонимского у. Через год 70 семей из д. Пенюги Волковыского у. подали прошение о переселении в Сибирь. В марте 1887 г. возбудили ходатайство о переселении на Амур несколько семей из д. Грибово Слонимского у.⁸³

Помимо сибирских губерний, куда теперь стремилась основная масса желающих переселиться, отдельные семьи или небольшие группы семей по-прежнему направлялись на юг. Так, 12 января 1888 г. крестьянин с. Доброполье Волковыского у. Сидор Борель подал прошение о переселении в Херсонскую губ.⁸⁴

Однако власти продолжали не разрешать переселения крестьянства из западных губерний. Так, витебский губернатор, констатировав в 1885 г. оживление переселений, категорически заявлял: «Подобное движение не должно иметь места». В отчете за 1887 г. тот же губернатор говорит о приостановке переселений из губернии с помощью «принятых в свое время административных мер». Отчет губернатора за 1889 г. еще больше подчеркивает наступательный характер действий местной администрации. «Своевременно принятыми мною решительными мерами движение это подавлено», — успокаивал губернатор петербургские власти.⁸⁵

В свою очередь, министерство внутренних дел 8 февраля 1886 г. отказалось самарской губернской администрации в разрешении наделения землей виленских переселенцев-«самовольцев». 19 февраля того же года отказ был повторен в связи с новыми попытками самарского губернатора.⁸⁶

С появлением закона 13 июля 1889 г. крестьянское движение за переселение усиливается. «С обнародованием закона 13 июля 1889 г. о свободном переселении в сибирские губернии прежнее движение вновь охватило крестьян», — писал могилевский губернатор. Причем, по его словам, теперь крестьяне продемонстрировали «большое упорство».⁸⁷

В Витебской губ. в этом году также проявилось «стремление крестьян к самовольному переселению в отдаленные губернии». И вновь местные власти приняли самые решительные меры к исключению его. Даже губернатору пришлось отправиться в наиболее активные в

этом отношении уезды, чтобы не допустить «необдуманных» переселений⁸⁸.

В центре и на западе Белоруссии в 1889 г. продолжалась кампания подачи прошений. Имели место и факты самовольного ухода крестьян на переселение. Так, минский губернатор обращал внимание бобруйского уездного исправника «на вновь возникшее между крестьянами Бобруйского у. стремление к переселению». Исправнику предлагалось «принять меры к прекращению таковых в самом начале». Вновь оживилось крестьянство Борисовского, Игumenского и Новогрудского уездов⁸⁹.

В Гродненской губ. в конце декабря 1889 г. 28 семей из д. Запруды Кобринского у. просили разрешения на переселение в южную часть Тобольской губ. по причине «крайней бедности и сплошного песка», из которого состояли их наделы⁹⁰.

Все это были разрозненные эпизоды, предшествовавшие сильнейшему переселенческому движению, имевшему место в последнем году десятилетия. На этот раз центром стала Могилевская губ.

Осенью 1889 г. крестьяне Чериковского и Климовичского уездов, давно лелеявшие мечту о переселении в Томскую губ., отказались засевать поля. Волости, в которых началось переселенческое движение, обхажал сам губернатор и, как доносил в департамент полиции начальник могилевского губернского жандармского управления, «лично уговаривал их прекратить всякие сборы» на переселение. То же проделали уездный предводитель дворянства, полицейский исправник и члены уездного по крестьянским делам присутствия. И тем не менее крестьяне и весной 1890 г. не приступили к полевым работам. Вместо этого они распродали имущество и в середине апреля, преодолевая противодействие властей, ушли на переселение⁹¹.

Все усилия местной администрации и полиции приостановить напор крестьян натолкнулись на активное противодействие с их стороны. Крестьяне проявили «полное неповиновение», заявляя, что «царь распорядился, чтобы все переселялись, где мало земли». Командированный к месту событий член могилевского губернского правления Гиро сообщал губернатору, что он не видит возможности приостановить самовольное переселение с помощью местных полицейских сил, так как движение

проявилось «на пространстве приблизительно 200 в.»⁹².

В этих условиях губернская администрация поставила задачу «вырвать его [начавшееся самовольное переселение] с корнем». В районы, из которых началось выселение крестьян, было отправлено несколько рот солдат. Туда же прибыл губернатор Дембовецкий, который лично руководил войсками и полицией, усмирявшими безоружных крестьян больше месяца⁹³.

В Минской губ. в 1890 г. снова развернулись события в Игуменском у., где началась коллективная запись крестьян на переселение у «подстрекателей». И хотя переселенческое движение этого года в уезде не было таким бурным, как в 1884 г., своей массовостью оно превзошло события середины 80-х гг. Прошения о переселении подавались группами крестьян из нескольких деревень одной волости или ряда волостей. Так, в апреле было возбуждено ходатайство о переселении в Томскую губ. 55 семьями из деревень Бродецкой, Верхмянской и Погостской волостей. Тогда же о переселении просили 90 семей из Беличанской, Бродецкой и Погостской волостей. В июле губернское по крестьянским делам присутствие отклонило ходатайства 43 семей из 7 деревень Погостской и 36 семей из 5 деревень Бродецкой и Погостской волостей. 10 августа губернским по крестьянским делам присутствием было принято такое же решение по отношению к 47 семьям из разных деревень Бродецкой, Должанской, Погостской и Юрьевичской волостей этого уезда⁹⁴.

25 мая 1890 г. министерство внутренних дел отказалось в переселении 175 семьям Беличанской, Бродецкой, Погостской и Якшицкой волостей Игуменского у.⁹⁵ Это значит, что желание о переселении одновременно было заявлено группой крестьян в 1000—1300 чел.

Подобное происходило в этом же году и в соседнем Борисовском у. В марте ходатайства о переселении возбудили 264 семьи из Велятичской, Дмитровической и Ухальской волостей. Ходатайства поступали и из Гливинской, Юрьевской и других волостей этого уезда⁹⁶.

Имели место факты группового ходатайства крестьян нескольких уездов. Например, летом 1890 г. «несколько сот душ» крестьян Игуменского и Борисовского уездов подали прошения о переселении в Сибирь⁹⁷.

Из Борисовского и Игуменского уездов переселенческое движение распространилось на другие уезды: Боб-

рыйский, Слуцкий и Новогрудский,— хотя здесь оно и не было таким активным. 23 апреля 1890 г. бобруйский уездный исправник сообщал минскому губернатору, что в деревнях Устье, Заречье, Пересопно, Несяты и Беднево возникло «стремление к переселению... в казачину»⁹⁸, т. е. в восточные губернии.

Весной и летом 1890 г. поступило несколько прошений о переселении от небольших групп крестьян Новогрудского у. Так, 19 марта было возбуждено ходатайство о переселении в Тобольскую губ. 3 семьями из д. Ерошичи Почековской вол. В марте, а затем повторно в июле о переселении в Тюкалинский у. Тобольской губ. ходатайствовали 20 семей из разных сел Еремичской вол.⁹⁹

В 1890 г. в Гродненской губ. наибольшее число прошений о переселениях поступало от крестьян Брэстского, Волковыского и Пружанского уездов. В октябре 2 семьи из д. Малаховичи Гродненского у. подали прошения о переселении в Тобольскую губ. 22 ноября о переселении ходатайствовали 2 семьи из д. Погоряны этого же уезда¹⁰⁰.

Развитие капитализма сопровождалось углублением социального расслоения деревни. Росло число малоземельных и безземельных крестьян, а также стремительно увеличивалось «излишнее» население в деревне. Следствием этого явилось усиление переселений и как правило — усиление репрессий со стороны самодержавия.

Расправившись с очередной вспышкой в переселенческом движении, имевшей место в Могилевской губ. в 1890 г., губернатор донес в Петербург о том, что «движение к переселению прекращено». При этом он самодовольно подчеркнул: «Смею думать, окончательно». Однако уже в отчете за 1891 г. Дембовецкий был вынужден признать: «Нельзя удостоверить, что стремления в этом отношении [стремление к переселению] уже уничтожены вконец». И далее: «Мысль [о переселении] тлеет среди крестьянского населения»¹⁰¹.

Действительно, с наступлением весны 1891 г. в губерниях снова были предприняты попытки самовольного переселения. Крестьяне выезжали из своих деревень «тайно, ночью, боясь, чтобы не заметили этого однообщественники их»¹⁰².

В 1891 г. в Минской губ., как и прежде, прошения поступали из Игуменского, Борисовского и Бобруйского

уездов¹⁰³. Выходцы этого года из Минской губ., как следует из данных «Материалов комиссии 16 ноября» (ч. 1, с. 20), составили почти 70% всех переселившихся из Белоруссии.

В Гродненской губ. 1891-й год также ознаменовался массовой подачей прошений о переселении¹⁰⁴.

Неурожайный 1891 г. был причиной активизации движения весной 1892 г. «Последнее время,— писал 23 марта этого года минский губернатор уездным исправникам,— вновь начали поступать ко мне прошения от крестьян некоторых уездов... о разрешении им переселения на казенные земли»¹⁰⁵. Многочисленные ходатайства поступали в этом году от крестьян других губерний, в особенности Гродненской. Последняя, по «Материалам комиссии 16 ноября» (ч. 1, с. 20), в 1892 г. дала 3/4 всех переселенцев из Белоруссии.

Власти, однако, по-прежнему продолжали отказывать крестьянам в их ходатайствах, считая, что «разрешение на переселение, хотя бы одному семейству, может послужить опасным прецедентом для всего населения», как писало 6 марта в своем постановлении минское губернское по крестьянским делам присутствие¹⁰⁶.

Циркуляр министерства внутренних дел от 6 марта 1892 г., приостанавливавший выдачу разрешений на переселение, осложнил борьбу крестьян за переселение. Убедившись в бесплодности попыток законного ухода за Урал, крестьяне стали реже возбуждать ходатайства о переселении. В архивных документах встречаются лишь единичные прошения, относящиеся к 1893 г. Из этого, однако, не следует, что переселения были прекращены. Это подтверждает пример Гродненской губ.

Переселенческое движение в Гродненской губ. не было таким боевым, как в Минской и Могилевской. Но постоянством, а также массовостью и количеством прошений оно не походило на переселения предшествующих лет. Это признавали даже официальные власти. Так, 18 июня 1893 г. гродненский губернатор писал: «Основываясь на высочайше утвержденном 13 июля 1889 г. мнении Государственного совета, многие крестьяне... постоянно—возбуждают ходатайства о переселении их на казенные земли Сибири»¹⁰⁷.

Это обстоятельство и заставило гродненскую администрацию склониться в пользу частичного удовлетворе-

ния крестьянских ходатайств. Например, 5 июня 1891 г. губернское по крестьянским делам присутствие постановило по прошению 8 семей из д. Новосады Волковыского у. о переселении на Кавказ: «В виду отсутствия в губернии отхожих промыслов и кустарной среди крестьян промышленности экономический быт просителей действительно заслуживает внимания и ходатайство их о разрешении переселения подлежало бы удовлетворению»¹⁰⁶.

22 апреля 1892 г. возбудили ходатайство о переселении 5 семей из д. Сасин и с. Быстры Брестского у. Мировой посредник писал в своем заключении по этому ходатайству: «Причины к переселению заключаются действительно в малоземелье и невозможности прокормиться со своими семьями». Поэтому ходатайство, по мнению посредника, должно подлежать удовлетворению. 7 мая 1892 г. губернское присутствие приняло решение о передаче этого ходатайства на усмотрение министерства внутренних дел¹⁰⁹.

Однако, как и прежде, министерство внутренних дел продолжало отказывать в ходатайствах. Более того, 17 мая 1893 г. министерство уведомило гродненского губернатора о том, что впредь крестьянские прошения о переселении вообще «не могут подлежать представлению в министерство»¹¹⁰.

После этого губернатору пришлось снова издать предупредительный циркуляр. Он потребовал от мировых посредников разъяснить крестьянам, что, как и прежде, из Гродненской губ. переселения не допускаются и что «самовольно переселившиеся лица... подлежат возвращению на места приписки распоряжениями административной власти»¹¹¹.

Но стоило местным властям активизировать борьбу с переселенческим движением, как крестьяне перенесли внимание на правительственные учреждения. 9 августа 1893 г. министр внутренних дел вновь напомнил гродненскому губернатору, что от крестьян Гродненской губ. в министерство продолжают поступать многочисленные ходатайства о переселении. Поэтому министр предлагал «обратить особое внимание» на переселенческое движение в губернии¹¹².

Несмотря, однако, на постоянные отказы министерства разрешить переселение наиболее нуждающимся крестьянам согласно представлениям губернского по кре-

стьянским делам присутствия, несмотря, наконец, на напоминания губернатору о нежелательности переселения крестьян «коренной русской национальности», губернатор в отчете за 1894 г. поставил вопрос о распространении на Гродненскую губ. закона 13 июля 1889 г. Свою позицию губернатор объяснял резким ухудшением экономического положения крестьян.

В 1894 г. заметились признаки резкого перелома в переселенческом движении из Белоруссии. Это с тревогой констатировали все губернаторы. Так, тот же гродненский губернатор писал, что в этом году к нему «поступило уже весьма значительное число ходатайств о переселении», добавив, что переселиться стремятся те крестьяне, которые на родине не нашли выхода из своего критического положения. На «особенное усиление» в 1894 г. стремления к переселению обращал внимание центральных властей и могилевский губернатор. В 1895 г. в Могилевской губ. имело место «сильное стремление к переселению в сибирские губернии», несмотря на меры администрации, призванные «остановить переселение»¹¹³.

Переломным стал этот год и для Виленской губ. Даже официальные источники констатировали стремительность развития здесь событий: еще в марте 1895 г. крестьяне только «поговаривали о переселении в Сибирь», а в конце ноября того же года потребовалось специальное донесение по линии жандармского управления о переселенческом движении, поскольку оно приняло широкий размах и в уездах имело место «массовое стремление переселиться». Особенно это относится к Дисненскому и Вилейскому уездам, в которых переселенческое движение имело свою историю, начавшись еще в конце 60-х гг.¹¹⁴

В Витебской губ. крестьянские заявления о переселении также поступали «сотнями» и «из многих уездов»¹¹⁵.

Что касается Гродненской губ., то здесь переселенческое движение приняло исключительный размах. Как писал 30 декабря 1895 г. генерал-губернатор края П. В. Оржевский, в этом году к нему поступило более тысячи прошений о переселении. Кроме того, 84 ходатайства гродненских крестьян генерал-губернатору переслано министерство внутренних дел. Да и гродненский губернатор писал в отчете за 1895 г.: «В отчетном году заявлено несколько тысяч ходатайств» о переселении¹¹⁶.

Итак, осуществлялось то, что в 1890 г. предвидел

один из исследователей сибирских переселений. Имея в виду Могилевскую губ., Ив. Овсянкин писал: «Искусственные препятствия могут задержать поток лишь на время», и чем сильнее противодействие переселениям, «тем сильнее хлынет волна» их в будущем¹¹⁷.

Губернаторы уже не могли справиться с этой лавиной, они, как и прежде, привели в действие весь аппарат насилия. Переселившиеся в 1895 г. из Игуменского у. в Тюкалинский у. Тобольской губ. рассказывали, что начальство «задерживало их всеми силами: уговаривало, угрожало и даже арестовывало»¹¹⁸.

Однако не помогали и «решительные меры». «Когда администрацией принимались какие-либо меры к сдерживанию этих порывов,— читаем в официальном документе того времени,— то тут же распространялись слухи, что местная администрация подкуплена помещиками и в угоду им не допускает переселения, и непременно являлись беспорядки, которые в некоторых местностях... выразились открытым возмущением»¹¹⁹.

В 1896 г. впервые за всю историю переселенческого движения из Белоруссии ушло 11,6 тыс. переселенцев, что в 14 раз больше, чем в 1895 г. И почти все они были «самовольцами». Следствием этого явилось изменение правительенного курса переселенческой политики в Северо-Западном крае.

Таким образом, 80-е — первая половина 90-х гг., пришедшие на смену затишью в переселенческом движении, были периодом оживления. Официальные количественные результаты переселенческого движения в эти годы незначительны. Однако они не выражали действительных масштабов переселенческого движения, объективных потребностей крестьянства западных губерний в переселении. Политика недопущения переселений из Северо-Западного края была причиной того, что официальный выход переселенцев здесь был в несколько раз меньше средних показателей по Европейской России в целом. В сравнении же с губерниями «активного переселения» эта разница возрастала в десятки раз. Иначе говоря, западные губернии в этот период представляли картину нетипичности в переселенческом движении.

Крестьянские переселения во второй половине 90-х гг.

Со второй половины 90-х гг. Россия вступала в стадию империализма. Росло аграрное перенаселение деревни, сказывались последствия затянувшегося аграрного кризиса, наступил новый этап в освободительном движении. Все это повлекло перелом в отношении правительства к крестьянским переселениям.

В середине 90-х гг. резко возросла численность переселенцев в западных губерниях: от десятков в 1895 г. до тысяч в 1896 г. Из Витебской губ. число переселенцев возросло в 43 раза, Минской — 28, Гродненской — 10, Могилевской — более чем в 5 раз, из Виленской — в 2,8 раза. В результате чего Витебская губ. сразу переместилась с 27-го места на 6-е. К тому же ушедшие в этом году 11,6 тыс. переселенцев не отражают полностью всей силы переселенческого движения. Около 10 тыс. прошений поступило в Гродненской губ., а в Могилевской еще больше — от 27 058 семей¹²⁰.

Таким образом, 1896-й год явился началом вступления западных губерний в «большое переселение». Правда, удельный вес их в общероссийском переселенческом потоке оставался прежним: 20, 21, 25 и даже 35-е места. Но уже в следующем, 1897-м, году удельный вес западных губерний резко изменился. Витебская губ. перешла с 6-го места на 5-е, Могилевская — с 21-го места на 10-е, заняв тем самым одно из ведущих мест; Минская губ. — на 19-е место вместо 25-го. Даже Виленская губ. поднялась на 9 ступенек выше.

В целом же в 1897 г. число переселенцев из западных губерний несколько сократилось. Но если из пятидесяти губерний переселенческий поток уменьшился по сравнению с предшествующим годом в 2,3 раза, а из Полтавской губ., всегда находившейся по числу мигрантов на первом месте, — даже в 5 раз, то из западных губерний лишь на 10%. Более того, из Виленской, Минской и Могилевской губерний даже увеличились переселения. В 1897 г. число переселенцев уменьшилось только из Витебской и Гродненской губерний. И это несмотря на то, что после появления циркуляра 20 января 1897 г. министерство внутренних дел специально командировало в Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии чи-

новника особых поручений Переселенческого управления Калачева с целью принятия мер по «сокращению размеров переселенческого движения и предупреждения самовольных переселений»¹²¹.

Властям казалось, что введенный циркуляром 20 января порядок обязательного предварительного ознакомления с условиями жизни за Уралом «подействует самым отрезвляющим образом на хозяев», рассеет иллюзии насчет переселений, как писал витебский губернатор. Могилевский губернатор с циркуляром связывал «упорядочение переселенческого дела». Впрочем, губернатор тут же вынужден был констатировать факт дальнейшего роста переселений из губернии. «Стремление к переселению, проявившееся в конце 1895 г., хотя и утратило тот бессознательный характер, который оно имело сначала, не только не слабеет, но усиливается»¹²².

Да и в Витебской губ. уже к 20 апреля 1897 г., когда этот циркуляр претворялся в жизнь особенно ревностно, о переселении ходатайствовали 7403 семьи (44 655 чел.). Всего же в этом году «искalo возможности переселиться» из губернии до 75 тыс. чел. Губернатор был вынужден признать такое стремление к переселению «чрезвычайно интенсивным». Он писал, что «ни строгости, ни увещевания, ни грустный пример возвратившихся из Сибири окончательно разоренными не могли остановить распространявшегося переселенческого движения»¹²³.

Характеризуя размах стремлений крестьянства Витебской губ. переселиться, «Витебские губернские ведомости» писали в начале 1897 г.: «Переселенческое движение в Сибирь задело и нашу Витебскую губ. «В Сибирь», «В Томск», «В Челябинск...» — так слышится повсюду... Где бы ни собрался народ, везде заводится речь о переселении в Сибирь. По корчмам, по ярмаркам, на городских сбирающих только и гомону о том, что ходили или пойдут к губернатору записываться на переселение»¹²⁴.

Поэтому не «разочарование Сибирью» отдельных ходоков, посетивших ее, подействовало «отрезвляющим образом» на крестьян в 1897 г. «Рассказам этих вернувшихся из Сибири крестьяне не верят,— писал 6 марта 1897 г. Калачев начальнику Переселенческого управления В. И. Гиппиусу.— Неудачи их они объясняют не плохим качеством сибирской земли, а собственной бес-

толковостью»¹²⁵. Крайние меры администрации, направленные «к урегулированию... разраставшегося движения и к совершенному прекращению самовольного переселения», задержали в Витебской и Гродненской губерниях значительную часть нуждавшегося крестьянства¹²⁶.

Но и число ушедших в этом году из Могилевской, Минской и Виленской губерний не полностью отражало переселенческое движение. Это подтверждается тем фактом, что, например, в Могилевской губ. в 1897 г. было рассмотрено 15 877 прошений о переселении, что более чем в 25 раз превышало число переселившихся¹²⁷. Даже официальные власти признавали, что «число семейств, получивших разрешение на переселение», было «ничтожно» в сравнении с количеством ходатайствовавших о нем¹²⁸.

В Виленской губ. только за две недели — с 15 по 30 ноября — желание переселиться было заявлено более чем 4500 семьями. И губернатор с тревогой констатировал: «Ныне начинают поступать ходатайства о переселении из таких уездов, в которых переселенческого движения до настоящего времени вовсе не замечалось»¹²⁹.

Несоответствие между числом желавших переселиться и теми, кому было на то дано разрешение, являлось причиной массовых самовольных переселений, несмотря на то, что циркуляром 20 января намечалась целая программа борьбы с «самовольцами», нарушавшими «интересы государственного порядка и все расчеты организации переселенческого дела»¹³⁰.

Подобные циркуляры, равно как и репрессивные меры местной администрации, не могли остановить крестьян, которых нужда гнала на окраины. В 1898 г. из западных губерний ушло более 30 тыс. крестьян, т. е. столько, сколько их переселилось за три предшествующих года, и в 3 раза больше, чем в 1897 г. Отмечая это, «Витебский листок» писал летом 1898 г.: «Переселенческое движение нынешнего года достигло небывалых размеров... На протяжении 4600 в. от Томска до Витебска на всех станциях можно видеть громадные поезда; битком набитые переселенцами»¹³¹.

Резкий рост переселенцев в 1898 г. в Могилевской и Витебской губерниях включил их в число первых пяти губерний Европейской России, давших в этом году более 37% всех мигрантов. Увеличилось число переселивших-

ся из Виленской губ. до размеров, каких она не знала ни до этого, ни после,— с 878 до 5656 чел., т. е. в 6,4 раза¹³².

В 1900 г. Могилевская губ. дала уже 13 120 переселенцев, т. е. столько, сколько из нее вышло с 1894 по 1898 г., и тем самым претендовала на первое место, которое до 1902 г. прочно удерживалось Полтавской губ. В целом в 1900 г. из западных губерний переселилось более 32 тыс. чел. Это значит, что, составляя 10% территории губерний, из которых выселялись крестьяне, западные губернии дали около 20% всех переселенцев этого года¹³³. Такого количества мигрантов не отмечено в предшествующие годы.

С численным ростом переселенцев из западных губерний рос и удельный вес их в общероссийском переселенческом потоке, хотя здесь кривая поднималась не столь круто¹³⁴:

Годы	% переселенцев из западных губерний	Годы	% переселенцев из западных губерний	Годы	% переселенцев из западных губерний
1895	0,8	1897	12,4	1899	10,2
1896	6,2	1898	20,9	1900	19,5

Роль западных губерний еще более выпукло представляет удельный вес переселенцев из Западного района* в массе переселенцев из нечерноземной полосы¹³⁵:

1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.
53,8	45,9	71,5	52,5	74,4

Как видно, западные губернии являлись основным поставщиком мигрантов в этот период, выпускавшим от 1/2 до 3/4 всей их численности.

Таким образом, за пять лет удельный вес западных губерний возрос в общероссийском переселенческом потоке в 24 раза (в сравнении с 1895 г.). Белоруссия вступила в новый период крестьянских переселений — в период «большого переселения», что подтверждается следующими данными¹³⁶:

* Гродненская, Виленская, Витебская, Минская, Могилевская, Ковенская.

Переселилось из пяти западных губерний

За 15 лет (1886—1900)	% 100,0	В том числе за					
		1886—1890 гг.		1891—1895 гг.		1896—1900 гг.	
104 655	100,0	2 123	2,0	1 947	1,8	100 585	96,2

Стремительный рост переселений с середины 90-х гг. обусловил резкое увеличение «обратничества». В отличие от предшествующих лет, когда также имели место случаи неудачных переселений, теперь обратное переселение, отмечал один из переселенческих чиновников, стало «явлением столь же обычным и постоянным, как и выселение на новые места»¹³⁷. Представление об этом дают следующие данные¹³⁸:

% «обратников» к переселенцам

Губернии	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1896—1900 гг.
Виленская	15,9	14,5	19,9	13,3	13,0	16,3
Витебская	13,9	17,4	11,2	6,2	7,5	10,9
Гродненская	10,3	24,8	4,3	6,1	14,7	9,6
Минская	16,5	9,8	18,7	17,0	17,4	17,0
Могилевская	4,5	20,5	17,9	10,3	17,6	16,3
Всего «обратников» по пяти западным губерниям	1398	1515	4704	1654	4528	13799
% к переселенцам по годам	12,6	18,4	15,5	9,9	14,4	14,1
% «обратников» по Европейской России к переселенцам по годам	12,9	29,4	10,6	9,9	23,0	15,6

Как свидетельствуют данные, в течение пятилетия число обратных переселенцев возросло в 3 раза. Каждые 10—18% переселенцев в конечном итоге попадали в разряд неудачников. В целом же за пятилетие из Сибири возвращался каждый седьмой переселенец. И тем не менее это было лишь преддверие массового возвращения переселенцев, которое отмечено в начале XX в.

Вторая половина 90-х гг. совпала с истощением запасов наиболее удобных участков, приготовленных для переселенцев в степных и лесостепных зонах заселяемого

района. Теперь землеотводные работы были перенесены в подтаежные, таежные и даже урманые местности. Ухудшение качества отводимых участков должно было компенсироваться целой системой мер по оказанию помощи переселенцам. В действительности же ссудная помошь сокращалась. Так, если в 1896 г. на денежные ссуды было ассигновано 1891 тыс. р., то в 1900 г.— лишь 1400 тыс. р., т. е. на 27% меньше¹³⁹. В результате этого в течение пятилетия (1896—1900) в среднем на каждого переселенца приходилось 8—9 р. ссуды, да и то лишь теоретически. «Размер ссуд... слишком мал для оказания существенной домообзаводственной помощи»¹⁴⁰.

Возвращение назад — страдание, горе, нищета, потому что всякая семья обратного переселенца должна была дойти до крайней степени отчаяния, чтобы снова двигнуться туда, откуда ее выгнали малоземелье и голод. «Мы с семьей испытали все ужасы голода и холода. Уже другой год находимся без крова и пищи»¹⁴¹, — писал один из таких возвращенцев в западные губернии в министерство внутренних дел.

На прежнем же месте жительства «многие... особенно не обеспеченные работниками, навсегда теряют способность сделаться самостоятельными хозяевами и живут случайными заработкаами или побираются милостыней», — констатировал один из переселенческих чиновников¹⁴². 18 апреля 1899 г. непременный член новогрудского уездного по крестьянским делам присутствия писал, что переселившаяся в 1897 г. в Сибирь группа крестьян из Негневичской вол. теперь бросила там свои участки и возвратилась на родину «в самом бедственном положении». Здесь же прежних наделов эти крестьяне не получили «за отказом при переселении от своих прав на надельную землю»¹⁴³.

Общества, из которых вышли переселенцы-неудачники, как правило, обратно их не принимали, несмотря на давление низовой администрации. Так, 19 марта 1901 г. сельский сход д. Россасны Горецкого у. единогласно постановил в связи с просьбой их бывшего однообщественника Е. Прудникова: «От принятия в среду нашу... Егора Прудникова... с семейством с правом на пользование землей, а также без этого права мы отказываемся». Были названы и причины такого сурового решения: в обществе и без того имеется много безземельных кре-

стяи. Принятие же Егора Прудникова без права на-
деления общинной землей не освобождало общество от
тех или иных обязательств по отношению к нему¹⁴⁴.

26 января 1901 г. гродненский губернатор сообщал в
Переселенческое управление о нежелании принять в об-
щество Опанаса Новосада, заявлении сельским сходом
д. Михайлы Порозовской вол. Волковыского у.¹⁴⁵

В 1897 г. возбудил ходатайство о возвращении на
прежнее место жительства в д. Дащевичи Дмитрович-
ской вол. Брестского у. Алексей Сколькович. Однако
сельский сход отказался принять Скольковича, посколь-
ку лицо, купившее у него земельный надел, не желало
возвратить его прежнему владельцу. Надворные по-
стройки Скольковичем были проданы на снос¹⁴⁶.

Общество крестьян д. Бершты Гродненского у. в
1898 г. отказалось принять обратно Семена Сергейчика,
поскольку земля, которую при переселении он уступил
своим родственникам, последними была сдана в аренду.
Не приняли в свою среду переселенца-«обратника» Пав-
ла Апунича и крестьяне д. Грабовцы Гродненского у.
из-за того, что крестьянин, купивший у Апунича уча-
сток земли, отказался возвратить его¹⁴⁷.

Крестьянин Мядельской вол. Вилейского у. Иван
Широкий, переселившийся в 1898 г. в Енисейскую губ.,
сразу же возбудил ходатайство о возвращении на преж-
нее место жительства. Однако сельский сход отказался
принять его по причине того, что Широкий не мог рас-
считывать на прежний земельный участок. Но тысячи
обездоленных не были нужны и в Сибири. Поэтому
енисейская губернская администрация выдала Ивану
Широкому свидетельство для проезда на родину по уде-
шевленному тарифу, «чтобы он сам озабочился припис-
кой с семейством к обществу»¹⁴⁸.

Правительство стало искать пути решения проблемы
«обратничества», ибо неустроенные в Сибири переселен-
цы вырастали в грозную силу. С этой целью оно пере-
смотрело порядок перечисления «обратников» на роди-
ну, рассчитывая на то, что на прежнем месте жительст-
ва какая-то их часть сможет восстановить свое хозяйст-
во. В то же время власти попытались передать эту мас-
су разоренного крестьянства на попечение родственни-
ков, оставшихся в Европейской России, а также обществ
и низовой администрации районов выхода переселенцев.

Закон 26 августа 1894 г., на основе которого производилось перечисление «обратников», требовал соблюдения ст. 130 Общих Положений 19 февраля 1861 г. По новому Положению, утвержденному царем 29 июня 1899 г., пункт 2-й этой статьи, разрешавший перечисление лишь при условии погашения недоимок и уплаты податей за весь текущий год, теперь снимался, поскольку для переселенцев его исполнение было непосильным.

Новое положение вменяло в обязанность непременным членам уездных присутствий и волостным старшинам принимать все меры к склонению сельских сходов к положительным решениям по ходатайствам «обратников». Если же общества крестьян все же не соглашались принимать «обратников», то, по положению 29 июня, они подлежали перечислению в волость, которой подчинялось село, выпустившее переселенца¹⁴⁹.

Но такая мера уже сама по себе означала превращение этих «обратников» в бездомных батраков. Так, упоминавшийся Алексей Скользкович, оставив семью в Сибири, возвратился вопреки решению схода в бывшее свое село. Но, «не получив приюта в д. Дашевичи, выбыл на заработки», т. е. разорился окончательно. Или три брата Пильцы с семьями, которых также отказалось принять общество д. Плавы Гродненского у., были приписаны к Жидомлянской вол., где и перебивались «исключительно поденными заработками, которые возможны... только в летнюю страдную пору»¹⁵⁰.

Иногда, под давлением властей, общества соглашались принимать возвращенцев, но за редким исключением, и это мало облегчало их участь. «Обратник» Фома Борель, принятый обществом с. Доброволье Волковысского у. «на условиях чисто родственных отношений», хозяйства и личного имущества, какое он имел до переселения, «конечно, иметь не будет»¹⁵¹.

И только для какой-то части возвращавшихся переселенцев переселенческие мытарства завершались более благополучно. Это — или те, кто, переселяясь, предусмотрительно сохранил на прежнем месте жительства часть своего хозяйства или же кто привез из Сибири какую-то сумму денег. И в том и в другом случае такие «обратники» представляли небольшую прослойку состоятельных крестьян. Так, 8 августа 1899 г. в д. Годуны Соболянской вол. Гродненского у. из Томской губ. воз-

вратился крестьянин Адам Комаровский. Вернув 40 р., полученных при переселении за землю, он «беспрепятственно вступил во владение своим прежним хозяйством». «Обратники» Иван Петрулевич, Осип Буцько и Людвиг Пацкевич (Порозовская и Росская волости Волковыского у.) также были приняты в прежние общества на условиях возвращения им прежних наделов земли¹⁵².

В целом же «для большинства... обратное переселение... знаменует почти полную хозяйственную смерть и обнищание, если не навсегда, то на долгие годы», — писал А. Чарушин, непосредственно связанный с переселенческой эпопеей¹⁵³.

В. И. Ленин подчеркивал, что «в Россию возвращается беднота, самая несчастная, все потерявшая и озлобившаяся»¹⁵⁴. Обратные переселенцы усиливали социальное расслоение деревни, обострение социально-классовых противоречий.

Социально-экономическая характеристика переселенцев

Исследование степени участия различных социальных слоев крестьянства в переселениях, как и любого другого явления, есть «синтез многих определений». «Население,— писал К. Маркс,— это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся...»¹⁵⁵

В. И. Ленин дал следующую характеристику социальной структуре пореформенной российской деревни, подчеркивая, что «признавая глубокую экономическую разность в современном крестьянстве, мы не можем уже ограничиться одним разделением крестьян на несколько слоев по степени имущественного обеспечения. <...> Если у одной части крестьян целью земледелия является коммерческая выгода и результатом — крупный денежный доход, а у другой — земледелие не покрывает даже необходимых потребностей семьи, если высшие группы крестьян основывают свое улучшенное хозяйство на разорении низших, если зажиточное крестьянство в значительной степени пользуется наемным трудом, а бедное вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы,—

то это уже, несомненно, качественные различия...»¹⁵⁶.

Имущественное положение и социальная принадлежность переселенцев из западных губерний довольно определено выступают в крестьянских прошениях. В них говорится не только о размерах и качестве земельных наделов, но характеризуется социально-экономическая среда, в которой существовало крестьянское хозяйство; затрагиваются причины, побуждавшие крестьян уходить на свободные земли.

«Не имея средств для проживания в здешнем крае с семействами своими ввиду того, что на наделенных нам участках земли в настоящее время помещается по нескольку семейств, так что каждое семейство должно снискивать себе пропитание с одной десятины... [просим разрешения] на переселение на Амур», — писали 18 августа 1884 г. пять семей из д. Малой Горы Погостской вол. Игуменского у.

«Дети наши босы и голы, работ нет, урожая нет и земли совсем мало и та никуда не пригодна...», — писали в марте 1897 г. одиннадцать крестьянских семей из Быховского у., прося разрешения на переселение.

«Мы, просители, с давних времен страдаем малоземельем, так что по числу душ наших семейств не приходится даже по полдесятине на каждого человека... Мы со своими семействами не имеем никаких средств к жизни, уже не говоря для сплаты казенных повинностей», — писали в январе 1898 г. несколько крестьянских семей из Глубокской вол. Дисненского у., прося о переселении.

«Крайняя нужда заставляет нас искать нового места, где можно было бы применить свою рабочую силу и жить хотя бы безбедно. В нашем соображении новые места не представляют обетованной земли. Мы хорошо знаем, что нам немало трудов придется положить, пока дождемся светлых дней. Все это мы согласны перенести, лишь бы пристроить себя и своих малолетних детей», — писали 17 октября 1901 г. несколько семей из д. Горки Чериковского у.

«Я, проситель, имея десять душ семейства... доходами из полторы десятины земли ни под каким видом [даже] самой скучной пищей прокормиться не могу», — писал 24 февраля 1898 г. в своем прошении о переселении крестьянин д. Залесяны Гродненского у. Дмитрий Пик¹⁵⁷.

Именно беднейшее крестьянство «спит и видит, как бы попасть в благодатную „Челябу“, где «хлебушка в волю», — заключали «Витебские губернские ведомости». Газета подчеркивала, что «радужные мечты о возможности есть круглый год хлеб вволю побуждают его бросать свое хозяйство и идти искать новых просторных урожайных земель, не размыщляя, под силу ли ему будет осесть на новом месте»¹⁵⁸.

Даже официальные источники вынуждены были признать тяжелое положение крестьян, ходатайствовавших о переселении.

Причиной непрекращающегося переселенческого движения «было не подстрекательство злонамеренных лиц, а действительно тяжелое экономическое положение большинства желающих переселиться», — писал 15 февраля 1885 г. бобруйский уездный исправник. К такому выводу он пришел после «тщательной проверки экономического положения просителей».

«Хозяйство лиц, возбудивших ходатайство о желании переселиться в Томскую губ., находится в весьма незавидном положении, денежных же средств положительно не имеют... Большинство из них на имеющиеся средства едва ли могут добраться до места назначения», — заключал непременный член игуменского уездного по крестьянским делам присутствия по прошению о переселении одиннадцати семей из д. Жирновки Погостской вол. (январь, 1890 г.).

«К переселению стремятся главным образом бедняки, имеющие большие семьи и слишком мало надельной земли... располагающие совершенно незначительными материальными средствами, далеко не соответствующими условиям переселения», — подчеркивал непременный член городокского уездного по крестьянским делам присутствия (1898).

«Более всего проникнуты стремлением к переселению безземельные крестьяне, батраки и живущие на 1/3 части или менее надельного участка», — писал в 1898 г. податной инспектор Гродненского у.

«Переселялись исключительно малоземельные... За исключением немногих семей, более или менее состоятельных, все беднейшие семьи», — категорически утверждал податной инспектор Велижского у.

«Больше всего поступают ходатайства о разрешении переселения со стороны крестьян безземельных и малоземельных... До настоящего времени не было ни одного случая, чтобы небольшая семья, имеющая целый надельный участок, просила о разрешении переселиться», — писал в 1898 г. слонимский уездный предводитель дворянства.

«Первыми заявителями желания переселиться явились крестьяне малоземельные и безземельные, а главное бедняки. И только теперь, когда уже другой год как применяется на практике циркуляр 20 января 1897 г. № 1, последние немного сократили подачи своих прошений, хотя некоторые продолжают подавать прошения по несколько раз в год», — писал непременный член лепельского уездного по крестьянским делам присутствия¹⁵⁹.

Могилевский губернатор писал в феврале 1897 г. министру внутренних дел: «Главное ядро лиц, стремящихся к переселению... составляет сельский малоземельный или даже безземельный пролетариат... Из общего числа семейств (27 053.—П. В.), заявивших ходатайство о переселении, ходатайство это большей частью заявлено от семейств, неудовлетворяющих требуемым условиям, и лишь 1/5 ходатайств может подлежать удовлетворению»¹⁶⁰.

Гродненский губернатор подчеркивал, что, «по достоверным сведениям о просителях... 90% следует отнести к разряду самых бедных, которые при продаже всего имущества могут выручить от 5 до 30 р.». Калачёв сообщал в Переселенческое управление: «Переселенческое движение из Витебской губ. вызывается ничтожными крестьянскими наделами; душевые пая так малы, что по полоске нельзя протащить борону, не задев соседних... полосок. Дробление наделов доведено до последнего минимума. Собственного хлеба достает крестьянам только до января»¹⁶¹.

В издании канцелярии комитета министров — «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом» — сопоставление среднего земельного надела на двор у переселенцев 1895—1896 гг. с таковым же у крестьян 22 земледельческих губерний Европейской России (соответственно 2,8—3,0 и 11,0 дес.) и других экономических показателей привело к заключению: «При сравнении этих цифр выясняется с полной очевидностью, что значительное число сибирских переселенцев принадлежало к малоземельным группам сельского населения»¹⁶².

Данные официальной статистики представляют следующую картину земельного обеспечения крестьян, ходатайствовавших о переселении (в процентах)¹⁶³.

Группы дворов	Переселенцы 80-х гг.		Переселенцы 90-х гг.	
	138 дворов Минской губ.		57 дворов Гродненской губ.	
Безземельные	13,8		28,0	
Имевшие надельной земли	22,5	49,3	15,8	61,3
1—3 дес.	13,0		17,5	
4—5 »	34,7		15,8	
6—10 »	8,0		21,0	
11—15 »	4,0		1,9	
16—20 »				
свыше 20 дес.	4,0		—	

Продолжение таблицы

Группы дворов	Переселенцы 90-х гг.	
	108 дворов Минской губ.	387 дворов Могилевской губ.
Безземельные	16,7	10,6
Имевшие надельной земли	24,0	7,0
1—3 дес.	60,7	41,4
4—5 »	20,0	23,8
6—10 »	28,7	26,0
11—15 »	7,4	23,4
16—20 »	0,8	6,2
свыше 20 дес.	2,4	3,0

Из данных видно, что ходатайствовавшими о переселении являлись малоимущие крестьяне, имевшие 1—5 дес. на двор. Они составляли от 30,8 до 44,0% всех ходатайствовавших, а вместе с безземельными на их долю приходилось от 41,4 до 61,3%. О таких крестьянах В. И.

Ленин писал: «...это... нищие, наделенные ничтожными клочками земли, с которых нельзя жить, на которых можно только умирать голодной смертью»¹⁶⁴.

Средние дворы, имевшие по 10—15 дес., составляли от 1/14 до 1/5 просивших о переселении.

Важно отметить, что это соотношение одинаково относится и к 90-м и к 80-м гг.

Характеристика только тех, кто ходатайствовал о переселении, может породить сомнение относительно верности нашего общего вывода о социальной принадлежности переселенцев. Всегда часть ходатайствовавших не получала разрешения на переселение. Это нередко были наиболее бедные крестьяне. Поэтому обратимся к данным об имущественном положении переселившихся.

Вот что писалось о белорусах, которые ушли за Урал.

«Бедность и безвыходность положения целых переселенческих партий иногда доходит до того, что продолжать дальше путь они не имеют сил и останавливаются в первом попавшемся населенном пункте, откуда разбредаются в разные стороны, прося милостыню, закабаляясь в батраки к местным кулакам и прочее... Нам вспоминаются две семьи люцинских белорусов. Состав семей был таков: в одной двое родителей и трое детей, а в другой — двое родителей и пять детей не старше 14 лет. Средства к переселению одной семьи были следующие: от продажи 1/2 дес. выручено 65 р., избы — 3 р., скоровы — 16 р.; всего, следовательно, распродано имущества на 84 р. Приблизительно столь же невелики средства и другой семьи, но так как она сама состояла из большего числа членов, то, добравшись до Тюмени, все деньги она израсходовала, так что лошадь купить более уже не на что... Ни у той, ни у другой семьи при выезде из Тюмени не было ни гроша денег; пробираются по Сибири «Христовым именем»... Теперь впереди ничего определенного — одни надежды на милостыню сибиряков-крестьян»¹⁶⁵.

Были, конечно, случаи, когда отдельные переселенческие семьи на новых местах устраивались более или менее удачно. Об одном из них писал «Сельский вестник» (1892, 4 октября). В 1887 г. 19 семей переселенцев из Витебской губ. поселились в 25 км от Омска. «Прекрасные места для сенокоса, готовый сбыт и запасные средства сразу поставили переселенцев в хорошие условия», — пишет автор статьи. Через три года эти семьи имели 103 дес. земли, 55 лошадей, 79 коров и телят, т. е. были вполне устроены, если не считать, что две семьи продолжали жить в землянках, не имея своих домов¹⁶⁶.

Итак, две семьи не устроились. Это произошло потому, что они пришли в Сибирь без «запасных средств», а это явилось верным условием их бедствований и на «новых местах». Поскольку абсолютное большинство переселенцев уходило с родных мест по причине неминуемого разорения, то типичной картиной была нужда, продолжавшаяся в далекой Сибири. Она описана на примере 80 семей витебских переселенцев. Уходя с родины, каждая семья имела не более 50 р. Этих средств не хватало даже на проезд. «Доехали кто до Перми, кто до Тюмени, а дальше ехали на деньги от благотворителей, питаясь „Христовым именем“»¹⁶⁷.

Командированный в 1896 г. на омский переселенческий пункт чиновник министерства внутренних дел Соловьев писал: «Переселенцы из Витебской, Виленской и Смоленской губерний отличаются крайней бедностью»¹⁶⁸.

Подготовительная комиссия, разрабатывавшая переселенческий закон 6 июня 1904 г., констатировала дальнейшее «понижение имущественного состояния переселенцев». По мнению комиссии, это было результатом не только «общего оскудения и крестьянского упадка в малоземельных губерниях», но и того, что «все больший процент переселенческой массы составляют выходцы из белорусских губерний, по большей части приходящие в Сибирь с совершенно ничтожными средствами или даже без всяких средств (выделено нами.—П. В.)»¹⁶⁹.

О земельном обеспечении переселенцев на родине свидетельствует табл. на с. 106—107. В таблице учтены не все переселенцы Витебской, Могилевской и Минской губерний, прошедшие через челябинский переселенческий пункт, а только опрошенные об имущественном состоянии. Но опрошенные составляли не менее, а в отдельные годы более половины всех переселенцев этих губерний, проследовавших через Челябинск.

Из таблицы видно, что во все годы большинство переселенцев представлены преимущественно крестьянством с наделом до 5 дес. на двор. Особенно значительно число последних среди переселенцев 1896 г. После издания циркуляра 20 января 1897 г., взявшего курс на более состоятельного переселенца, удельный вес низших слоев бедноты заметно снизился, но нигде не опускался ниже 50,0% (кроме 1900 г. для Минской губ.).

В 1906 г. он снова резко возрос, что было вызвано изменением правительственного курса в отношении переселений. Не уменьшилась и доля безземельных переселенцев. (Высокий удельный вес безземельных из Минской и Могилевской губерний в 1896 г. был результатом ограниченного числа опрошенных переселенцев из этих губерний.) Напротив, удельный вес безземельных даже возрос, ибо данные таблицы включают часть переселенцев-«самовольцев», как правило, бывших наиболее обездоленными.

Значительно меньшая доля безземельных среди могилевских переселенцев объясняется тем, что в Могилевской губ. безземельных крестьян было меньше, чем в в других западных губерниях.

Приведем данные статистики, охватывающие десятилетний период (1895—1904). Они характеризуют экономическое положение переселенцев в сравнении с таким же всего крестьянского населения губерний выхода¹⁷⁰.

Губерния	Приходилось земли на 1 двор, дес.		% безземельных		Приходилось на 1 двор			
					крупного рогатого скота			
	в губернии в целом	среди переселен- цев	в губерни- и в целом	среди переселен- цев	в губерни- и в целом	среди переселен- цев	в губерни- и в целом	среди переселен- цев
Могилевская	8,2	6,1	6,7	9,5	2,8	2,2	2,1	2,1
Витебская	11,5	5,2	9,7	15,3	3,2	1,8	1,5	1,1
Минская	9,1	6,1	8,3	10,5	4,1	2,6	1,4	1,5
Всего	9,6	5,8	8,2	11,8	3,4	2,2	1,7	1,6

Таким образом, переселенцы были заметно беднее крестьянства в целом. Это особенно наглядно видно на примере обеспечения их землей. Наделы переселенцев составляли лишь 3/5 от таковых остальных крестьянских дворов. Удельный вес безземельных среди переселенцев был выше почти на 1/3. Хуже были обеспечены переселенцы скотом, особенно крупным рогатым.

Итак, из всего сказанного вытекает следующее. Переселенческая масса преимущественно была представле-

Земельное обеспечение переселенцев на родине,

Группы дворов	1896 г.		1898 г.		1899 г.	
	число дворов	%	число дворов	%	число дворов	%
В и т е б с к а я						
Безземельные	322	27,7	158	16,5	89	15,5
Имеющие земли						
1—3 дес.	352	30,3	143	14,9	86	15,0
4—5 »	22	19,5	309	32,3	166	28,9
6—10 »	198	17,0	220	23,0	184	32,1
11—15 »			80	8,4	36	6,3
16—20 »	64	5,5	47	4,9	11	1,9
свыше 20 »					2	0,3
Итого	1163	100,0	957	100,0	574	100,0
М о г и л е в с к а я						
Безземельные	62	29,4	60	6,6	58	10,4
Имеющие земли						
1—3 дес.	40	19,0	59	6,5	52	33,8
4—5 »	57	27,0	310	33,9	188	37,9
6—10 »	36	17,0	375	41,1	211	6,3
11—15 »			86	9,5	35	1,3
16—20 »	16	7,6	22	2,4	7	0,9
свыше 20 »					5	
Итого	211	100,0	912	100,0	556	100,0
М и н с к а я						
Безземельные	59	40,4	77	13,6	29	10,5
Имеющие земли						
1—3 дес.	37	25,4	99	17,5	55	19,9
4—5 »	19	13,0	142	25,2	54	19,5
6—10 »	25	17,0	177	31,3	106	38,3
11—15 »			48	8,5	28	10,1
16—20 »	6	4,2	22	3,9	4	1,3
свыше 20 »					1	0,4
Итого	146	100,0	565	100,0	277	100,0

* Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, ч. 1. М., 1899; переселение. Цифровой материал для изучения крестьянских переселений, вып. 1. крестьянских переселений, вып. 1. Челябинск, 1905; Сибирское переселение.

Таблица

по данным челябинского переселенческого пункта*

1900 г.		1901 г.		1902 г.		1903 г.		1906 г.	
число дворов	%								

г у б.

95	10,3	103	13,7	79	9,8	198	19,3	230	23,6
153	16,6	153	20,4	116	14,6	146	14,3	172	17,6
272	29,1	214	28,6	234	29,5	259	25,3	240	24,5
299	31,9	211	28,3	250	31,3	300	29,1	255	26,1
57	6,9	40	5,3	74	9,3	79	7,7	60	6,2
23	2,5	17	2,3	27	3,4	35	3,4	15	1,5
7	0,8	11	1,4	15	2,1	10	0,9	5	0,5
906	98,1	749	100,0	795	100,0	1027	100,0	977	100,0

г у б.

86	6,2	51	7,6	60	6,3	90	8,8	164	19,0
139	10,0	91	13,5	90	9,5	83	8,2	132	15,3
510	36,6	208	30,9	392	41,1	387	38,0	294	34,2
508	36,5	261	38,8	327	34,3	386	37,9	226	26,2
119	8,5	49	7,3	59	6,2	54	5,3	31	3,6
25	1,8	10	1,5	20	2,1	11	1,1	12	1,4
6	0,4	3	0,4	5	0,5	7	0,7	3	0,3
1393	100,0	673	100,0	953	100,0	1018	100,0	862	100,0

г у б.

37	6,8	31	11,4	43	12,9	62	15,9	84	27,5
99	18,2	66	24,4	76	22,8	83	21,4	94	30,6
108	19,8	67	24,7	79	23,7	69	17,8	54	17,6
204	37,4	79	29,2	83	24,9	122	31,4	68	22,1
68	12,5	20	7,4	41	12,3	29	7,5	4	1,3
25	4,6	7	2,5	5	1,6	17	4,5	2	0,6
4	0,7	1	0,4	6	1,8	6	1,5	1	0,3
545	100,0	271	100,0	333	100,0	388	100,0	307	100,0

Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь. М., 1904; Сибирское Челябинск, 1902; Сибирское переселение. Цифровой материал для изучения Итоги учета переселенческого движения в Челябинске. Челябинск, 1906.

на малоимущими слоями и дворами «среднего достатка». Однако это не освобождает от необходимости дальнейшего исследования социально-экономической характеристики переселенцев. К тому же мы охарактеризовали ходатайствовавших о переселении и уже переселившихся преимущественно по их обеспечению надельной землей.

Капитализм выталкивал не только разорявшуюся бедноту, стремившуюся во что бы то ни стало удержаться на земле, но и часть крестьян, которые ставили иные, в том числе и предпринимательские, цели. «...Поводом к переселению бывает не одно малоземелье, но и предпримчивость крестьян», — говорится в «Своде статистических материалов...»¹⁷¹ Непременный член лепельского уездного по крестьянским делам присутствия писал в мае 1898 г., что в числе отправившихся в Сибирь «есть люди, которые и при значительной семье имеют достаточноное количество земли и хорошие средства»¹⁷².

Если беднота стремилась переселиться, чтобы есть хлеб не два-три месяца в году, а до нового урожая, то середняк ставил иные цели. «Мы здесь проживем, а наши дети не прокормятся с надельной земли и принуждены будут умирать с голоду», — обычно говорили представители этой категории крестьян¹⁷³. Философия состоятельного переселенца была явно предпринимательской. «Мы хотя и земельные хозяева и живем теперь безбедно, но ввиду многочисленных наших семейств наши теперешние участки в будущем... [будут] крайне недостаточны, чтобы жить самостоятельными хозяевами, что и побуждает нас, не упуская своего времени... избрать в Сибири... земельные участки и туда... переселиться с семейством на жительство», — писали 16 июня 1903 г. несколько крестьян из Витебской губ.¹⁷⁴ «Люди, имеющие средства, идут с целью увеличить свое хозяйство, чего они в прежнем месте не могли сделать по причине отсутствия многих удобств и чрезвычайно высокой цены на землю», — писалось в «Правительственном вестнике» в 1886 г.¹⁷⁵

В начале 80-х гг. официальные источники подчеркивали, что абсолютное большинство переселенцев составляли малоимущие слои деревни. Так, подводя итог пятилетней деятельности переселенческой конторы в

Батраках (1881—1885), «Правительственный вестник» писал: «В числе проследовавших встречаются отдельные лица, обладавшие довольно значительными средствами, [но] случаи такого рода встречаются не часто. Напротив, большинство совершивших переселение составляли недостаточные крестьяне... Но встречались такие, которые, хотя большими средствами не обладали, но жили на родине без особой нужды»¹⁷⁶. Об этом же писал в 1886 г. в своих путевых заметках К. М. Станюкович (псевдоним: Л. Нельмин): «Громадное большинство является на место ни с чем или с самым ничтожным запасом. Таким переселенцам, прежде чем сесть на хозяйство, приходится нередко батрачить у местных крестьян». «Случается», однако, приезжают и такие, что «имеют даже тысячу рублей про запас, но таких «тысячников» капля в море»¹⁷⁷.

Отдельные «тысячники» имелись и среди переселенцев из Белоруссии. Так, крестьянин из д. Прусишово Минского у., просивший в 1897 г. о переселении, имел 1465 р. и 10 коров. Крестьяне В. Церковный из с. Городище и Л. Марковский из д. Укружье Быховского у., а также А. Юркевич из с. Топорище Сенненского у., получившие разрешение на переселение (в 1898 г.), имели по 30 дес. земли. Столько же земли имел крестьянин Новогрудского у. Ф. Орсич. У крестьянина того же уезда В. Монича, ходатайствовавшего в 1899 г. о переселении, было 56 дес. земли. Крестьянин из д. Бершты Гродненского у. С. Минкевич, просивший в 1898 г. о переселении, имел 45 дес. земли. Некоторые крестьяне, добивавшиеся разрешения на переселение в Сибирь, имели еще больше земли. Например, крестьянин из с. Короткое Быховского у. А. Апостолов, получивший в июне 1898 г. разрешение на переселение, имел 89 дес.¹⁷⁸

Начавшееся с 1896 г. массовое переселение крестьян повлекло усиление «обратничества». И то и другое было чревато серьезными последствиями. Поэтому в начале 1897 г. правительство поставило задачу устраниć «громадную опасность» путем разрешения переселений лишь среднесостоятельным крестьянам, которые могли бы устроиться в Сибири «без особой поддержки со стороны правительства или частной благотворительности». С этой целью губернским властям предписывалось «не допускать выхода таких семейств, которые по бедности

или по незначительному числу рабочих рук... не в силах... устроиться в Сибири». В то же время губернские власти должны были следить за тем, «чтобы не выселялись такие семейства, кои по своему имущественному положению имеют возможность улучшить свое благосостояние на родине... и вообще нужны для благосостояния края». Причем непременные члены уездных присутствий могли «широко пользоваться правом отказа в переселении всем тем лицам, которые... в переселении не нуждаются»¹⁷⁹.

Переселение обеспеченных крестьян ограничивалось и ранее. Так, в постановлении минского губернского по крестьянским делам присутствия от 25 мая 1890 г. было записано по прошению крестьян Новогрудского у.: «Все они наделены землей, хотя и не в значительном количестве. Но тем не менее экономическое положение их нельзя признать настолько бедственным, чтобы представлялась настоятельная необходимость в принятии срочных мер к устраниению неблагоприятных хозяйственных условий путем переселения их на казенные земли». В августе 1898 г. гродненское губернское по крестьянским делам присутствие не разрешило переселение крестьянину из д. Непорожневцы Гродненского у. О. Белецкому, имевшему 16 дес. земли¹⁸⁰.

Несомненно, что ограничение переселений состоятельных крестьян, которые в общем не особенно нуждались в переходе на свободные земли Сибири и потому не очень настойчиво стремились к этому, удерживало их от переселений. Напротив, политика сдерживания переселений малоимущих даже содействовала стремлению наиболее нуждавшейся части деревни вырваться на просторы Сибири. «В Сибири хуже, чем на родине, не будет», — говорили такие крестьяне, ходатайствуя о переселении¹⁸¹.

Желая во что бы то ни стало получить разрешение на переселение, крестьяне шли на всяческие ухищрения: преувеличивали в прошениях свои средства, выдавали несколько семей за одну, чтобы иметь требуемое количество рабочих рук, складывали наличные средства нескольких семей и затем по очереди предъявляли их начальству, занимали под проценты на один день требуемые суммы у ростовщиков и пр. Так, крестьянин из д. Замостье Оршанского у. П. Тарасов писал в проше-

нии о переселении (в 1899 г.): «Имею наличных денег, кроме хозяйства, 400 р.», — тогда как в действительности денег у него не было, а его хозяйство было оценено в 40 р.¹⁸²

Мировой посредник первого участка Волковыского у. писал 9 мая 1898 г.: «При собрании о них [о заявивших желание переселиться] сведений указывают на не-принадлежащие им, например, скот, лошадей». И далее: «Не доверяя голословному заявлению, что означенная сумма находится в распоряжении отправляющегося ходока, я требовал предъявления мне необходимых на путевые расходы 35 р. В результате одни и те же кредитные билеты передавались из рук в руки и ими пользовались десятки просителей, а владелец тут же зарабатывал значительные проценты»¹⁸³.

Таким же путем крестьяне пытались преодолеть требование наличия определенного количества рабочих рук в семье. Мировой посредник второго участка Волковыского у. писал 4 апреля 1898 г.: «Предполагая отказ в просьбе о переселении в Сибирь по недостатку рабочих рук, желающие переселиться заружаются согласием односемьян переселиться вместе. При получении же проходных свидетельств, давшие согласие на переселение, отказываются от него и тем обнаруживают, что согласие это было фиктивным»¹⁸⁴.

Такие случаи были не единичными, а массовым проявлением отчаявшихся крестьян избавиться от нужды. Могилевский губернатор писал 14 июля 1896 г.: «Крестьяне, желающие переселиться, при обследовании их имущественного положения умышленно преувеличивают свои средства, лишь бы получить разрешение на переселение». Так, один крестьянин из д. Баханы Климовичского у. писал в своем прошении, что его имущество якобы оценено в 299 р. и, кроме того, «имею наличных денег 100 р., которые вложены в почтово-телеграфную сберегательную кассу в Нью-Йорке (?) в Екатеринославской губ. Бахмутского у.»¹⁸⁵

Таким образом, малоимущим слоям принадлежала преобладающая доля в крестьянских переселениях. В официальных свидетельствах также подчеркивается наиболее слабая обеспеченность переселенцев западных губерний. В то же время в переселениях участвовали и обеспеченные крестьяне.

ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ДЛЯ РАЙОНОВ ВЫХОДА МИГРАНТОВ

Значение миграций определяется не только статистическими данными — численностью переселившихся. Являясь компонентом процесса глубоких социально-экономических сдвигов пореформенного периода, миграции несли сложные и разнообразные функции. Но «чем сложнее и многообразнее связи какого-либо процесса с различными сторонами общественной жизни, чем теснее он переплетается с другими процессами, тем более универсальный характер он имеет, тем выше его социальная значимость»¹.

Значение аграрных миграций в местах выселения крестьян отличалось от того значения, которое они имели в районах водворения. Мы говорим о значении миграций применительно к полюсу выселения, поскольку настоящая работа посвящена не колонизационным процессам, а исключительно переселенческому движению.

При ответе на этот вопрос исходным методологическим положением служит ленинское указание о противоречивой роли крестьянских переселений. С одной стороны, крестьянские переселения ослабляли противоречие «между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни», замедляли утверждение «земледельческого капитализма в России». С другой, переселения содействовали капиталистическому расслоению деревни, росту классовой борьбы. Правда, замедление в развитии капитализма, подчеркивал В. И. Ленин, «в старой, издавна заселенной территории» было временным, равносильным «подготовке еще большего и более широкого роста его в ближайшем будущем»².

Переселения представлялись наиболее действенным средством решения аграрного вопроса: за счет необъятных просторов Сибири оказалась бы наделенной казенной землей нуждавшаяся часть крестьян, а землепользование остающихся расширилось бы за счет земель переселявшихся. Это, в свою очередь, должно было создать условия для исправной уплаты крестьянами всевозможных податей. Таким образом, полагалось, что пере-

селения одинаково выгодны и крестьянам, и государству. В духе этого тезиса были выдержаны многие буржуазно-либеральные исследования. Так, И. Введенский подчеркивал, что «если бы... процесс выселения на свободные казенные земли шел в России без всяких внешних препятствий с 1861 г., то, быть может, теперь далеко не в той степени ощущалось бы во внутренних губерниях малоземелье»³. Еще определенное писал Н. Турчанинов: «Переселение... безусловно играет крупную роль в деле переустройства земельных отношений русского крестьянства»⁴. И. Иванюков считал, что «без организации переселения никоим образом не удастся поднять крестьянские массы», т. е. улучшить их положение⁵.

Это говорит о классовой сущности взглядов буржуазно-либеральной историографии на крестьянские переселения, о ее стремлении защитить помещичье землевладение в центре страны.

Правда, высказывался и иной, более трезвый взгляд. «Попытка разредить густое население переселением на свободные земли,— писали авторы «Свода статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России»,— оказывается часто паллиативом»⁶. Но причины этого дореволюционная историография, как правило, видела в факторах второго порядка — в частности, в физической невозможности перебросить за Урал десятки миллионов крестьян и в ограниченности там свободных земель. Так, А. Кауфман риторически вопрошал: «Мыслимо ли в действительности такое широкое развитие переселений? Допускается ли оно теми земельными запасами, которые имеются в распоряжении государства?»⁷

Конечно, эти факторы нельзя игнорировать. Но в условиях капитализма «выселение хотя бы половины всего наличного числа жителей ни в чем не облегчит положения другой половины»⁸.

В. И. Ленин подчеркивал, что в условиях существования помещичьего землевладения «...думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости», предлагать такое «решение» могут только шарлатаны. И далее: «...противоречия старых латифундий в Европейской России новым условиям жизни и хозяйства в той же Европейской России... должны быть «разре-

шены» тем или иным переворотом в Европейской России, а не вне ее»⁹.

Оценивая значение отлива населения из Ирландии, К. Маркс писал: «Последствия таковы, что относительное перенаселение в настоящее время столь же велико, как было до 1846 г., что заработка плата так же низка, что тяжесть труда увеличилась, что нищета в деревне ведет к новому кризису». Причины практической безрезультативности массового отлива населения из Ирландии К. Маркс назвал «очень простыми». «Революция в земледелии,— писал он,— идет рука об руку с эмиграцией. Производство относительного перенаселения идет быстрее, чем абсолютное уменьшение населения»¹⁰.

Крестьянским переселениям В. И. Ленин отводил исключительно большую роль как фактору классового расслоения деревни. Социальная функция аграрных миграций подчеркивалась В. И. Лениным в первую очередь. Указывая на «связь переселений с разложением крестьянства», он отмечал, что переселения дают «громадный толчок» классовому расслоению как в районах выхода, так и в местах вселения¹¹. С одной стороны, на окраины преимущественно уходили промежуточные слои крестьянства — дворы «среднего достатка». Это увеличивало «ножницы» между остававшимися на родине его крайними группами¹². С другой — для части крестьянства переселения расширяли возможность концентрации земель за счет наделов переселенцев.

Разложение крестьянства обусловило образование значительного числа безземельных. Переселения, в свою очередь, содействовали этому процессу. Правительство принимало меры, призванные задержать распад общинного землепользования, исключить возможность отчуждения земель переселявшихся. В частности, в переселенческий закон 13 июля 1889 г. была введена статья, требовавшая, от переселявшихся крестьян безвозмездного оставления своих наделов не только при общинном, но и при подворном владении землей.

Как известно, «сведущие лица», отвергнув идею «выводной платы» за оставляемые крестьянами земельные участки, тем самым высказались против отчуждения общинных земель. Большинство участников совещания «сведущих лиц» потребовало отмены ст. 165 Положения

19 февраля о выкупе, которая предоставляла крестьянам право досрочного выкупа наделов с последующим распоряжением ими как своей собственностью. Эта статья, писал в 1890 г. И. Н. Дурново, «на деле... оказалась лишь средством, при помощи которого ловкие скупщики получили возможность приобретать крестьянские земли»¹³.

Предложения Дурново получили поддержку в Государственном совете. Они были утверждены Александром III. Так появился новый закон 14 декабря 1893 г. «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских надельных земель»¹⁴.

Теперь досрочный выкуп наделов допускался лишь постановлением не менее 2/3 сельского схода; последнее подлежало утверждению уездного съезда земских начальников. Выкупленные земельные участки могли продаваться только односельчанам. Залог названных земель запрещался.

Действительность, однако, опрокинула эти расчеты. Так же как само переселение нередко совершалось вопреки закону, так и земельные наделы переселявшихся практически не оставлялись безвозмездно. Например, Минское губернское по крестьянским делам присутствие отмечало 5 мая 1898 г., что, как правило, переселявшиеся крестьяне свои наделы «продают или же сдают в аренду на более или менее продолжительные сроки, по неофициальным сделкам, не своей семье, остающейся на родине, а посторонним для этой семьи лицам»¹⁵.

Собравшись в начале февраля 1897 г. в самовольное переселение, несколько крестьян Горецкого у. продали свои наделы посторонним лицам: крестьянин Д. Леонов продал один надел с посевом односельцу С. Филиппову — за 165 р.; В. Степанов — полтора надела за 230 р. Е. Степанову; А. Яковлев — 6 дес. с озимыми посевами Е. Прокhorovу¹⁶.

Обстоятельства, толкавшие переселявшихся на сделки со «сторонними» лицами, заключались, во-первых, в том, что законы, требовавшие от переселявшихся безвозмездного оставления наделов своим родственникам или однодоцественникам, открывали последним широкие возможности «притиснуть переселяющихся» и вообще получить оставляемую землю «даром». «Остающиеся на надельном участке члены семьи,— писал мировой посредник Грод-

ненского у., — хорошо поняв, что переселяющиеся в Сибирь крестьяне не могут переступить владеемую ими часть участка кому-либо из крестьян, стали притеснять имеющих право на переселение, рассуждая, что все равно они с собой землю не унесут»¹⁷. Это и порождало со стороны переселяющихся «незаконные» сделки с «посторонними».

Второй причиной был недостаток или отсутствие денежных средств у родственников и бедных однообщественников, необходимых для уплаты за оставляемый участок. Тот же мировой посредник писал об этом: «Некоторые остающиеся на участке крестьяне желали бы приобрести землю переселяющихся в Сибирь, но, будучи крайне бедны и обременены долгами, не имеют достаточных средств на приобретение указанной земли». И он приводит следующие примеры. Крестьяне д. Тетеревки Карп и Платон Козловские, получив разрешение на переселение, договорились со своим братом Адамом о цене за оставляемый участок. Однако из этого ничего не вышло, так как, по заявлению Адама Козловского, он «ни у кого не может занять денег, а ростовщики предлагают из расчета 25% годовых». По причине «своей бедности и невозможности занять денег» отказался принять участок земли от братьев Фомы и Бориса крестьянин этой же деревни Никифор Шепелюк¹⁸.

Об этом же писал непременный член городокского уездного по крестьянским делам присутствия: «Некоторые... совладельцы участков отказываются от покупки части, принадлежащей переселяющимся... не имея средств на покупку»¹⁹.

Наконец, еще одно весьма важное обстоятельство. Сделка со «сторонними» покупателями всегда означала для переселявшихся более выгодные условия, поскольку «сторонние» платили значительно дороже. Так, например, крестьянину д. Дятлок Мало-Берестовицкой вол. Гродненского у. Григорию Садовничему, получившему в 1897 г. разрешение на переселение в Сибирь, живший с ним на одном участке брат соглашался уплатить за его долю только 100 р., в то время как постороннее лицо предлагало 300 р. Другой крестьянин этого же уезда, Наум Воропай, отказывался уступить оставляемую долю участка братьям только потому, что они были готовы уплатить за нее 140 р., а крестьянин д. Тетеревки Павел

Баубелей соглашался взять этот участок за 200 р.²⁰ В результате земли переселявшихся преимущественно переходили к лицам, «не состоявшим в родстве» с ними, писал в апреле 1898 г. один из мировых посредников Бельского у.²¹

И это была типичная картина. Даже в Могилевской губ. с господством общинной формы землепользования существовал, по словам губернатора, такой порядок: переселявшиеся крестьяне предварительно входят в соглашение с односельчанами об уступке своих наделов, получая за них деньги, «а общества своими приговорами лишь санкционируют такую передачу наделов»²². Правда, губернатор называл это не продажей общинной земли, а лишь «передачей права пользования» ею. Но это не меняло капиталистической сущности процесса мобилизации крестьянских надельных земель.

Некоторые из переселявшихся реализовывали свои наделы через Крестьянский банк. Как правило, это были наиболее состоятельные владельцы подворных участков. Представление об этом дают сведения о земельных участках переселенцев, проданных через Витебское отделение Крестьянского банка²³.

Годы	Число домохозяев, продавших землю	Имя продано земли, дес.	В том числе					
			Число домохозяев, продавших землю в своем уезде	Количество земли	Число домохозяев, продавших землю в другой уезд	Количество земли	Число домохозяев, продавших землю в другую губернию	Количество земли
1887	5	116	1	21	1	24	3	72
1888	12	416	11	402	1	10	—	—
1889	82	1 616	2	72	80	1 589	—	—
1890	27	982	8	342	15	469	4	171
1891	21	371	15	271	1	30	5	70
1892	93	2 801	30	907	28	1 231	35	663
1893	38	1 479	7	105	30	1 359	1	15
1894	17	272	14	244	3	28	—	—
1895	110	2 623	71	1 549	26	790	13	284
1896	71	1 284	55	909	8	216	8	159
1897	335	3 469	230	2 375	90	912	15	182
Всего	811	15 473	444	7 199	283	6 656	84	1 616
%	100,0	100,0	54,75	46,45	34,9	43,4	10,35	10,15

Таким образом, характерно, что число продаж год от года росло, причем земли переселенцев не только продавались, но явно концентрировались в руках капиталистических элементов. Об этом говорит постоянное увеличение числа домохозяев, продававших наделы за пределы уездов и даже за пределы своей губернии. В приведенной таблице на их долю приходится более 45 %. Проданная же ими земля составляла даже более 53 %. Объясняется это тем, что «сторонние» покупатели старались приобрести более крупные участки.

Важно отметить, что данные таблицы представляют губернию со значительным удельным весом общинного землепользования. Естественно, что в Виленской, Гродненской и Минской этот процесс был выражен глубже.

Был еще один, так сказать, «законный» путь концентрации земель в руках состоятельных хозяев. Даже тогда, когда участки переселенцами формально передавались обществу, они все равно не попадали нуждающимся общинникам, которые не имели средств для уплаты переселенцу компенсации за оставляемый участок. Общество сдавало участок переселенца в аренду, получая, таким образом, возможность снабдить последнего какими-то средствами. «Община,— писал непременный член лепельского уездного по крестьянским делам присутствия,— на первое время сдает в аренду освобождавшуюся землю кому-либо из своей среды (разумеется, тому, у кого имелись деньги, т. е. состояльному крестьянину.— П. В.) сроком на пять-шесть лет и получившийся за это время излишек от платежей всех повинностей отдает уезжающему в виде награды за освобождаемые земли»²⁴.

Продолжительность такой аренды, однако, не ограничивалась пятью-шестью годами. В архивных документах чаще упоминается двенадцатилетний срок. А в Велижском у. рамки арендных договоров простирались до тридцати пяти лет²⁵. Однако любые сроки аренды являлись всего лишь ширмой, призванной прикрыть фактически куплю земель переселявшихся состоятельными общинниками. Вот что говорилось в связи с этим в городокском уездном комитете совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности: «При общинном владении дело о воспособлении выселяющемуся... разрешается таким образом: уходящий продает свой надел и движимость кому-либо из однообщественников, а общество дает на это

свою санкцию, составляя приговор о передаче надела от уходящего в пользование купившего. В приговоре — о продаже надела ни слова, но содержание приговора не оставляет сомнения в том, что на самом деле имеет место купля-продажа»²⁶.

Та же нищета большинства деревни была причиной «вывода» земель переселявшихся за пределы общины. Вот что писал в 1898 г. один из уездных непременных членов Витебской губ.: если участки, оставляемые переселенцами, невелики, то продажа их с досрочным выкупом кому-либо из односельчан не вызывает трудностей; если же переселенческие участки оказываются значительными, то продать их в этом же обществе зачастую бывает крайне затруднительно не только с досрочным выкупом надела, но даже с переводом выкупного долга на покупателя, поскольку практически невозможно найти лицо, которое могло бы заплатить несколько сотен рублей²⁷.

Подтверждением сказанному служит приведенная выше таблица о продаже земель переселенцев через Крестьянский банк. Из нее следует, что средний размер проданного через банк участка, приходившегося на одно хозяйство, равнялся 19,1 дес. при 5,2 дес.²⁸, оставленных каждым переселенцем, ушедшим из Витебской губ. в конце XIX — начале XX в. Иначе говоря, через банк реализовывались такие участки, которые были не по карману большинству однообщественников. Происходил, таким образом, процесс своеобразной фильтрации земель переселенцев: мелкие участки, как правило, оставались в тех же обществах, из которых выселялись переселенцы, значительные же «выводились» на сторону.

Продажа земли вопреки закону объяснялась, как писал в 1898 г. один из непременных членов уездного присутствия Витебской губ., желанием «дать возможность уезжающему получить хотя какую-нибудь денежную помощь», а остающимся — «известный простор за выездом переселяющихся»²⁹. И этой оправдательной формуле был придан универсальный характер. Не случайно же минское губернское совещание, обсуждавшее вопрос о целесообразности сохранения порядка о безвозмездной передаче переселявшимся своих наделов обществу, заявило, что без получения платы за оставляемый участок переселенцы не будут иметь средств даже «на путевые издержки»³⁰.

В конце XIX в. сильно обострилась проблема «обратничества». В основном она была обусловлена все тем же экономическим положением переселенцев. Обратные переселенцы появились и в Белоруссии. Между тем еще в 1889 г. могилевский губернатор назвал «обратников» крайне нежелательным элементом³¹.

В 1899 г. виленский генерал-губернатор официально поставил перед министерством внутренних дел вопрос о принятии мер против обратных переселенцев. Главной мерой, призванной преградить путь «обратничеству», генерал-губернатор считал узаконение стихийно утвердившегося порядка реализации переселявшимися своих наделов. С помощью этой меры власти рассчитывали не только повысить состоятельность переселенцев и тем самым содействовать их закреплению в Сибири, но и закрыть им пути для возвращения на родину. Безвозмездное же оставление надела, к тому же оставление его непереселившимся членам семьи, означает, что ушедший за Урал по закону мог во всякое время возвратиться в прежнее общество и вступить во владение прежним участком. «А этого,— заключает генерал-губернатор,— допускать не следовало бы»³².

Поэтому власти все определенное вставали на путь негласного признания незаконных продаж переселявшимися своих наделов. С 1898 г. от них брались подписки о том, что в случае возвращения на родину они не должны «простираять какие бы то ни было претензии к бывшему наделу»³³.

Таким образом, «обратничество», в свою очередь, содействовало нарушению закона о безвозмездном оставлении переселявшимися крестьянами своих наделов, способствовало процессу отчуждения этих земель.

Итак, «выпадение» из крестьянской среды тех, кто владел определенным количеством земли и другим имуществом, усиливало процесс поляризации деревни.

В условиях юридического исключения, а затем сильного сдерживания переселений последние протекали как самовольческие и потому являлись «противозаконным» действием. Так, 9 июня 1897 г. мировой посредник первого участка Гродненского у. писал губернатору: «Крестьяне неоднократно заявляли мне... что если им не будет разрешено переселяться в Сибирь, то они будут брать паспорта и добываются своего»³⁴. И это было все-

общим лозунгом переселенческого движения. Поэтому в этом смысле оно должно быть квалифицировано как противоправительственное, «политическое» деяние.

Переселенческому движению были присущи все те черты, которые характеризуют высшую ступень стихийной крестьянской борьбы: наличие «зачинщиков» («подстрекателей»), массовость, коллективизм, упорство, открытое противодействие власти и органам насилия, в том числе и войскам, завершившееся судом и расправой с «виновными», и т. п. Иначе говоря, переселенческое движение — это не только попытки отдельных групп крестьян втайне от властей, т. е. в обход закона, уйти в Сибирь, но и открытая борьба за право беспрепятственного переселения.

Самодержавие с 1867—1868 гг., когда прокатилась первая волна переселенческого движения, постоянно опасалось нового взрыва. Поэтому оно всячески старалось избегать действий, способных хоть как-то активизировать крестьян в этом отношении. Об этом свидетельствуют многие документы. И тем не менее крестьянское движение на почве переселений оставалось в пореформенной России, в том числе и в Белоруссии, постоянно действующим фактором.

В крестьянском движении, вызванном переселениями, одновременно сочеталось несколько форм. Одна из них — кампания подачи прошений, по своей сущности являвшихся антипомещичьими. Так, 45 семей из деревень Бели и Локути Нечипоровской вол. Горецкого у. подчеркивали в своем прошении, что их заставляет переселяться «крайняя нужда» и «притеснения» помещика Кривошеина. Крестьяне из деревень Жуковки и Гавриленок Машевской вол. Климовичского у. уточняли, в чем состояли помещичьи «притеснения»: «Мы ограничены со всех сторон землей помещиков... Помещики, межующие с нами, пользуясь нашим безвыходным положением, хотя и нанимают поденщиков, но платят рабочему мужского пола по 25 к., а женского по 15 к. ...и на своих харчах». Крестьяне Березовской вол. того же уезда указывали в своих прошениях на другую сторону помещичьего «стеснения». «Мы,— писали эти крестьяне,— стеснены помещиками так, что даже не имеем свободного выпуска для скота, покупая оный ежегодно у помещиков... так что невозможно совсем дальше жить. Приходится умирать

голодной смертью». Крестьянин д. Каменки Смолевичской вол. Борисовского у. Л. Лашук жаловался в своем прошении: «Помещики вообще у нас препятствуют выселению, ибо некому будет на них почти даром работать». А крестьянин с. Баламутовичи Игуменского у. С. Войнилович в прошении рассказывал о том, что владелец имения граф Чапский, эксплуатируя окрестное крестьянство,ставил его «еще в худшее положение, чем было при крепостном праве»³⁵.

Стремление крестьян к переселению носило всеобщий характер. Как писал в 1896 г. в своем отчете витебский губернатор, оно «охватило собой почти всю губернию и приняло массовый характер». В Могилевской губ. также проявилось «стадное стремление к переселению»³⁶. То же отмечалось в остальных губерниях. Даже официальные власти называли переселенческое движение второй половины 90-х гг. «переселенческой лихорадкой», «переселенческой эпидемией».

О том, что массовое стремление к переселению носило антипомещичий характер, свидетельствуют многие документы. Тот же витебский губернатор писал, что при попытках администрации принять какие-либо меры «к сдерживанию этих порывов» тут же «распространялись слухи, что местная администрация подкуплена помешниками и в угоду им не допускает переселения». Более того, среди крестьян «непременно являлись беспорядки». Таким же образом действия властей воспринимались крестьянством других губерний. Например, в Гродненской они «вызывали новое недоверие крестьян, которые упрекали должностных лиц в укрывательстве правительственные распоряжений [о переселениях] по просьбе помещиков, боявшихся остаться без работников». И движение тут же принимало «эпидемический характер»³⁷.

Борьба начиналась с момента поиска крестьянами, желавшими переселиться, лица, которое, рискуя быть причисленным к «подстрекателям», согласилось бы написать прошение о переселении, усиливалась по мере «хождения по мукам» — в ожидании результатов рассмотрения их прошений, в ходе продажи своего имущества, чаще всего тайной. Но наиболее острые формы она принимала во время попыток крестьян оставить родные села. Витебский губернатор писал в 1896 г.: «Несмотря

на постоянное разъяснение органами крестьянского управления и целого ряда иных мер, предпринятых в том же направлении, очень многие из крестьян, распродав тайно имущество, толпами со своим оставшимся скарбом отправлялись на ближайшие станции железных дорог. Партии таких самовольных переселенцев иногда были так значительны, что местная полиция была не в состоянии остановить их движение и не могла воспрепятствовать посадке переселенцев на поезда. При задержании таких переселенцев... были случаи довольно крупных столкновений с полицией». В отчете за 1897 г. этот губернатор подчеркивал, что переселенческое движение 1896 г. «вызвало немало нежелательных столкновений с народом и даже прямых беспорядков»³⁸.

Но даже тогда, когда какой-то части крестьян все же удавалось уйти в Сибирь, администрация губерний выхода переселенцев принимала меры к их возвращению на родину, ведшие к новым столкновениям между администрацией и отчаявшимися переселенцами.

Летом и в начале осени 1895 г. власти Витебской губ. предприняли «самые энергичные меры» против все усиливавшейся среди крестьян пропаганды переселений. Многие из лиц, причисленных к «подстрекателям», были арестованы и преданы суду³⁹. Однако акция властей вызвала недовольство крестьян, видевших в «подстрекателях» своих защитников. Результатом этого были столкновения крестьян с полицией, причем в отдельных случаях они носили острый характер. Так, например, было в сентябре 1895 г. в Полоцком у., где попытка арестовать крестьянина Спириденко, «устроившего у себя нечто вроде тайного переселенческого бюро», натолкнулась на активное противодействие целой волости. Огромная толпа крестьян, собравшихся из разных сел, окружила здание волостного правления и потребовала освобождения Спириденко. Получив отказ, крестьяне начали штурмовать помещение, в котором находился Спириденко. Вырвавшись из рук разъяренной толпы, чины низовой администрации заперлись в здании волостного правления, где оставались почти сутки, осажденные крестьянами. Властям потребовалось ввести в действие усиленный отряд полиции, чтобы освободить «пленников». В конечном итоге события завершились преданием суду судебной палаты наиболее активных участников⁴⁰.

В 1896 г. разыгрались еще более значительные события. Центром их вновь стал Игуменский у. Весной крестьянин д. Дулебы Погостской вол. этого уезда Николай Цедрик отправился в качестве ходока в Томскую губ. Возвратившись в конце июля обратно, он стал записывать желавших переселиться, чем взбудоражил всю окружу. Опасаясь, чтобы переселенческое движение вновь не вылилось в такие формы, как в 1883—1884 гг., власти решили пресечь его в самом зародыше. С этой целью нижним полицейским чинам было приказано арестовать Цедрика. Однако в рапорте пристава третьего стана от 31 октября 1896 г. писалось: «Арестовать его [Цедрика]... не представляется возможным, так как крестьяне д. Дулебы содействуют Цедрику скрываться, причем даже высказывают, что взятия его под стражу ни в коем случае не допустят»⁴¹.

5 ноября 1896 г. в Дулебы прибыл полицейский урядник, чтобы арестовать Цедрика. Но у дома собралась «значительная толпа» крестьян. И, как писалось в приговоре виленской судебной палаты, «крестьяне оказали означеному уряднику противодействие, выразившееся в том, что по предварительному соглашению между собою — не выдавать Цедрика — не дозволили полицейскому уряднику взять Цедрика из его дома»⁴².

После нескольких новых неудачных попыток в Дулебы прибыли 24 ноября уездный исправник и судебный следователь в сопровождении полиции. Теперь толпа крестьян, находившаяся у дома Цедрика, разделилась. Большая часть оставалась во дворе, продолжая шуметь и выкрикивать угрозы в адрес полиции, несколько же человек вместе с Цедриком заперлись в доме, чтобы создать, так сказать, второй препятственный рубеж. Когда же по приказанию исправника полицейские попытались взломать входную дверь, то находившиеся внутри дома, «просунув через щели в дверях косы и железный прут, стали ими размахивать и никого не пускали подойти к двери»⁴³.

Судебный следователь 26 ноября обратился к минскому губернатору с просьбой прислать в Дулебы воинскую команду «в составе не менее 200 нижних чинов» для содействия в деле ареста Цедрика⁴⁴.

Весной 1897 г. вновь произошли крупные волнения в Витебской губ. На этот раз центром событий стал Городокский у. Непременный член уездного по крестьянским

делам присутствия Руденко назначил выдачу ходатайских свидетельств просителям из Войханской вол. на 28 апреля. Узнав об этом, в волость явилась большая группа крестьян. Однако Руденко объявил, что из 130 семей, подавших прошения о переселении, свидетельства получат только 20. Остальным отказано как не отвечавшим условиям переселения. Это вызвало крайнее недовольство, вылившееся в форму открытого бунта.

Витебский губернатор следующим образом описывал эти события в своем донесении министру внутренних дел от 1 мая 1897 г.: «Разъяренная толпа... во главе с крестьянами д. Щемиловки А. Яковенко, д. Усысы С. Игнатовым, Ил. Игнатовым и И. Игнатовым, д. Дятлы А. Климовым, д. Забумерье Ф. Ивановым и д. Симоняты Н. Андреевым оттолкнула пристава, старосту, урядника и старшину от дверей комнаты Руденко. Затем... схватив стоявшую в сенях лестницу, стали выбивать дверь, ведущую в комнату Руденко... Часть толпы бросилась на улицу, оттуда крестьянин А. Яковлев вместе с другими крестьянами начали бить стекла комнаты, а затем стали ломать раму в комнате Руденко, в чем помогал им крестьянин Н. Андреев, хотевший проникнуть в комнату с намерением убить Руденко. Руденко вынужден был обещать выдачу свидетельств всем без исключения». Как писал в своем рапорте от 30 апреля сам Руденко, он вынужден был в течение всей ночи с 28 на 29 апреля и до 3 ч. дня 29 апреля выдавать, по его словам, «заведомо незаконные свидетельства»⁴⁵.

Из рапорта городокского уездного исправника следует, что в этих событиях наиболее активно вела себя самая бедная часть крестьян, которой Руденко не выдавал ходатайских свидетельств по недостатку у них средств для переселения и ограниченности рабочих рук в семьях.

Несостоятельность переселенческой политики вынуждены были признать и многие ее проводники. Так, витебский губернатор в своем письме министру внутренних дел, по его словам, принимал «самые энергичные меры» против переселенческого движения. В их число входили: судебная расправа с «подстрекателями», административное воздействие на желавших переселиться и уже отправившихся в путь; попытки психологического воздействия на крестьян с помощью неудачников-«обратников». Была привлечена даже церковь. И тем не менее борьба за

переселение со всеми ее последствиями не прекращалось. Более того, она ширилась, причем, пишет губернатор, не только обнимала все больший и больший район, но «усиливалась... в своей напряженности». И губернатор заключал: «Не имея в настоящее время никаких новых средств, к прекращению самовольного переселения крестьян... ожидаю дальнейших указаний и распоряжений»⁴⁶.

Не только губернаторы «не имели... никаких... средств» борьбы с массовым переселенческим движением, но и само самодержавие было бессильно что-либо предпринять против народной лавины, разраставшейся в грозную силу.

Борьба крестьянства на почве переселений прежде всего была направлена против пережитков крепостничества. Но наряду с крепостниками-помещиками из крестьян высасывал соки рождавшийся деревенский буржуа, будь то ростовщик-кредитор или кулак, прибиравший земли переселявшихся. Деревенская беднота, рассчитывавшая увеличить свои наделы за счет земель, оставляемых переселявшимися, вскоре убедилась в несбыточности своих надежд. На ее глазах происходило отчуждение не только подворных участков, но и общинных земель. Так, крестьянин д. Горелик Холбянской вол. Горецкого у. Н. Новиков писал 23 августа 1899 г. в своем прощении: «Нужно распределить; у кого нет земли, тот пусть покупает... Еще просим вас сделать так: если кто едет на переселение, то пусть продает по цене не выше 50 р. за надел... А то, у кого денег много, тот покупает, а у кого нет, тот с голода пропадай»⁴⁷.

В конце XIX в. резче обозначились антагонистические классы в деревне, неизмеримо возросла роль товарно-денежных отношений. Несмотря на отсталость пореформенной деревни, капиталистические отношения подчиняли не только помещичье, но и крестьянское хозяйство. Это обрекало массу крестьянства на нужду и бедствие. Опутанное непосильными прямыми и косвенными налогами, кабалой крестьянство все больше пауперизировалось.

Таким образом, крестьянское движение за переселение явилось закономерным следствием постоянно ухудшавшегося положения основной части деревни, выливавшееся в форму стихийной борьбы против угнетения, обостряя классовую борьбу в деревне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Крестьянские переселения пореформенного периода были порождены всей совокупностью общественных отношений. Это означает, что переселения обусловливались не только капиталистическим развитием империи, но и огромными пережитками крепостничества в ней. В. И. Ленин писал: «...переселяются главным образом крестьяне из губерний земледельческих (из промышленных эмиграция совершенно ничтожна) и притом именно из густонаселенных центральных губерний, в которых всего более развиты отработки (задерживающие разложение крестьянства)»¹.

Белоруссия своим примером также подтвердила это ленинское положение: из нее, как и из Европейской России в целом, переселенцы преимущественно шли из губерний более слабого развития капитализма — Могилевской и Витебской. И наоборот, губернии, отнесенные В. И. Лениным к группе губерний с преобладанием капиталистической системы хозяйства у помещиков и, следовательно, с ярче выраженной поляризацией деревни,— Гродненская, Виленская и Минская — дали значительно меньше переселенцев. Если из Могилевской и Витебской в 1885—1906 гг. за Урал ушло 129 709, или 66,8% переселенцев этого периода, то центр и запад Белоруссии выпустили только 64 455 чел., или 33,2%.

Из этого не вытекает, что пережитки крепостничества играли определяющую роль в совокупности причин выталкивания крестьянства за Урал. Напротив, чем интенсивнее развивался капитализм в нечерноземной полосе, тем сильнее было его давление на остатки крепостничества в земледельческих губерниях. «...Власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика», — писал В. И. Ленин². Не выдержав натиска капитализма, этот «полукрепостной мужик» и устремлялся на переселение.

Переселенческая политика правительства была рас-
считана на максимальное ограничение подвижности кре-
стьянства, на сохранение его связей с помещичьим хозяйством и общиной. Однако крестьянство преодолевало эти барьеры, переселяясь на окраины самовольно. Попытки властей противодействовать «самовольцам» обирались усилением крестьянского движения.

Крестьянские переселения в ходе своего развития отражали проникновение капитализма и «вглубь» и «вширь». Прежде всего, переселения уже в 60-х гг. нанесли удар по крепостническому принципу неотчуждаемости надельных земель. А «чем шире будет развиваться покупка земли крестьянами... — писал В. И. Ленин, — тем быстрее пойдет образование сельской буржуазии из крестьянства и вытеснение отработочной системы помещичьего хозяйства капиталистическойю»³. Переселения в какой-то мере ослабляли спрос на аренду. Они уменьшали ножницы между предложением рабочей силы и спросом на нее, что сказывалось на размере платы рабочим. Переселения содействовали разрушению кабальных форм труда в помещичьем хозяйстве и соответственно замене его капиталистическим наймом. Здесь вполне применимо положение В. И. Ленина, высказанное в связи с отходничеством: «„Перекочевыванье“ разрушает кабальные формы найма и отработки»⁴. В первую очередь это относится к восточным губерниям Белоруссии, где полукрепостнические формы эксплуатации крестьян были широко распространены и откуда шла основная масса переселенцев.

В условиях постоянного сокращения полукабальной рабочей силы, вызванного переселениями, помещики были вынуждены обращаться к наемному труду, а вместе с этим — и к своим орудиям производства. Помещик переходил, следовательно, «от отработочной системы хозяйства к капиталистической»⁵.

Социальные функции аграрных миграций были велики во всей многогранной жизни общества. ТERRITORIАЛЬНОЕ перераспределение крестьянского населения вело к более эффективным формам затрат труда, к использованию все более широкого круга ресурсов. Происходило изменение условий жизни и социального состава населения. Переселения играли важную роль как фактор усиления социального расслоения в местах выхода, который переносился мигрантами в места их вселения. Громадная

масса, писал В. И. Ленин, «неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев»⁶.

Аграрные миграции способствовали обострению классовой борьбы в деревне. Пореформенная белорусская деревня явила массу ярких примеров крестьянских выступлений на почве переселений. Важно подчеркнуть многообразие форм этой борьбы, заслуживающих быть охарактеризованными в специальном исследовании.

Крестьянское движение, вызванное переселениями, носило не только антикрепостнический, антипомещичий характер. Оно все более и более приобретало черты второй социальной войны в деревне. Особенно наглядно это проявилось в связи с «обратничеством».

«Обратничество» обостряло борьбу между зажиточной частью деревни и беднотой, особенно в ходе решения вопроса о принятии возвращенцев в прежние общества. Борьба велась за землю, оставленную переселенцами и доставшуюся кулацко-зажиточной части деревни.

«Обратники» несли в родные края дух не знавшей такого крепостного права Сибири, недовольство и ненависть к самодержавию, содействовали обострению его общего кризиса. Ведь обратные переселенцы, подчеркивал В. И. Ленин, «разорились и озлобились еще больше», поскольку в Европейскую Россию возвращалась «беднота, самая несчастная, все потерявшая»⁷.

Велико значение аграрных миграций в формировании интернационального союза трудящихся масс России. Преодолевая нечеловеческие лишения, русские, украинцы, белорусы, представители других народов и народностей Европейской России вместе осваивали Алтай и Сибирь, Приамурье и Среднюю Азию. Трудовой подвиг по освоению окраин России был бы невозможен без совместного труда с угнетенными массами местного населения.

В. И. Ленин писал по отношению к отходничеству, что эти «процессы, быстро развивавшиеся и развивающиеся и вширь и вглубь в течение пореформенной эпохи, являются необходимой составной частью капиталистического развития и имеют глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни»⁸. Это можно отнести и к крестьянским переселениям.

Аграрные миграции имели «глубоко прогрессивное значение», будучи связаны с важнейшими экономическими и социальными процессами пореформенной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 646.

² Там же, с. 645.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 220.

⁴ Там же, т. 3, с. 629.

⁵ Там же, с. 175.

⁶ Вычислено на основе данных: Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение крестьян в Сибирь. Спб., 1906; Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). Спб., 1910; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пр., 1916.

⁷ Янсон Ю. Э. Очерк правительственные мер по переселению крестьян после издания Положения 19 февраля 1861 года.— «Русская речь», 1881, № 1, с. 256—308.

⁸ Риттих А. Ф. Переселения. Харьков, 1862.

⁹ Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России, с. 82.

¹⁰ Там же, с. 115.

¹¹ Там же, с. 117.

¹² Кауфман А. А. Сибирское переселение на исходе XIX в. Сиб., 1901, с. 50.

¹³ Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919, с. 69; и др.

¹⁴ Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с заселением Сибири). М., 1902, с. 116.

¹⁵ Очерки по крестьянскому вопросу. М., 1904, с. 183, 184.

¹⁶ Простнев Н. Г. Крестьянские переселения Могилевской губернии с 1 января 1897 г. по 1 июля 1909 г. (за пределы губернии). Могилев-на-Днепре, 1910, с. 4, 5, 9.

¹⁷ Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861—1914. Минск, 1926, с. 24—25.

¹⁸ Довнар-Запольский М. В. СССР по районам. Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР). М.—Л., 1928, с. 19.

¹⁹ Агурскі С. Рэвалюцыйны рух у Беларусі. 1863—1917. Мінск, 1928.

²⁰ Шчарбакоў В. К. Каstryчніцкая рэвалюцыя ў Беларусі і белапольская акупацыя. Мінск, 1930.

²¹ Дудкоў Д. А. Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерні. Мінск, 1931, с. 9, 10, 91, 93.

²² Дудкоў Д. А. Аб развіціі капіталізму ў Беларусі ў другой палове XIX пачатку XX стагоддзя. Мінск, 1932.

²³ Бондарь Г., Паниматко П. Сельское хозяйство Белоруссии на путях социалистической реконструкции. М.—Л., 1931, с. 7.

- ²⁴ Малинин С. Н., Раков Я. Г. Что дала Советская власть труженикам БССР. Минск, 1939, с. 23.
- ²⁵ Саладков И. И. Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX—начало XX в.). Минск, 1957, с. 60.
- ²⁶ Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг. Минск, 1962, с. 130—140; и др.
- ²⁷ Кожушков А. И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1963; Он же. Крестьянское движение в Минской губернии в период капитализма (60—90-е гг. XIX в.). — «Вопросы истории БССР», 1969, вып. 37.
- ²⁸ Солодков Т. Е. Борьба тружеников Белоруссии против царизма. 1907—1917. Минск, 1967, с. 55—60.
- ²⁹ Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск, 1971; Он же. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (вторая половина XIX — начало XX в.). Автореф. на соиск. учен. степени д-ра исторических наук. Минск, 1973, с. 47.
- ³⁰ Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1976, с. 114.
- ³¹ История БССР, т. 1. Минск, 1961, с. 394.
- ³² Экономическая история БССР. Минск, 1965, с. 75.
- ³³ Экономическая история БССР. Минск, 1969, с. 75.
- ³⁴ Народное хозяйство Белоруссии за 40 лет, с. 20.
- ³⁵ Раков А. А. Население Белоруссии. Минск, 1969, с. 83; Он же. Белоруссия в демографическом исчислении. Минск, 1974, с. 5, 51, 52.
- ³⁶ Раков А. А. Население Белоруссии, с. 83.
- ³⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод, т. 2. Спб., 1905, с. 38; см. также: Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 гг. Спб., 1896, с. 96; Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913.
- ³⁸ Раков А. А. Население Белоруссии, с. 83.
- ³⁹ Скларов Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, с. 115.
- ⁴⁰ Першин П. Н. Аграрная революция. От реформы к революции, кн. 1. М., 1966, с. 107.
- ⁴¹ Тихонов Б. В. Переселенческая политика царского правительства в 1892—1897 гг.— «История СССР», 1977, № 1, с. 118.

Предпосылки крестьянских переселений

¹ Положение В. Г. Тюкашкина о том, что «в советский период работ о переселении вышло очень немного и в них специально вопрос о причинах переселений не рассматривался», высказанное еще в 1961 г., не утратило силы и теперь. (См.: Он же. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX в. — «Ученые записки Иркутского пединститута», вып. XVIII (6), 1961, с. 8.)

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.; т. 17, с. 70.

- ³ Поземельная собственность России 1877—1878 гг. Спб., 1886, с. 2—13.
- ⁴ Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 20—22.
- ⁵ Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (вторая половина XIX в.), с. 31, 35.
- ⁶ Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 29.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 275.
- ⁸ Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 30.
- ⁹ Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969, с. 41.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 165.
- ¹¹ Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск, 1958, с. 178.
- ¹² Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861—1914, с. 58.
- ¹³ Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 25.
- ¹⁴ Временник Центрального статистического комитета, № 33. Спб., 1894, с. 6—18.
- ¹⁵ Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (вторая половина XIX в.), с. 166—167.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 96.
- ¹⁸ Панютич В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии. 1861—1914. Минск, 1969, с. 17.
- ¹⁹ Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии. Витебск, 1910, табл. 3, с. 20, 21.
- ²⁰ Там же, с. 69, 70.
- ²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 85.
- ²² Купли-продажи, залоги и аренды земель в Минской губернии. Минск, 1907; Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии. Витебск, 1910.
- ²³ Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии, с. 20—21.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 137.
- ²⁵ Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии, с. 20.
- ²⁶ «Витебские губернские ведомости», 1897, 16 сентября.
- ²⁷ «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, вып. 5. Витебская губерния», Спб., 1903, с. 527.
- ²⁸ Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии, табл. 3, с. 20.
- ²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 545.
- ³⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 2015, оп. 1, д. 28, л. 119; ф. 2014, оп. 1, д. 1550, л. 7.
- ³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 94.
- ³² Военно-конская перепись 1888 г. Спб., 1891, с. 2, 3, 5, 32—35, 42, 43, 54—59.
- ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 151.
- ³⁴ Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг., с. 88.

- 35 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 80.
 36 Дядиченко А., Чермак Л. Арендные отношения.—
 В кн.: Политическая энциклопедия, т. 1. Спб, 1906, картограмма 6.
 37 «Витебские губернские ведомости», 1897, 16 сентября.
 38 ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 651, л. 162.
 39 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 73.
 40 ЦГИА БССР в Минске, ф. 2014, оп. 1, д. 1564, л. 53
 41 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 76.
 42 Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефона, т. 59. Спб., 1900, с. 639—640.
 43 Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России, с. 38.
 44 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 97; т. 4, с. 433.
 45 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 32724, л. 13.
 46 Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 11, 1948, с. 143.
 47 Анфимов А. М. В. И. Ленин о российском крестьянстве.—
 В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с. 93.
 48 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.
 49 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 69, д. 173, л. 28.
 50 Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (вторая половина XIX в.), с. 198, 199.
 51 Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств, т. 2, отд. 1. Спб., 1880, с. 291.
 52 Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии... кн. 2. Могилев, 1884, с. 813.
 53 Маресс Л. Н. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве.— В кн.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства, т. 1. Спб., 1897, с. 20.
 54 См.: Исаев А. А. С переселенцами.— «Северный вестник», Спб., 1890, № 11, отд. 2, с. 13.
 55 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 152, л. 28.
 56 Шелгунов Н. В. Перенаселение и наше земледелие.— «Дело», Спб., 1878, № 9, с. 158—159.
 57 Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства, т. 1, с. 94.
 58 Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 14, 1948, с. 143.
 59 ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2100, л. 343, 344.
 60 Там же, ф. 2014, оп. 1, д. 1347, л. 16.
 61 Кожушков А. И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии во второй половине XIX в., с. 57.
 62 ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, оп. 1, д. 4546, л. 20.
 63 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 127, л. 2.
 64 ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 39607, л. 5.
 65 ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 548, л. 179.
 66 Там же, л. 180.
 67 Анненский Н. Ф. Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах.— В кн.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства, т. 1, с. 176, 178.
 68 ЦГИА БССР в Минске, ф. 2014, оп. 1, д. 2261, л. 4.
 69 ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 304, л. 10.
 70 Панютич В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии, с. 43.

- ⁷¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 2014, оп. 1, д. 2261, л. 4; ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 335, л. 11.
- ⁷² ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 185, л. 5.
- ⁷³ Там же, ф. 1282, оп. 3, д. 545, л. 6.
- ⁷⁴ Панютич В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии, с. 121.
- ⁷⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 2014, оп. 1, д. 1513, л. 18.
- ⁷⁶ Там же, ф. 1430, оп. 1, д. 43569, л. 3—4.
- ⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 304, л. 11.
- ⁷⁸ Успенский Г. И. Собрание сочинений. М., 1957, т. 8, с. 276.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Простнев Н. Г. Крестьянские переселения Могилевской губернии..., с. 19.
- ⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 89.

Переселенческая политика

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 300.
- ² ЦГИА БССР в Минске, ф. 2001, оп. 1, д. 1350, л. 4.
- ³ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, т. 2, с. 858.
- ⁴ Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь..., с. 129.
- ⁵ Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, с. 148.
- ⁶ Там же.
- * ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 280.
- ⁸ ЦГИА ЛитССР, ф. 378, общ., д. 145, л. 179, 1902 г.
- ⁹ Полное собрание законов..., т. 37, отд. 1. Спб., 1865, № 38256.
- ¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 25, ч. 1, л. 51—54.
- ¹¹ Там же, л. 53.
- ¹² Там же, д. 217, л. 6, 1876 г.
- ¹³ Там же, д. 25, ч. 1, л. 129—131.
- ¹⁴ Там же, л. 130.
- ¹⁵ Там же, ф. 1181, оп. т. XV, д. 45, л. 77—78, 1869 г.
- ¹⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1416, оп. 2, д. 13924, л. 7.
- ¹⁷ Центральный государственный архив Башкирской АССР, ф. 2, оп. 1, д. 14447, л. 13; л. 1 (далее цит.: ЦГА БАССР).
- ¹⁸ Полное собрание законов..., т. 14. Спб., 1869, № 46952.
- ¹⁹ Государственный архив Оренбургской обл., ф. 13, оп. 1, д. 62, л. 278 (далее цит.: ГАОО).
- ²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, д. 45, л. 3, 1869 г.; л. 1—22.
- ²¹ Там же, л. 83.
- ²² ЦГИА ЛитССР, ф. 378, общ. отд., д. 2298, л. 98, 1868 г.
- ²³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, оп. 1, д. 1872, л. 1.
- ²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. т. XV, д. 45, л. 22, 1869 г.
- ²⁵ ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 14193/6, л. 111—112.
- ²⁶ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 50—51.
- ²⁷ Полное собрание законов..., т. 1. Спб., 1876, № 55527.
- ²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 217, л. 2—3, 1876 г.; ф. 468, оп. 19, д. 1089, л. 1—20.
- ²⁹ Полное собрание законов..., т. 1. Спб., 1876, № 56571.

- ³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 116, л. 1, 1876 г.; ф. 391, оп. 1, д. 3, л. 1, 9, 233.
- ³¹ Там же, ф. 1291, оп. 53, д. 116, л. 2, 1878 г.
- ³² Там же, л. 40.
- ³³ Там же, д. 25, ч. II, л. 22, 1867 г.
- ³⁴ Там же, д. 116, л. 39, 1878 г.
- ³⁵ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 51.
- ³⁶ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 354, л. 23, 26.
- ³⁷ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 51.
- ³⁸ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 302, л. 6.
- ³⁹ Никольский А. Подробности аграрного вопроса в черноземной России.—«Русская мысль», 1880, № 12, с. 112.
- ⁴⁰ Там же, с. 113.
- ⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 3, л. 22; ф. 1149, оп. 1, д. 67, л. 145—146.
- ⁴² Там же, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 52.
- ⁴³ Там же, ф. 1263, оп. 1, д. 173, л. 859, 1881 г.
- ⁴⁴ Государственный архив Ульяновской области, ф. 76, оп. 11, д. 468, л. 18 (далее цит.: ГАУО).
- ⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 3, л. 59.
- ⁴⁶ Там же, ф. 1291, оп. 53, д. 17, л. 21, 1881 г.
- ⁴⁷ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 53.
- ⁴⁸ Семенов П. П. Значение России в колонизационном движении европейских народов.—«Известия императорского географического общества», Спб., 1892, т. 28, вып. 4, с. 368.
- ⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 4, л. 99—100.
- ⁵⁰ Марков Г. Обетованные земли.—«Русская речь». Спб., 1882, март, с. 296.
- ⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 302, л. 11.
- ⁵² Там же, ф. 391, оп. 1, д. 4, л. 102; ф. 1273, оп. 1, д. 302, л. 10.
- ⁵³ «Северный вестник», Спб., 1892, № 5, с. 34.
- ⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 354, л. 29.
- ⁵⁵ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 60.
- ⁵⁶ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 302, л. 15.
- ⁵⁷ Там же, ф. 391, оп. 1, д. 9, л. 2.
- ⁵⁸ ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 502, л. 8.
- ⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 9, л. 33.
- ⁶⁰ Там же, ф. 1284, оп. 223, д. 103, л. 19.
- ⁶¹ Там же, ф. 1291, оп. 53, д. 17, л. 34, 1881 г.
- ⁶² Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 354, л. 33; д. 437, л. 46.
- ⁶³ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 354, л. 33.
- ⁶⁴ Там же, л. 17.
- ⁶⁵ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 64.
- ⁶⁶ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 302, л. 19.
- ⁶⁷ Там же, ф. 1149, оп. т. XI, д. 43, л. 52, 1889 г.
- ⁶⁸ Там же, л. 53.
- ⁶⁹ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 67.
- ⁷⁰ Полное собрание законов..., собр. 3, т. 9, № 6198, 1889 г.
- ⁷¹ Алтай. Историко-статистический сборник. Томск, 1890, с. 333.
- ⁷² Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России, ч. I. Спб., 1903, с. 20—23 (далее цит.: Материалы комиссии 16 ноября...).

- ⁷³ ЦГИА ЛитССР, ф. 378, общ. отд., д. 145, л. 180.
- ⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 42, л. 9.
- ⁷⁵ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 24, л. 4.
- ⁷⁶ Симонова М. С. Переселенческий вопрос в аграрной политике самодержавия (1889—1904).—Тезисы докладов и сообщений восьмой (московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1965, с. 167—168.
- ⁷⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2101, л. 160, 161.
- ⁷⁸ «Виленский вестник», 1889, 14 января.
- ⁷⁹ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Спб., 1905,
- с. 31.
- ⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 302, л. 23.
- ⁸¹ Там же, д. 42, л. 9.
- ⁸² Там же, ф. 391, оп. 2, д. 20, л. 53.
- ⁸³ Там же, оп. 1, д. 9, л. 17.
- ⁸⁴ Там же, оп. 2, д. 24, л. 4.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же, ф. 1284, оп. 223, д. 24, л. 36.
- ⁸⁷ Семенов П. П. Значение России в колонизационном движении европейских народов, с. 366.
- ⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 78, л. 446; д. 310 (Материалы совещания).
- ⁸⁹ ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 1025, л. 6.
- ⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 19, л. 70; ЦГИА БССР в Минске, ф. 2001, оп. 1, д. 1350, л. 18.
- ⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 54, д. 11, л. 14, 1895 г.
- ⁹² Там же, ф. 391, оп. 2, д. 550, л. 114—122.
- ⁹³ Турчининов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). Спб., 1910.
- ⁹⁴ «Азиатская Россия», т. 1, Спб., 1914, с. 460.
- ⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 2, д. 24, л. 4.
- ⁹⁶ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 151, л. 106.
- ⁹⁷ Там же, д. 550, л. 114—122.
- ⁹⁸ Там же, д. 484, л. 9.
- ⁹⁹ Там же, д. 44, л. 10—11.
- ¹⁰⁰ Там же, д. 151, л. 13.
- ¹⁰¹ Там же, ф. 1291, оп. 54, д. 11, л. 1895 г.
- ¹⁰² Там же, ф. 391, оп. 2, д. 297, л. 30, 37.
- ¹⁰³ Там же, д. 302, л. 1—2, 6—12.
- ¹⁰⁴ Там же, д. 24, л. 4—5.
- ¹⁰⁵ Там же, д. 480, л. 2.
- ¹⁰⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1595, оп. 1, д. 166, л. 5.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же, ф. 2001, оп. 1, д. 1350, л. 25.
- ¹⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 25, л. 11.
- ¹¹⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 43569, л. 2—6.
- ¹¹¹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 459, л. 60—62.
- ¹¹² ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 43569, л. 4.
- ¹¹³ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 268, л. 11.
- ¹¹⁴ Там же, д. 319, л. 4—5.
- ¹¹⁵ Там же, д. 432, л. 38—46.
- ¹¹⁶ Там же, л. 89—90.
- ¹¹⁷ Там же, д. 149, л. 82—87; д. 480, л. 2.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 405; т. 1, с. 300;
с. 295.

¹¹⁹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, с. 162.

Крестьянские переселения 60—90-х гг.

¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 299, оп. 2, д. 5803, л. 1; ф. 2001,
оп. 1, д. 974, л. 155—156.

² Там же, ф. 1430, оп. 1, д. 33503, л. 9.

³ Там же, л. 15.

⁴ Там же, ф. 242, оп. 1, д. 1139, л. 62; ф. 1430, оп. 1, д. 33701,
л. 3.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 169, л. 1, 1868 г.

⁶ Верещагин П. Д. У истоков аграрных миграций белорусского крестьянства на окраины России в период капитализма.— В сб.: «Вопросы истории», вып. 3. Минск, 1976, с. 9.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 25, ч. 1, л. 198, 1867 г.

⁸ Верещагин П. Д. У истоков аграрных миграций белорусского крестьянства..., с. 9.

⁹ ЦГИА ЛитССР, ф. 378, общ. отд., д. 2298, л. 34, 1868 г.

¹⁰ Там же, л. 32—34.

¹¹ Там же, л. 44—45, 55—58, 88.

¹² Верещагин П. Д. У истоков аграрных миграций белорусского крестьянства..., с. 10; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, общ. отд., д. 2298, л. 44.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Лебедев А. А. Как иногда возникали переселения.—«Русская старина», т. 122, Спб., 1905, с. 179—181.

¹⁶ Там же, с. 189.

¹⁷ Там же, с. 185, 187.

¹⁸ ЦГИА ЛитССР, ф. 419, оп. 2, д. 267, л. 109.

¹⁹ Лебедев А. А. Как иногда возникали переселения, с. 189.

²⁰ Там же, с. 190.

²¹ ЦГИА ЛитССР, ф. 419, оп. 2, д. 267, л. 109.

²² ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 25, ч. 1, л. 318; 328; 330, 1867 г.

²³ ЦГИА ЛитССР, ф. 419, оп. 2, д. 267, л. 109; ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 176, л. 1, 1868 г.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 283, л. 1—2, 1868 г.

²⁵ Там же, д. 211, л. 2; д. 223, л. 2—8, 1869 г.

²⁶ Там же, д. 119, л. 5; д. 283, л. 2, 1868 г.; д. 18, л. 2, 1869 г.; д. 25, л. 5, 1870 г.

²⁷ Там же, д. 294, л. 1; д. 5, л. 3, 1868 г.

²⁸ Там же, д. 269, л. 1, 1868 г.

²⁹ Там же, д. 25, ч. 1, л. 129, 1867 г.; д. 119, л. 7, 1868 г.; Лебедев А. А. Как иногда возникали переселения, с. 182—183; ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 95, л. 2, 1870 г.; ГАОО, ф. 13, оп. 1, д. 62, л. 206.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 25, ч. 1, л. 334; ЦГИА ЛитССР, ф. 378, общ. отд., д. 2298, л. 59—60; 52—53.

³¹ ЦГИА ЛитССР, ф. 419, оп. 2, д. 267, л. 109.

³² ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 223, л. 2, 1869 г.

³³ Там же, д. 143, л. 1—15.

³⁴ Там же, д. 25, л. 15.

³⁵ Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России, с. 115.

³⁶ Простнев Н. Г. Крестьянские переселения Могилевской губернии..., с. 4; Чудновский С. Переселенческое дело на Алтае. Иркутск, 1889, приложение к гл. 1, табл. 8.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 69, д. 173, л. 52; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 15, д. 561, л. 1, 6, 15, 17, 19, 21.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 1, д. 4, л. 77—78.

³⁹ Эти данные, по мнению Н. М. Ядринцева, «далеко не определяют размера переселений» в Томскую губ. (Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Спб., 1882, с. 467). Другой исследователь томских (алтайских) переселений И. Овсянкин пишет о том, что там жило «очень значительное» число переселенцев без перечисления (Алтай. Историко-статистический сборник. Томск, 1890, с. 331).

⁴⁰ Оболенский В. В. (Осинский). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и в СССР. М., 1928, с. 84.

⁴¹ Шацкий П. А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861—1905 гг. (Историческое исследование).—В кн.: Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь, 1970, с. 14; Сборник сведений о Кавказе, т. 7. Тифлис, 1880, с. 536; Шершенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Кубанская область. Екатеринодар, 1906, вып. 1, с. 14.

⁴² Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств, т. 2, отд. 1, с. 75, 79.

⁴³ Там же, с. 80.

⁴⁴ Там же, с. 86—87.

⁴⁵ Там же, с. 291.

⁴⁶ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 7, д. 2484, л. 110, 101.

⁴⁷ Алтай. Историко-статистический сборник, с. 331.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 25, ч. 1, л. 16.

По данным Н. М. Ядринцева, в 1868—1878 гг. в Томскую губ. приходило в среднем по 1600 чел. в год. В 1879 г. туда прибыло 2900 чел. (Ядринцев Н. М. Из наблюдений над переселенцами в Западной Сибири летом 1892 г.—«Землеведение», М., 1894, кн. 4, с. 71).

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 25, ч. 1, л. 16.

⁵⁰ Материалы комиссии 16 ноября..., ч. 1, с. 20.

⁵¹ Алтайский сборник, вып. 1. Томск, 1894, с. 243.

⁵² Материалы комиссии 16 ноября..., ч. 1, с. 21—23; ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 354, л. 94.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 7, д. 2484; л. 22; 1; 106.

⁵⁵ Там же, л. 99, 101; 48.

⁵⁶ Там же, л. 101.

⁵⁷ Там же, л. 22; 99.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 103, л. 19; ф. 391, оп. 1, д. 9, л. 66.

⁵⁹ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 7, д. 2484, л. 110.

⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 53, д. 6, л. 9, 20, 28, 1886 г.

⁶¹ Там же.

- ⁶² Там же, ф. 1282, оп. 70, д. 296, л. 34; оп. 223, д. 103, л. 19.
- ⁶³ Там же, ф. 391, оп. 1, д. 9, л. 34.
- ⁶⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2101, л. 62, 67; ф. 183, оп. 2, д. 121, л. 135; ф. 295, оп. 1, д. 3967, л. 73.
- ⁶⁵ «Сельский вестник», 1883, 13 ноября, № 46.
- ⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 144, л. 17—18.
- ⁶⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2101, л. 180; ф. 183, оп. 2, д. 121, л. 135; ф. 295, оп. 1, д. 3967, л. 73.
- ⁶⁸ Там же, ф. 183, оп. 2, д. 121, л. 269, 276.
- ⁶⁹ Там же, л. 270; ЦГИА ЛитССР, ф. 445, оп. 1, д. 2, л. 2.
- ⁷⁰ ЦГИА БССР в Минске, ф. 183, оп. 2, д. 121, л. 272, 273; ЦГИА ЛитССР, ф. 445, оп. 1, д. 2, л. 3.
- ⁷¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 183, оп. 2, д. 121, л. 108.
- ⁷² Там же, л. 175, 276.
- ⁷³ Там же, л. 65, 71, 134.
- ⁷⁴ ЦГИА ЛитССР, ф. 445, оп. 1, д. 5, приложение, л. 8—9; ЦГИА БССР в Минске, ф. 295, оп. 1, д. 3967, л. 81, 87, 88.
- ⁷⁵ ЦГИА БССР в Минске, л. 92; 103; ф. 242, оп. 1, д. 2101, л. 164.
- ⁷⁶ Там же, ф. 242, оп. 1, д. 2101, л. 64, 184, 186, 256
- ⁷⁷ Там же, л. 200, 212—215.
- ⁷⁸ Там же, л. 118, 119, 152, 210, 284.
- ⁷⁹ Там же, л. 325, 344.
- ⁸⁰ Там же, л. 418, 419, 438, 449, 450, 445.
- ⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 459, л. 26; ф. 1284, оп. 223, д. 111, л. 7.
- ⁸² ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 73, л. 5; «Правительственный вестник», 1886, № 21; Государственный архив Куйбышевской области, ф. 3, оп. 101, д. 41, 42, 22, 18, 17, 14, 10, 7, 6; оп. 102, д. 2, 4, 204, 207; д. 2, л. 29; оп. 104, д. 6, 7 (далее цит.: ГАКО).
- ⁸³ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1, оп. 8, д. 1387; д. 1665, л. 1; ф. 10, оп. 2, д. 3260, л. 13, 15, 18, 19.
- ⁸⁴ Там же, л. 22.
- ⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 111, л. 7; д. 7; д. 139, л. 120; д. 203, л. 44.
- ⁸⁶ ГАКО, ф. 3, оп. 102, д. 2, л. 29.
- ⁸⁷ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 209, л. 8.
- ⁸⁸ Там же, л. 27.
- ⁸⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2101, л. 499; д. 2100, л. 44; д. 2461, л. 11; д. 45, л. 42.
- ⁹⁰ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 6, д. 2275, л. 1.
- ⁹¹ ЦГАОР СССР; ф. 102, 2-е делопроизводство, д. 34, ч. 29, л. 5, 1889 г.; ЦГИА БССР в Минске, ф. 2001, оп. 1, д. 1668, л. 2.
- ⁹² Там же, л. 6; л. 8.
- ⁹³ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 203, л. 10.
- ⁹⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, д. 2100, л. 230, 308, 314, 315, 355—417; д. 46, л. 102—107, 165—167.
- ⁹⁵ Там же, д. 2100, л. 430.
- ⁹⁶ Там же, л. 228, 336, 339; д. 46, л. 179—181, 191.
- ⁹⁷ Там же, д. 2100, л. 514.
- ⁹⁸ Там же, л. 825.
- ⁹⁹ Там же, д. 2100, л. 249; д. 2461, л. 11; д. 46, л. 1.
- ¹⁰⁰ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 2, д. 1067, л. 113.
- ¹⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 203, л. 9—11; д. 160, л. 19.
- ¹⁰² Там же, д. 160, л. 20.

- ¹⁰³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2100, л. 585, 578—589, 593, 609 и др.
- ¹⁰⁴ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 6, д. 2275, л. 31.
- ¹⁰⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2523, л. 4.
- ¹⁰⁶ Там же, д. 2100, л. 638.
- ¹⁰⁷ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 2, д. 1067, л. 607.
- ¹⁰⁸ Там же, оп. 6, д. 2275, л. 31.
- ¹⁰⁹ Там же, оп. 2, д. 1067, л. 177—179.
- ¹¹⁰ Там же, л. 606.
- ¹¹¹ Там же, л. 607.
- ¹¹² Там же, л. 762.
- ¹¹³ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 168, л. 8; д. 151; л. 13; д. 37, л. 10.
- ¹¹⁴ ЦГИА ЛитССР, ф. 419, оп. 4, д. 5, л. 22; д. 9, л. 13.
- ¹¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 24, л. 36.
- ¹¹⁶ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 18, д. 264, л. 175—176; ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 41, л. 3.
- ¹¹⁷ Овсянкин И. в. Колонизация и переселенческое дело.— В сб.: Алтай. Историко-статистический сборник. Томск, 1890, с. 332.
- ¹¹⁸ Новомбергский Н. Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии, вып. 1. Тобольск, 1898, с. 260.
- ¹¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 24, л. 37.
- ¹²⁰ Там же, д. 63, л. 25; д. 65, л. 33; ф. 391, оп. 2, д. 20, л. 32.
- ¹²¹ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 304, л. 1.
- ¹²² ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 43569, л. 3; ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 79, л. 37; д. 20, л. 84; ф. 1282, оп. 3, д. 279, л. 47.
- ¹²³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 43569, л. 3; ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 24, л. 17.
- ¹²⁴ Сведения о Сибири (Сб. статей «Сельского вестника» о Сибири и переселении). Спб., 1897, с. XIV.
- ¹²⁵ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 304, л. 11.
- ¹²⁶ ЦГИА БССР в Минске, ф. 1430, оп. 1, д. 43569, л. 2.
- ¹²⁷ Обзор Могилевской губернии за 1898 г. Могилев, 1899, с. 103.
- ¹²⁸ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 20, л. 82.
- ¹²⁹ Там же, д. 319, л. 3.
- ¹³⁰ Там же, д. 359, л. 8.
- ¹³¹ «Витебский листок», 1898, 4 июля.
- ¹³² Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение крестьян в Сибирь. Спб., 1906, таблица.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение крестьян в Сибирь.
- ¹³⁵ Минко Н. Переселенческое движение в 1907 г.—«Вопросы колонизации», вып. 3.
- ¹³⁶ Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение крестьян в Сибирь.
- ¹³⁷ Чарушин А. Переселение в бытовом его освещении.—«Беседа», Спб., 1906, сентябрь, с. 99—101.
- ¹³⁸ Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г., с 30—44.
- ¹³⁹ Кауфман А. А. Сибирское переселение на исходе XIX в., с. 29.

- *¹⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 333.
- ¹⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 415, л. 278.
- ¹⁴² Чарушин А. Переселение в бытовом его освещении, с. 99—101.
- ¹⁴³ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 651, л. 92.
- ¹⁴⁴ Там же, д. 415, л. 352—353.
- ¹⁴⁵ Там же, д. 416, л. 69.
- ¹⁴⁶ Там же, д. 1043, л. 296.
- ¹⁴⁷ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 4, д. 2391, л. 388—391; оп. 7, д. 310, л. 175.
- ¹⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 415, л. 281.
- ¹⁴⁹ Там же, д. 613, л. 40.
- ¹⁵⁰ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 15, д. 1043, л. 296; оп. 4, д. 2391, л. 731.
- ¹⁵¹ Там же, оп. 6, д. 2277, л. 223.
- ¹⁵² Там же, оп. 4, д. 2391, л. 413; оп. 13, д. 1011, л. 203.
- ¹⁵³ Чарушин А. Переселение и аграрный вопрос.—«Вестник финансов, промышленности и торговли», 1906, № 14, с. 5.
- ¹⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 104.
- ¹⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727; 726.
- ¹⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 35.
- ¹⁵⁷ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2101, л. 164; ЦГИА СССР, ф. 396, оп. 3, д. 1245, л. 7; ф. 391, оп. 2, д. 337, л. 4; д. 792, л. 114; д. 386, л. 16.
- ¹⁵⁸ «Витебские губернские ведомости», 1897, 16 октября, № 109.
- ¹⁵⁹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2101, л. 307, 308; д. 2100, л. 64; ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 459, л. 168; д. 480, л. 48; 10; 110; д. 459, л. 58.
- ¹⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 20, л. 82, 83; д. 304, л. 11.
- ¹⁶¹ Там же; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 18, д. 244, л. 178.
- ¹⁶² Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Спб., 1900, с. 151.
- ¹⁶³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 242, оп. 1, д. 2100, л. 44—115; д. 2101, л. 196, 197, 230, 250, 310—313, 492, 541—595; д. 35767, л. 41—55; ф. 244, оп. 1, д. 6, л. 22—29, 50—54; д. 9, л. 10—50; д. 10, л. 48—53; ф. 2014, оп. 1, д. 1349, л. 14—30; д. 1354, л. 11—27; д. 1355, л. 7—25; д. 1504, л. 16—23; д. 1509, л. 63, 64; д. 1514, л. 15—32; д. 1519, л. 6—14; д. 1522, л. 94—106; д. 1533, л. 6, 10; д. 1536, л. 9—20; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 6, д. 2275, л. 30—69; д. 2276, л. 179, 180; оп. 7, д. 309, л. 68—80; д. 310, л. 4—214; оп. 16; д. 103, л. 86.
- *¹⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 64.
- ¹⁶⁵ Марусин С. Переселенческое движение на Алтай.—«Северный вестник», 1891, № 7, отд. II, с. 28.
- ¹⁶⁶ «Сельский вестник», 1892, 4 октября.
- ¹⁶⁷ Осташев В. А. Как устраиваются переселенцы в Сибири.—В кн.: Сведения о Сибири. Спб., 1897, с 276, 277.
- ¹⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 178, л. 5.
- ¹⁶⁹ Цит. по кн.: Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Спб., 1905, с. 67.
- ¹⁷⁰ Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение в Сибирь. Спб., 1906, с. 23; Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905—1907 гг.

Мінск, 1962, с. 23; Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. 2. Мінск, 1940, с. 652.

¹⁷¹ Свод статистических материалов .., с. XI.

¹⁷² ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 459, л. 58.

¹⁷³ Там же, д. 480, л. 48.

¹⁷⁴ Там же, д. 1150, л. 44.

¹⁷⁵ «Правительственный вестник», 1886, 26 января, № 21.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Нельмин Л. В далёкие края (Путевые заметки и картины). — В кн.: Русская мысль. М., 1886, с. 49.

¹⁷⁸ ЦГИА БССР в Мінске, ф. 224, оп. 1, д. 6, л. 50—54; ф. 2014, оп. 1, д. 1768, л. 4; д. 1773, л. 4; д. 2170, л. 4; ф. 242, оп. 1, д. 35767, л. 349; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 4, д. 2391, л. 348, 349; ЦГИА БССР в Мінске, ф. 2014, оп. 1, д. 1767, л. 5, 6.

¹⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 480, л. 4; ЦГИА БССР в Мінске, ф. 1595, оп. 1, д. 166, л. 6.

¹⁸⁰ ЦГИА БССР в Мінске, ф. 242, оп. 1, д. 2448, л. 11; ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 7, д. 310, л. 130.

¹⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 319, л. 3.

¹⁸² ЦГИА БССР в Мінске, ф. 2014, оп. 1, д. 2160, л. 5.

¹⁸³ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 480, л. 101.

¹⁸⁴ Там же, л. 103.

¹⁸⁵ ЦГИА БССР в Мінске, ф. 2014, оп. 1, д. 2129, л. 2.

Значение крестьянских переселений для районов выхода мигрантов

¹ Миграция сельского населения. М., 1970, с. 13.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 596.

³ Введенский И. Переселение и аграрный вопрос.—«Вопросы колонизации», Спб., 1909, № 5, с. 2.

⁴ Турчинов Н. Земельное обеспечение переселенцев и ликвидация ими надельной земли на родине.—«Вопросы колонизации», Спб., 1913, № 12, с. 246.

⁵ Иванюков И. Очерки провинциальной жизни.—«Русская мысль», М., 1893, № 11, с. 175.

⁶ Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. Спб., 1894, с. XXXIX.

⁷ Кауфман А. Переселение и его роль в аграрной программе.— В сб.: Аграрный вопрос. М., 1906, с. 128.

⁸ Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1888, с. 90.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 68.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 716.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.

¹² Там же.

¹³ Цит. по кн.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 201.

¹⁴ Полное собрание законов..., З собр., т. XIII, № 10151.

¹⁵ ЦГИА БССР в Мінске, ф. 1595, оп. 1, д. 166, л. 5.

¹⁶ Там же, ф. 2001, оп. 1, д. 1708, л. 77—80.

- ¹⁷ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 7, д. 310, л. 43.
- ¹⁸ Там же, л. 94; 103.
- ¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 459, л. 70.
- ²⁰ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 7, д. 310, л. 44, 94.
- ²¹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 480, л. 88.
- ²² Там же, д. 149, л. 276.
- ²³ Там же, д. 459, л. 41.
- ²⁴ Там же, л. 60..
- ²⁵ Там же, л. 11.
- ²⁶ «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», вып. 5. Витебская губерния». Спб., 1903, с. 196.
- ²⁷ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 459, л. 61.
- ²⁸ Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение в Сибирь. Спб., 1906, с. 23.
- ²⁹ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 459, л. 60.
- ³⁰ Там же, ф. 1273, оп. 1, д. 437, л. 251.
- ³¹ Там же, ф. 1284, оп. 223, д. 203, л. 10.
- ³² Там же, ф. 391, оп. 2, д. 149, л. 84—87.
- ³³ ЦГИА БССР в Гродно, ф. 10, оп. 4, д. 2391, л. 529.
- ³⁴ Там же, л. 1.
- ³⁵ ЦГИА БССР в Минске, ф. 2014, оп. 1, д. 1546, л. 8; д. 2134, л. 3; ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 54, л. 8; д. 339, л. 105; д. 1242, л. 4.
- ³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 8; ф. 1282, оп. 3, д. 484, л. 40.
- ³⁷ Там же, ф. 1284, оп. 223, д. 24, л. 36; ф. 391, оп. 2, д. 480, л. 100.
- ³⁸ Там же, ф. 1284, оп. 223, д. 8, л. 16; д. 26, л. 6.
- ³⁹ Там же, ф. 391, оп. 2, д. 20, л. 54.
- ⁴⁰ Там же, ф. 1284, оп. 223, д. 8, л. 17; д. 24, л. 36.
- ⁴¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 183, оп. 2, д. 14980, л. 2, 3, 52, 92.
- ⁴² Там же, л. 52, 92.
- ⁴³ Там же, л. 52.
- ⁴⁴ Там же, л. 98.
- ⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 104, л. 1—11.
- ⁴⁶ Там же, д. 20, л. 54—60.
- ⁴⁷ Там же, д. 528, л. 48.

Заключение

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 175.
- ² Там же, т. 4, с. 431.
- ³ Там же, т. 3, с. 283.
- ⁴ Там же, с. 244.
- ⁵ Там же, с. 224.
- ⁶ Там же, т. 4, с. 431.
- ⁷ Там же, т. 23, с. 153; 104.
- ⁸ Там же, т. 3, с. 581.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Предпосылки крестьянских переселений	13
Пореформенные аграрные отношения. Социальное расслоение крестьянства	13
Пережитки крепостничества	21
Обнищание крестьянских масс	24
Переселенческая политика	29
Отношение к крестьянским переселениям в 60—70-е гг.	29
Законодательство по переселенческому вопросу 80—90-х гг.	39
Крестьянские переселения 60—90-х гг.	61
У истоков аграрных миграций крестьянства	61
Переселенческое движение 80 — первой половины 90-х гг.	73
Крестьянские переселения во второй половине 90-х гг.	91
Социально-экономическая характеристика переселенцев	99
Значение крестьянских переселений для районов выхода мигрантов	112
Заключение	127
Примечания	130

Павел Дмитриевич Верещагин

Крестьянские переселения из Белоруссии

(Вторая половина XIX в.)

Редактор В. В. Сербантоевич. Младший редактор Н. А. Полторжицкая. Художник В. И. Белецкий. Художественный редактор Л. Г. Медведева. Технический редактор В. П. Безбородова. Корректор И. И. Светлакова.

ИБ № 246

Сдано в набор 17.07.78. Подписано в печать 14.11.78. АТ 09378. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 3. Гарнитура литература. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 8,29. Тираж 1300 экз. Заказ № 967. Цена 1 р. 30 к. Издательство Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Минск, Парковая магистраль, 11. Дом книги. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Ленинский проспект, 68.